Б-43

Библіотека Н. Н. МИХАЙЛОВСКАГО
шкафъ VI полка II № 31

В. Белинский

Б-43

СЕМЬ СТАТЕЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО

Текстъ дополненъ и исправленъ по подлиннымъ рукописямъ

подъ редакціей

П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина

550

БИБЛІОТЕКА
С-ея для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

Пен. [illegible] Н-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

325
Б. М.

МОСКВА
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ
1898

172

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ редакторовъ	V
Гамлетъ въ переводѣ Полеваго	1
Уголино	19
Сто русскихъ литераторовъ	35
Стихотворенія гр. Растопчиной	79
Сумароковъ С. Глинки	85
Взглядъ на русскую литературу 1846 г.	92
Мертвыя Души	153
Библіографическія примѣчанія	157

На выставкѣ въ память Бѣлинскаго, устроенной въ Москвѣ Обществомъ Любителей Россійской Словесности (съ 8-го по 12-е апрѣля 1898 г.), были подлинныя рукописи Бѣлинскаго, купленныя букинистомъ П. В. Толченовымъ, послѣ смерти Н. Х. Кетчера, всего 357 листовъ. Рукописи эти не заключали ни одной статьи новой, неизвѣстной въ печати, но при сравненіи съ печатнымъ текстомъ оказалось, что онѣ даютъ много дополненій и разночтеній. Рукописи эти и послужили основаніемъ для настоящаго изданія.

Въ нихъ заключалось одиннадцать статей, но теперь печатается *исправленный текстъ* только семи статей; такъ какъ въ распоряженіе издателей рукописи поступили только по закрытіи выставки, вслѣдствіе чего по недостатку времени пришлось ограничить программу изданія, и отложить до времени слѣдующія статьи: „О народной поэзіи“, статья III и IV, „Идея искусства“, „Общее значеніе слова литература“ (позднѣйшая редакція), „Общій взглядъ на народную поэзію“. Впослѣдствіи предполагается издать и эти статьи.

Въ нынѣшнемъ изданіи помѣщено семь статей различныя по своему характеру и содержанію, по времени своего появленія въ печати (1838—1847 гг.). Цѣль изданія была дать текстъ статей въ томъ самомъ видѣ, ка-

кимъ онъ вышелъ изъ подъ пера Бѣлинскаго, безъ постороннихъ сокращеній и измѣненій.

Текстъ статей Бѣлинскаго имѣетъ иногда по четыре послѣдовательныхъ редакціи. *Первая*—подлинная редакція, въ томъ видѣ, въ какомъ, послѣ поправокъ и передѣлокъ, статья была сдана для напечатанія. Въ этомъ подлинномъ текстѣ уже редакторъ журнала нерѣдко дѣлалъ свои измѣненія, и получалась *вторая* редакція; *третья* редакція, это—печатный текстъ журнала, съ измѣненіями и сокращеніями, сдѣланными цензурою; наконецъ, *четвертая* редакція образовалась при изданіи сочиненій Бѣлинскаго въ 1859 — 1862 гг. Редакторъ этого изданія Н. Х. Кетчеръ воспользовался рукописями Бѣлинскаго, но не вполнѣ: изъ рукописей были внесены многія поправки, и частію возстановленъ подлинный текстъ Бѣлинскаго, уничтоженіемъ чужихъ измѣненій, но сдѣлано это было далеко не вездѣ, и во многихъ мѣстахъ изданіе сочиненій сохранило пропуски и измѣненія журнальнаго текста. Кромѣ того Н. Х. Кетчеръ съ своей стороны дѣлалъ измѣненія и сокращенія въ текстѣ печатаемыхъ статей. Наконецъ, при отдѣльномъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго цензура иногда не пропускала даже того, что было раньше напечатано въ журналѣ: такъ въ статьѣ о русской литературѣ 1846 года (см. ниже, стр. 146—147) выпущено было замѣчаніе по поводу „Московскаго Сборника“. Такимъ образомъ, текстъ, напечатанный въ первомъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго и потомъ перепечатывавшійся въ послѣдующихъ изданіяхъ, представляется по отношенію къ журнальнымъ статьямъ отчасти исправленнымъ и дополненнымъ, хотя и недостаточно, а отчасти—сокращеннымъ и измѣненнымъ.

Въ нашу задачу не входило полное сопоставленіе всѣхъ четырехъ редакцій печатаемыхъ статей Бѣлин-

скаго: мы напечатали тексты подлинныхъ рукописей, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ авторомъ. Въ примѣчаніяхъ мы указываемъ на особенности послѣдующихъ редакцій, образовавшихся изъ первой при помощи чужихъ поправокъ, но при этомъ всѣ мелкія, незначительныя отличія мы оставили не оговоренными.

Помимо чужихъ поправокъ рукописи Бѣлинскаго содержатъ, конечно, много поправокъ самого автора. Если зачеркнутыя авторомъ фразы и выраженія придавали особый оттѣнокъ мысли, или заключали какую - нибудь лишнюю черту, имѣющую значеніе, мы вносили такія мѣста въ подстрочныя примѣчанія.

Наиболѣе крупныя вставки изъ рукописей, внесенныя въ прежній печатный текстъ отмѣчены * звѣздочкой въ началѣ и ** двумя звѣздочками въ концѣ; болѣе же мелкія вставки внесены въ текстъ, безъ указанія на нихъ, потому что исторія печатнаго текста Бѣлинскаго, какъ сказано, не входила въ нашу задачу.

Что касается орѳографіи Бѣлинскаго, то мы старались сохранить нѣкоторыя характерныя ея особенности, измѣняя описки или опечатки.

Въ библіографическихъ примѣчаніяхъ въ концѣ книги находятся болѣе подробныя указанія относительно каждой отдѣльной рукописи, которыми мы пользовались.

Въ виду спѣшности изданія пришлось удовлетвориться приложеніемъ того портрета Бѣлинскаго, какой оказался готовымъ: это снимокъ съ извѣстной гравюры Іордана. Приложенъ также снимокъ съ рукописи Бѣлинскаго: окончаніе его статьи „О Гамлетѣ“ въ переводѣ Полеваго, съ подписью автора. Оба снимка исполнены фототипіей К. А. Фишера.

Что! угадали! что онъ въ пере-
шагнетъ, можетъ = быть, опередивъ
соперниковъ, займетъ ~~[illegible]~~ своего
сильнаго юности, не гостемъ, но уже
хозяевомъ на ~~[illegible]~~ современномъ пиру
современности! Мы увѣрены,
что онъ первый и отъ всего сердца
поздравляемъ ихъ побѣдою!

В. Бѣлинскій.

ГАМЛЕТЪ ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

Драматическое представленіе. Сочиненіе Вилліама Шекспира. Переводъ съ англійскаго Николая Полеваго. Москва. 1837.

Въ статьѣ о „Гамлетѣ“ Шекспира и объ игрѣ Мочалова въ роли Гамлета я хотѣлъ вполнѣ представить судьбу, въ нашемъ отечествѣ, одного изъ величайшихъ созданій величайшаго драматическаго генія. Игра Мочалова и ея дѣйствіе на московскую публику были главнымъ предметомъ, главною, основною мыслію моей статьи. Но кромѣ того я почелъ еще нужнымъ и разсмотрѣть критически, какъ умѣлъ и какъ могъ, самую пьесу, и не только разобрать, но и сравнить переводъ г. Полеваго съ переводомъ г. Вронченки. Но такъ какъ статья моя вышла чрезвычайно велика, то разборъ перевода не могъ войдти въ нее, и потому я рѣшился посвятить ему особенную статью, которая здѣсь и предлагается на судъ читателей.

Всякій предметъ человѣческаго знанія имѣетъ свою теорію, которая есть сознаніе законовъ, по которымъ онъ существуетъ. Сознавать можно только существующее, только то, что есть, и потому для созданія теоріи какого-нибудь предмета должно, чтобы этотъ предметъ, какъ данное, или уже существовалъ, какъ явленіе, или находился въ созерцаніи того, кто создаетъ его теорію. Нѣкоторые утверждаютъ, что будто въ Германіи теорія искусства предупредила само искусство, что оно было тамъ результатомъ теоріи, и что наконецъ такова же должна быть участь искусства и у насъ въ Россіи. Мысль, очевидно, ложная; не входя въ дальнія разсужденія,

ее можно опровергнуть самыми фактами. Въ Германіи эстетика, будучи многимъ одолжена поэту Шиллеру, одолжена еще болѣе философамъ Шеллингу и Гегелю, изъ которыхъ первый еще живъ, тогда какъ не осталось въ живыхъ ни одного изъ великихъ ея поэтовъ, ни представителя ихъ, Гёте. И не могло быть иначе, потому что если сознаніе предмета не дается самимъ этимъ предметомъ, то пробуждается имъ. Теперь, что бы могло возбудить въ нѣмцахъ стремленіе къ сознанію изящнаго, если у нихъ еще не было образцовъ изящнаго?—Искусство древнихъ! Но интересу, который должно было возбудить въ нихъ древнее искусство, долженъ былъ предшествовать интересъ, возбужденный къ своему родному искусству. Понимать древнее искусство можно только объективно, а объективности непремѣнно должна предшествовать субъективность, иначе эта объективность будетъ уродливая, безплодная. Примѣръ французовъ лучше всего доказываетъ эту истину: не имѣя своей литературы, они имѣли понятіе о греческой, хотя и не понимали ея; захотѣли свою создать по ея образцу—и вышла нелѣпость. Вся ошибка въ томъ, что они поняли греческую литературу субъективно, т. е. поняли ее какъ французы, и поняли ее какъ бы свою, французскую литературу, а не объективно, т. е. не такъ, какъ бы должны были французы понять чужую литературу, въ духѣ и жизни того народа, которому она принадлежала.

Мы могли бы привести и еще много доказательствъ и примѣровъ, что теорія всего того, чего нѣтъ, что́ не существуетъ, не имѣетъ цѣны, достоинства—даже мыльнаго пузыря. Если же предметъ теоріи находится, какъ данное, только въ созерцаніи автора теоріи, то какъ бы ни вѣрно было его созерцаніе, его теорія будетъ понятна только для одного его. Въ обоихъ случаяхъ отсутствіе предмета теоріи уничтожаетъ возможность всякой теоріи. Если у иностранцевъ есть превосходные переводы—нашей публикѣ отъ этого не легче, и тайна переводовъ на русскій языкъ для нея должна остаться тайною до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь талантливый переводчикъ самымъ дѣломъ не покажетъ, какъ должно переводить съ того или другого языка, того или другаго поэта.

Жуковскій давно уже показалъ, какъ [1]) должно переводить Шиллера (особенно переводомъ „Орлеанской Дѣвы“) и Байрона (переводомъ „Шильйонскаго Узника“). Теперь это вопросъ рѣшенный; дорога проложена, и продолжателямъ предоставлена возможность даже дальнѣйшихъ успѣховъ. Но въ литературѣ нашей возникъ новый вопросъ, и уже давно: вопросъ — какъ должно переводить Шекспира? Г. Вронченко первый началъ переводить Шекспира съ подлинника; онъ перевелъ „Гамлета“ вполнѣ, безъ всякихъ перемѣнъ, но вопросъ остался нерѣшеннымъ; г. Якимовъ перевелъ „Лира“ и „Венеціанскаго Купца“ — и вопросъ еще больше запутался; между этими двумя переводами былъ данъ на сценѣ переводъ (прозою) „Венеціанскаго Купца“; Шайлока игралъ Щепкинъ и игралъ превосходно, а вопросъ все-таки ни на шагъ не подвинулся рѣшеніемъ. Наконецъ, теперешній переводчикъ „Гамлета“ написалъ статью о томъ, какъ должно переводить Шекспира, — но вопросъ попрежнему оставался вопросомъ. Явился „Гамлетъ“ на московской сценѣ, и вопросъ рѣшенъ.

Прежде, нежели будемъ говорить о переводѣ, мы должны сказать, что нисколько не почитаемъ этого перевода совершеннымъ переводомъ или чудомъ, фениксомъ переводовъ. Нѣтъ! Во-первыхъ, въ немъ много недостатковъ, и недостатковъ важныхъ; во-вторыхъ, мы очень понимаемъ, какъ можетъ быть лучшій и лучшій переводъ „Гамлета“. Переводъ г. Полеваго — прекрасный, поэтическій переводъ; а это уже большая похвала для него и большое право съ его стороны на благодарность публики. Но есть еще не только *поэтическіе*, но и *художественные* переводы, и переводъ г. Полеваго не принадлежитъ къ числу такихъ. Повторяемъ: его переводъ *поэтическій*, но не *художественный*; съ большими достоинствами, но и съ большими недостатками. Но даже и не въ этомъ заслуга г. Полеваго: его переводъ имѣлъ полный успѣхъ, далъ Мочалову возможность выказать всю силу своего гигантскаго дарованія, утвердилъ „Гамлета“ на русской сценѣ. Вотъ въ чемъ его заслуга, и мы заранѣе отказываемся отъ

---

[1]) Отсюда начинается имѣющаяся у насъ рукопись.

всякаго спора съ тѣми людьми, которые не захотѣли бы видѣть въ этомъ великой заслуги и литературѣ, и сценѣ, и дѣлу общественнаго [1]) образованія. Не будь переводъ г. Полеваго даже поэтическимъ, но имѣй такой же успѣхъ — мы и тогда смотрѣли бы на него, какъ на дѣло великой важности. Можетъ-быть, намъ возразятъ, что безъ поэтическаго достоинства переводъ и не могъ бы имѣть никакого успѣха: съ этимъ мы согласны.

Утвердить въ Россіи славу имени Шекспира, утвердить и распространить ее не въ одномъ литературномъ кругу, но во всемъ читающемъ и посѣщающемъ театръ обществѣ; опровергнуть ложную мысль, что Шекспиръ не существуетъ для новѣйшей сцены, и доказать, напротивъ, что онъ-то преимущественно и существуетъ для нея: — согласитесь, что это заслуга, и заслуга великая!

Правило для перевода художественныхъ произведеній одно: передать духъ переводимаго произведенія, чего нельзя сдѣлать иначе, какъ передавши его на русскій языкъ такъ, какъ бы написалъ его по-русски самъ авторъ, если бы онъ былъ русскимъ. Чтобъ *такъ* передавать художественныя произведенія, надо родиться художникомъ.

Въ *художественномъ* переводѣ не позволяется ни выпусковъ, ни прибавокъ, ни измѣненій. Если въ произведеніи есть недостатки — и ихъ должно передать вѣрно. Цѣль такихъ переводовъ есть — замѣнить по возможности подлинникъ для тѣхъ, которымъ онъ недоступенъ по незнанію языка, и дать имъ средство и возможность наслаждаться имъ и судить о немъ.

Съ такою цѣлію перевелъ г. Вронченко „Гамлета“ и „Макбета“ Шекспира. Но ни въ томъ, ни въ другомъ переводѣ онъ не достигнулъ своей цѣли. Не говоря о другихъ причинахъ, главною причиною этого неуспѣха было то̀, что Шекспиръ еще недоступенъ для большинства нашей публики въ настоящемъ своемъ видѣ; что̀ въ немъ понятно и извинительно для любителя искусства, посвятившаго себя его изученію, то̀ не понятно и не извинительно въ глазахъ большинства.

[1]) Печаталось: собственнаго, что объясняется опиской въ подлинникѣ, гдѣ написано: „обственнаго“.

Такъ какъ переводы дѣлаются не для нѣсколькихъ человѣкъ, а для всей читающей публики, и такъ какъ сцена должна дѣйствовать не на одинъ партеръ и первые ряды ложъ, а на весь амфитеатръ, то переводчикъ долженъ строго сообразоваться со вкусомъ, образованностью, характеромъ и требованіями публики. Вслѣдствіе этого, переводя Шекспира для чтенія публики, онъ не только имѣетъ право, но еще и долженъ выкидывать все, что̀ не понятно безъ комментарій, что̀ принадлежитъ собственно вѣку писателя, словомъ, для легкаго уразумѣнія чего нужно особенное изученіе. Переводя же драму Шекспира для сцены, онъ тѣмъ болѣе обязывается къ такимъ выпускамъ, прибавкамъ и перемѣнамъ, чѣмъ разнообразнѣе публика, для которой онъ трудится. И ученому непріятно слышать на сценѣ такія слова и фразы, для которыхъ нужны комментаріи; что̀ жъ должно сказать въ этомъ отношеніи о простыхъ любителяхъ театра, изъ которыхъ многіе въ первый разъ въ жизни слышатъ имя Шекспира? Сверхъ того, не все то̀ говорится въ обществѣ, что̀ читается въ тиши кабинета; не все то́ можетъ читать дѣвушка и вообще женщина, что̀ позволительно читать мужчинѣ; это правило должно быть закономъ для пьесъ, даваемыхъ на театрѣ.

Безъ *такихъ* переводовъ невозможны художественные, полные переводы драмъ Шекспира, потому что они скорѣе вредятъ цѣли, нежели способствуютъ ей. Если бы искаженіе Шекспира было единственнымъ средствомъ для ознакомленія его съ нашею публикою,—и въ такомъ случаѣ не для чего бъ было церемониться; искажайте смѣло, лишь бы успѣхъ оправдалъ ваше намѣреніе: когда двѣ, три и даже одна пьеса Шекспира, хотя бы и искаженная вами, упрочила въ публикѣ авторитетъ Шекспира и возможность лучшихъ, полнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ переводовъ той же самой пьесы, вы сдѣлали великое дѣло, и ваше искаженіе, или передѣлка, въ тысячу разъ достойнѣе уваженія, нежели самый вѣрный и добросовѣстный переводъ, если онъ, несмотря на всѣ свои достоинства, болѣе повредилъ славѣ Шекспира, нежели распространилъ ее.

Иногда въ литературѣ являются особеннаго рода дѣятели: имѣютъ безконечное вліяніе на свое время и не производятъ ничего, что̀ бы пережило даже ихъ самихъ. Обыкновенно такіе люди отличаются дѣятельностью многосторонней и разнообразною; ни въ чемъ не обнаруживаютъ рѣшительнаго генія или даже и сильнаго таланта, и ко всему показываютъ большую способность; не принадлежатъ ни къ какому предмету знанія или дѣятельности исключительно, и берутся за всѣ и во всѣхъ успѣваютъ. Обыкновенно чѣмъ блестящѣе бываютъ ихъ успѣхи, тѣмъ они кратковременнѣе [1]). * Положимъ, напримѣръ, что въ томъ обществѣ, въ которомъ явится такой дѣятель [2]), есть сильная потребность изящнаго, но понятія о немъ самыя ложныя, самыя сбивчивыя, и что это общество принимаетъ за чистое золото литературную мишуру и восхищается ею: тогда нашъ дѣятель начинаетъ съ жаромъ нападать на уродливыя произведенія мнимаго искусства, доказывать ихъ нелѣпость и ничтожность и противопоставлять имъ изящныя произведенія [3]) въ этомъ родѣ иностранныхъ поэтовъ. Но этого мало, онъ идетъ дальше: чувствуя въ себѣ [4]) безпрестанную тревогу [5]), побуждающую на всѣ роды дѣятельности, и, можетъ быть, принимая огонь души своей за пламя творческаго одушевленія, онъ самъ начинаетъ писать во всѣхъ родахъ. Чего хотите?—вотъ повѣсть, вотъ романъ историческій, вотъ романъ изъ частной жизни, вотъ переводы изъ Шекспира, вотъ оригинальныя драмы и—пожалуй—водевили. И все это для того, чтобы показать, *какъ должно писать повѣсти, романы, какъ должно переводить и писать*

---

1) Начиная съ *„Положимъ“ и до словъ: „его заслугъ“.. , отмѣченныхъ**, идетъ вставка по рукописи. Это мѣсто въ рукописи начинается въ концѣ 6 листа и кончается въ серединѣ 8, т. е. занимаетъ около четырехъ страницъ. Оно въ подлинникѣ не зачеркнуто, а все обведено по полямъ краснымъ карандашомъ.

2) Эта фраза надписана надъ четырьмя строками, усиленно зачеркнутыми, такъ что ихъ трудно разобрать.

3) Эти два слова надписаны надъ зачеркнутымъ: „творенія“.

4) Было: „въ душѣ своей“; исправлено сверху: „въ себѣ“, зачеркнуто и опять вписано.

5) Зачеркнуто: „и огонь, какое-то“...

драмы и водевили. И что-же? Все это принимается съ восторгомъ: повѣсть или отрывокъ изъ романа такого всеобъемлющаго ума почитается украшеніемъ альманаха и журнала; изданіе повѣстей его расхватывается, новый романъ тоже расходится; переводъ драмы доставляетъ ему вызовъ, рукоплескания [1]); оригинальныя драмы утверждаютъ за нимъ колоссальную славу драматурга: въ театрѣ давка, самые враги принуждены восхищаться, все хлопаетъ, плачетъ, восклицаетъ. Водевиль его [2]) уничтожаетъ всѣ водевили и помрачаетъ славу всѣхъ водевилистовъ. Но чѣмъ обыкновенно оканчивается такая слава?—безсмертіемъ отвѣчаете вы. Можетъ быть, и безсмертіемъ, только обыкновенно не за то и не такимъ, какъ думалъ и надѣялся литературный дѣятель такого рода. Его имя впишется въ исторію литературы и общественнаго образованія, получитъ въ ней *свое* мѣсто, смотря по степени его вліянія на современность; но его произведенія, эти чада его фантазіи, недолго будутъ наслаждаться здоровьемъ и жизнію по смерти своего родителя. Часто случается, что онъ переживаетъ ихъ, и умираетъ окруженный и еще свѣжими, и уже увядшими ихъ могилами... Случается иногда и то, что такой дѣятель литературы и знанія, начавши свое поприще отрицаніемъ всего стараго и, слѣдовательно, нападками на *отсталыхъ*, *отставшихъ* и *запоздавшихъ*, оканчиваетъ его въ числѣ *отсталыхъ*, *отставшихъ* и *запоздавшихъ* и сходитъ съ него оглушаемый [3]) ропотомъ и нападками молодыхъ поколѣній. Какъ прежде ему все удавалось—такъ теперь все противъ него, — и друзья, и враги и — больше всего—онъ самъ. И это естественно: прежде онъ дѣйствовалъ въ знакомой ему сферѣ, какъ бы у себя дома, гдѣ все ему знакомо, гдѣ онъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ; а теперь онъ въ гостяхъ, или какъ лунатикъ, очнувшійся въ чужомъ домѣ [4]), гдѣ на него смотрятъ съ недоумѣніемъ и досадою... Что остается ему теперь? Одна отрадная мысль,

---

1) Зачеркнуто: „славу, расходъ, быстрый расходъ“.

2) Зачеркнуто: „заставляетъ“.

3) Надписано вмѣсто зачеркнутаго „сопровождаемый“.

4) Зачеркнуто: „и тщетно ожидающій обычной чашки чаю, объ ко“..

что придетъ время, когда ему воздастся должное, когда оцѣнятся его труды, его заслуги...** [1])

Но [2]) обратимся къ переводамъ Шекспира. Мы сказали, что ихъ должно быть два рода: одинъ, имѣющій цѣлію по возможности замѣненіе подлинника и въ художественномъ, и въ историческомъ, и въ литературномъ отношеніяхъ; другой, имѣющій цѣлію ознакомленіе публики съ великимъ драматургомъ. Переводъ „Гамлета“ г. Полеваго принадлежитъ къ этому второму разряду переводовъ.

Въ 1828 году вышелъ переводъ „Гамлета“ г. Вронченки,— человѣка, страстно любящаго Шекспира и обладающаго талантомъ поэзіи. Этихъ двухъ качествъ должно бъ быть достаточно для удачнаго перевода, но переводъ не имѣлъ никакого успѣха. Впрочемъ трудъ г. Вронченки достоинъ высокаго уваженія: онъ многимъ далъ возможность познакомиться съ Шекспиромъ; говоря о неудачѣ, мы разумѣемъ публику. Этому были три причины: первая — переводъ былъ полный, безъ всякихъ измѣненій; вторая—переводъ былъ вѣрный въ буквальномъ значеніи, почти подстрочный, почему и не передалъ духа этого великаго созданія; третья—не говоря о томъ, что буквальная точность связывала слогъ переводчика,—его понятіе о языкѣ и слогѣ довершили неудачу перевода. Спѣшимъ объясниться.

Еслибы мы видѣли въ г. Вронченкѣ человѣка, взявшагося не за свое дѣло, мы не стали бы и говорить о его переводѣ, какъ о вещи, нестоящей вниманія и уже старой. Но многія, прекрасно переданныя мѣста и вообще всѣ безъ исключенія лирическія мѣста, въ которыхъ г. Вронченко вполнѣ уловилъ могучую поэзію Шекспира, доказываютъ намъ, что переводить Шекспира—его дѣло; но что только ложное понятіе о близости перевода и о русскомъ слогѣ лишили его успѣха на поприщѣ, которое онъ избралъ съ такой любовію. Мы не говоримъ о томъ, что̀ онъ не такъ понялъ „Гамлета“, какъ должно, что̀ видно изъ его предисловія, гдѣ онъ доказываетъ,

---

[1]) Зачеркнуто: „потому что ничто дѣйствительное не исчезаетъ“.
[2]) Зачеркнуто: „мы заговорились“.

что Шекспиръ имѣлъ какую-то моральную цѣль: поэты часто ошибочно выговариваютъ то, что глубоко и вѣрно понимаютъ безсознательно. Итакъ, это въ сторону.

Близость къ подлиннику состоитъ въ передачѣ не буквы, а духа созданія. Каждый языкъ имѣетъ свои, одному ему принадлежащія средства, особенности и свойства, до такой степени, что для того, чтобы передать вѣрно иной образъ или фразу, въ переводѣ ихъ иногда должно совершенно измѣнить. Соотвѣтствующій образъ такъ же, какъ и соотвѣтствующая фраза состоятъ не всегда въ видимой соотвѣтственности словъ: надо чтобы внутренняя жизнь переводнаго выраженія соотвѣтствовала внутренней жизни оригинальнаго. Кажется, что бы могло быть ближе прозаическаго перевода, въ которомъ переводчикъ нисколько не связанъ, а между тѣмъ прозаическій переводъ есть самый отдаленный, самый невѣрный и неточный, при всей своей близости, вѣрности и точности. Возьмите переводъ Гизо и сравните его хоть съ переводомъ г. Вронченки, и вы увидите, что между ними такая разница, какъ будто бы это были переводы двухъ различныхъ сочиненій. Во французскомъ прозаическомъ переводѣ совершенно утраченъ этотъ *букетъ* [1]), который составляетъ жизнь всякаго изящнаго произведенія, и безъ котораго оно похоже на выдохшееся вино; по его вкусу и цвѣту можно узнать только то, къ какому сорту принадлежало оно нѣкогда [2]).

Въ нашей литературѣ возникъ уже давно вопросъ о словахъ: *сей*, *оный*, *ибо*, *таковый* и тому подобныхъ, которыя одними почитаются необходимостью русской рѣчи, а другими— ея уродствомъ и искаженіемъ. Оставляя въ сторонѣ рѣшеніе этого вопроса, какъ не идущее къ дѣлу, мы замѣтимъ только, что въ драматическихъ произведеніяхъ эти слова всѣми единодушно признаны негодными къ употребленію, потому что они

---

[1]) Зачеркнуто: „великаго созданія Шекспира и сохраненъ какой-то, изъ него вышло какое-то“...

[2]) Впрочемъ, тутъ есть еще и другая причина: французскій языкъ, этотъ бѣдный, жалкій языкъ, имѣетъ необыкновенную способность опошливать все, что не водевиль или не громкія фразы,—двѣ крайности, составляющія жизнь французскаго народа.

не употребляются въ разговорной рѣчи, а драматическій слогъ есть по преимуществу разговорный. Г. Вронченко пользовался ими съ излишнею расточительностію. Потомъ признано всѣми за непреложную истину, что драматическій языкъ, какъ языкъ разговорный, долженъ быть въ высшей степени естественъ, т.-е. отрывистъ, чуждъ вводныхъ предложеній, чистъ, простъ, коротокъ, ясенъ, понятенъ безъ напряженія. Не менѣе того согласны всѣ и въ томъ, что стихотворный языкъ точно такъ же, какъ и прозаическій, долженъ быть правиленъ грамматически, вѣренъ своему духу, свободенъ, развязенъ, чуждъ вычурныхъ книжныхъ оборотовъ. Каково читать, не только слышать со сцены, такіе стихи, какъ вотъ слѣдующіе? —

Такъ робкими творитъ всегда насъ совѣсть;
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя быть свой,
Именъ дѣяній не стяжаютъ.

Въ переводѣ г. Полеваго эта мысль выражена такъ—

Ужасное сознанье робкой думы!
И яркій цвѣтъ могучаго рѣшенья
Блѣднѣетъ передъ мракомъ размышленья,
И смѣлость быстраго порыва гибнетъ,
И мысль не переходитъ въ дѣло.

То ли это? А въ чемъ же разница?—Въ томъ, что у одного языкъ книжный, а у другого живой, разговорный.

Уснуть?—Но сновидѣнья?—*Вотъ препона;*
Какія будутъ въ смертномъ снѣ мечты,
Когда мятежную мы свергнемъ бренность.
О томъ *помыслить* должно!

Что за слово *препона?* Кто употребляетъ его въ разговорѣ? Зачѣмъ, скажите ради Бога, должно *помыслить*, а не *подумать*? Развѣ потому, что въ трагедіи требуется *высокій*, а не *средній* и не *низкій* слогъ?—Но, во-первыхъ, Шекспиръ

писалъ драмы, а не трагедіи, а, во-вторыхъ, онъ не читалъ русскихъ риторикъ и не вѣрилъ раздѣленію слога на *высокій*, *средній* и *низкій*. Для него существовалъ *одинъ* слогъ—слогъ души человѣческой на всѣхъ ступеняхъ ея развитія и во всѣхъ моментахъ ея жизни. Шекспиръ не гнушался никакими словами: для чистаго все чисто; резонёрство, чопорность и щепетильность нужны только для тартюфовъ.

Здѣсь тонкостей нѣтъ вовсе, королева.
Что онъ помѣшанъ—правда; также правда,
Что жаль его, и жаль, что это правда;
Престранная фигура? Ну, да Богъ съ ней!
Здѣсь тонкостей не нужно. Онъ помѣшанъ,
Сказали мы, теперь въ чемъ дѣло? Должно
Найти *сего* причину *дѣйства*: *дѣйства*
Иль, правильнѣй сказать, *сего бездѣйства*
Души и тѣла, ибо на *сіе*
Бездѣйственное дѣйство есть причина.
Вотъ что намъ должно, стало это долгъ нашъ,
Судите жъ сами;
Я дочь имѣю; т. е. я имѣю,
Пока она моя; и эта дочь
Мнѣ сообщила вотъ что—посмотрите!

Конечно, Полоній хотѣлъ говорить *ученымъ* слогомъ и потому могъ употреблять *ибо*, но *сіи*, *дѣйства* и *бездѣйства*—это ужъ верхъ учености въ языкѣ. Для сравненія выпишемъ тотъ же монологъ изъ другого перевода—

Королева, я клянусь, что *мыслю* (?) лишь объ этомъ!
Онъ сумасшедшій—правда; жаль,
А потому и жаль, что правда—глупая фигура,
Да Богъ съ ней, потому что дѣло въ дѣлѣ!
Онъ сумасшедшій—мы согласны—вотъ и остается
Найдти причину таковыхъ послѣдствій,
Иль лучше таковыхъ безслѣдствій,
Ибо слѣдствіе есть то, что слѣдъ пропалъ отъ дѣла.
Такъ, кончено, и наконецъ идемъ къ концу—
Вниманія, король и королева!
Я дочь имѣю, ибо эта дочь моя,
Которая, изъ послушанія и долга, мнѣ
Передала бумагу и—прошу послушать.

Опять—тò же, да не тò [1]); какъ-то больше жизни, свободы, непринужденности, словомъ—разговорности.

Сядь, Горацiо!
Мы вновь на слухъ твой нападемъ столь сильно,
Противъ разсказовъ нашихъ о видѣньи
Двѣ ночи здѣсь ходившемъ укрѣпленный.

Понятно ли?—Нѣтъ, чтобы понять, надо перестроить конструкцію, отыскать подлежащее и сказуемое, а когда—скажите—дѣлать это въ театрѣ?

Ну, что, Горацiо? Ты дрожишь? Ты блѣденъ?
Не больше ль, чѣмъ мечта, *сiе* видѣнье?
Что *мыслишь* ты?

Этихъ выписокъ довольно для показанія недостатковъ перевода г. Вронченки и поясненія причины его неуспѣха; скоро покажемъ мы его достоинства, но прежде перейдемъ къ переводу г. Полеваго.

Наше сужденіе о немъ будетъ очень коротко: при разборѣ пьесы и игры Мочалова мы дѣлали такъ много выписокъ, что читатели нашего журнала имѣютъ слишкомъ много данныхъ для сужденія. Языкъ правильный, въ высшей степени разговорный, сообразно съ каждымъ дѣйствующимъ лицомъ, сверхъ того языкъ живой, согрѣтый, проникнутый огнемъ поэзіи: вотъ главное достоинство этого перевода. Въ отношеніи къ простотѣ, естественности, разговорности и поэтической безыскусственности, этотъ переводъ есть совершенная противоположность переводу г. Вронченки. Перечтите сцену съ матерью: сколько огня, силы, энергіи, сжатости и какая отрывистость, простота! Послушайте, какъ выражается въ волненіи самой могучей страсти [2]) человѣкъ съ глубокою и великою душою—

А вотъ они, вотъ два портрета—посмотри [3]),
Какое здѣсь величіе, краса и сила,
И мужество, и умъ—таковъ орелъ,

---

[1]) Въ рукописи описка: опять тò же, да тò.

[2]) Зачеркнуто: „глубокій“.

[3]) Эта цитата вся написана чужою рукой.

Когда съ вершины горъ полетъ свой къ небу
Направитъ—совершенство Божьяго созданья—
Онъ былъ твой мужъ!—Но посмотри еще—
Ты видишь ли траву гнилую, зелье,
Сгубившее великаго—взгляни, гляди—
Или слѣпая ты была, когда
Въ болото смрадное разврата пала?
Говори, слѣпая ты была?
Не поминай мнѣ о любви: въ твои лѣта
Любовь уму послушною бываетъ—
Гдѣ жъ былъ твой умъ? Гдѣ былъ разсудокъ?
Какой же адскій демонъ овладѣлъ
Тогда умомъ твоимъ и чувствомъ—зрѣньемъ просто?
Стыдъ женщины, супруги, матери забытъ...
Когда и старость падаетъ такъ страшно,
Что жъ юности осталось?

Скажите—не тотъ ли это языкъ, который вы ежедневно слышите около себя и которымъ вы ежедневно сами говорите?— А между тѣмъ это языкъ высокой поэзіи, поэтическое выраженіе одного изъ самыхъ поэтическихъ моментовъ духа глубокаго человѣка! Да, актеру можно вполнѣ одушевиться отъ *такой* роли и *такъ* переданной; онъ будетъ чувствовать, что говоритъ не фразы, а слова страсти, и не запнется ни на одномъ словѣ, которое бы могло охолодить его своею изысканностію или неловкостію. При другомъ переводѣ ни драма, ни Мочаловъ не могли бы имѣть *такого* успѣха. Мы понимаемъ, почему почтенный переводчикъ почти всѣ знаки препинанія замѣнилъ однимъ *тире*: въ разговорной [1]) и безыскусственной рѣчи нѣтъ риторической округленности, при которой одной возможна правильная и точная пунктуація.

Страшно,
За человѣка страшно мнѣ!

Такъ оканчивается этотъ дивный монологъ, и это окончаніе принадлежитъ самому переводчику; но его и самъ Шекспиръ принялъ бы, забывшись, за свое: такъ оно идетъ тутъ, такъ оно въ духѣ его. Да, оно вполнѣ выражаетъ это со-

1) Зачеркнуто: „отрывочной“.

стояніе души человѣка, *вникающаго въ себя*, вышедшаго изъ органическаго полнаго самоощущенія [1]) жизни, разбирающаго, анализирующаго всякое свое чувство, всякое свое ощущеніе, всякую свою мысль! И это очень понятно; переводчикъ вошелъ въ духъ Шекспира, освоился, свыкся душою съ жизнію лицъ его драмы [2]), и у него сорвалось Шекспировское выраженіе. — Да, мы глубоко понимаемъ, какъ это возможно; это совсѣмъ не то, что, переведши прекрасно драму Шекспира, вообразить себя драматикомъ и начать писать свои драмы безъ призванія, безъ генія художническаго...

Въ переводѣ г. Полеваго вездѣ видна свобода, видно, что онъ старался передать духъ, а не букву. Поэтому иногда, отдаляясь отъ подлинника, онъ этимъ самымъ вѣрно выражаетъ его: въ этомъ и заключается тайна переводовъ.

Но мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы почитать переводъ г. Полеваго совершеннымъ: нѣтъ, въ немъ много недостатковъ и очень важныхъ. Вообще г. Полевой болѣе *перевелъ* „Гамлета“ для сцены, нежели передалъ его: передать значитъ замѣнить подлинникъ, сколько это возможно. Онъ торопился, переводилъ его наскоро, между множествомъ другихъ дѣлъ, а Шекспиръ требуетъ глубочайшаго изученія, всей любви, всего вниманія, совершеннаго погруженія въ себя. Отъ этого въ переводѣ г. Полеваго ослаблено много этихъ оттѣнковъ, этихъ чертъ, которыя не важны только для поверхностнаго взгляда, но составляютъ всю сущность поэтическаго созданія. Укажемъ для доказательства на нѣкоторыя мѣста, принимая переводъ г. Вронченки за самый вѣрный въ буквальномъ смыслѣ; въ томъ превосходномъ монологѣ, которымъ заключается второй актъ и въ которомъ, по уходѣ актеровъ, Гамлетъ упрекаетъ себя за недостатокъ силы для мщенія, у г. Вронченки онъ говоритъ—

Сего я стою: *мягкосердый голубь*,
Я не имѣю желчи, и обида
Мнѣ не горька.

---

1) Это слово написано надъ зачеркнутымъ: „созерцаніе“.

2) Зачеркнуто: „и не замѣчая того“.

Въ этихъ словахъ весь Гамлетъ. У г. Полеваго это совсѣмъ выпущено.

Равнымъ образомъ у него ослаблена сцена сумасшествія Офеліи.

Его опустили въ сырую могилу,
Въ сырую, сырую могилу!

Какъ идетъ этотъ припѣвъ къ оборотамъ колеса въ самопрялкѣ!

Такъ говоритъ у г. Вронченки безумная Офелія, и эти слова глубоко выражаютъ энергическую дикость ея сумасшествія. У г. Полеваго это выпущено.

Полоній.

Какъ это длинно!

Гамлетъ.

Какъ твоя борода: не худо и то, и другое отправить къ брадобрѣю (къ цирюльнику, говоря *среднимъ* или *низкимъ* слогомъ). Продолжай, другъ мой! *Онъ засыпаетъ, если не слышитъ шутокъ или непристойностей.*

Послѣднее выраженіе Гамлета характеризуетъ Полонія: въ переводѣ г. Полеваго оно выпущено.

Супругъ столь нѣжный! *Онъ небеснымъ вѣтрамъ*
Претилъ дуть сильно на лицо супруги!
Земля и небо! должно ли припомнить?
И обладанье, мнилось, умножало
Въ ней обладанья жажду!

Такъ говоритъ Гамлетъ о любви своего покойнаго отца къ своей женѣ, а его матери: въ переводѣ Полеваго это прекрасное мѣсто ослаблено.

О еслибъ
Я властенъ былъ открыть тебѣ всѣ тайны
Моей темницы! Лучшее бы слово
Сей повѣсти тебѣ взорвало сердце,
Оледенило кровь, и оба глаза,
Какъ звѣзды, исторгнуло изъ мѣстъ ихъ,
И, распрямивъ твои густыя кудри,
Поставило бъ отдѣльно каждый волосъ
Какъ гнѣвнаго щетину дикобраза!

Это говоритъ Гамлету тѣнь отца въ переводѣ г. Вронченки, и какомъ переводѣ! уже не только поэтическомъ, но и художественномъ. Г. Полевой перевелъ это мѣсто такъ—

О если бъ могъ я разсказать тебѣ,
Отъ одного бы слова кровь застыла,
И очи выпали бъ слезами,
И каждый волосъ на главѣ твоей сталъ дыбомъ!

То́ да не то̀. Вообще тамъ, гдѣ драматизмъ переходитъ въ лиризмъ и требуетъ художественныхъ формъ, съ г. Вронченкомъ не возможно бороться.

Иди теперь въ уборную красавицы; скажи, что пусть она хоть на палецъ толщиною наложитъ румянъ на щеки—ее ждетъ такое же превращеніе; *заставь ее смыться при томъ.*

Это ослаблено въ переводѣ г. Полеваго.

Г. Полевой сдѣлалъ много выпусковъ: онъ исключилъ непристойности, каламбуры, непонятные намеки, укоротилъ по возможности роли тѣхъ актеровъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать хорошаго выполненія; словомъ, онъ въ переводѣ сообразовался и съ публикою, и съ артистами, и со сценою. Это хорошо, но мы не понимаемъ причины выпуска нѣсколькихъ прекрасныхъ мѣстъ. Превосходнѣйшая сцена пятаго акта на могилѣ Офеліи не только ослаблена—искажена.

У г. Вронченки Гамлетъ на вопли Лаерта отвѣчаетъ такою высоко-лирическою и превосходно возсозданною выходкою:

Кто сей, чья горесть столь неукротима?
Чей вопль, въ пути задерживая звѣзды,
Ихъ изумленьемъ поражаетъ? Я здѣсь,
Принцъ датскій, Гамлетъ!

У г. Полеваго это замѣнено однимъ стихомъ—

Кто хнычетъ тутъ, кто смѣетъ плакать?

У г. Вронченки:

Лаертъ.

О, сатана твою исторгни душу!

Гамлетъ.

Худая, другъ, молитва!
Прошу тебя, оставь, не жми мнѣ горла!
Я отъ природы кротокъ и не вспыльчивъ;
Однакожъ страшное во мнѣ есть нѣчто,
Чего твоя должна бояться мудрость,
Оставь меня.

У г. Полеваго:

Лаертъ.

Будь проклятъ ты, убійца!

Гамлетъ.

Тише, тише!
Зачѣмъ за горло схватывать меня?
Бороться не тебѣ со мной, пріятель!

Тѣ ли это? Но вотъ слѣдующее мѣсто у г. Полеваго передано несравненно лучше—

Нѣтъ! я не уступлю ему, пока я живъ.
Онъ хочетъ удивить меня печалью—
Но я любилъ ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ
Любить не могутъ!

У г. Вронченки это переведено ближе къ подлиннику, но очень нескладно и не поэтически—

Я любилъ
Офелію, и сорокъ тысячъ братьевъ
Ее не могутъ пламеннѣй любить!
И что, скажи, для ней бы *сотворилъ* (?!) ты?

Но слѣдующій монологъ, и по полнотѣ, и по силѣ, и по художественности выраженія, у г. Вронченки переданъ превосходно—

Скажи, что хочешь сдѣлать ты?—сражаться,
Лить слезы, въ грудь разить себя, поститься,
Пить острый оцетъ, крокодиловъ жрать—
Я то-жъ хочу!—Или стенать ты станешь,
Въ досаду мнѣ, къ ней броситься въ могилу?

Пен. [illegible]
им. Горького

Вели зарыть себя—и я зароюсь!
Вели насыпать гору, пусть навалятъ
На насъ полсвѣта! Пусть предъ нею Осса
Покажется песчинкой! Величаться
И я, какъ ты, умѣю!

Въ переводѣ г. Полеваго этотъ дивный монологъ обратился въ пародію—

Чего ты хочешь! Плакать, драться, умирать,
Быть съ ней въ одной могилѣ?—Что за чудеса!
Да я на все готовъ, на все, на все
Получше брата я ее любилъ...

Послѣдній и многозначительный монологъ Гамлета—

Слушай, другъ!
За что со мной ты смѣешь поступать такъ?
Тебя всегда любилъ я, но что нужды?
Пусть все творитъ, что можетъ, Геркулесъ—
Но кошка кошкой, псомъ пребудетъ песъ.

Этотъ монологъ совсѣмъ выпущенъ въ переводѣ г. Полеваго: видно, что почтенный переводчикъ спѣшилъ окончаніемъ.

Что̀ касается до пѣсенъ Офеліи и вообще всѣхъ лирическихъ мѣстъ, то—повторяемъ—г. Вронченко передалъ ихъ не только поэтически, но и художественно.

Заключаемъ: переводъ „Гамлета“ есть одна изъ самыхъ блестящихъ заслугъ г. Полеваго русской литературѣ. Дѣло сдѣлано—дорога арены открыта, борцы не замедлятъ. Что̀ нужды, что онъ въ нихъ найдетъ, можетъ быть, опасныхъ соперниковъ, кипящихъ свѣжею силою юности, не гостей, но уже хозяевъ на свѣтломъ пиру современности! Мы увѣрены, что онъ первый и отъ всего сердца пожелаетъ имъ побѣды!

УГОЛИНО.

Драматическое представленіе. Сочиненіе Николая Полеваго. 1838. Санктпетербургъ. Въ типографіи Сахарова. 204 (8).

„Всеприсутствіе духа еще другимъ образомъ является намъ. Во всякомъ естественномъ произведеніи организація простирается въ безконечность. Она не снаружи его только: она проникаетъ всю его внутренность. Возьмите кристаллъ и разбейте его въ маленькіе кусочки, въ такіе, чтобы разсмотрѣть ихъ можно было только въ самые сильные микроскопы, и вы снова въ этихъ мельчайшихъ кусочкахъ найдете образъ кристалла. Или посмотрите на древесный листокъ въ постепенно болѣе и болѣе увеличивающія стекла, и вы увидите, какъ организація простирается въ немъ въ безконечность. И чѣмъ внимательнѣе станете вы наблюдать произведенія природы, тѣмъ болѣе, очевиднѣе откроется вамъ, до какихъ неуловимыхъ, тонкихъ нитей простирается его организація. Этимъ-то различаются произведенія природы отъ произведеній ремесла. Самая тончайшая ткань является грубыми, перепутанными веревками, какъ скоро посмотрите на нее въ микроскопъ.“

Такъ говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ мыслителей Германіи, разсуждая о всеприсутствіи духа въ природѣ. Какъ нарочно случилось такъ, что мы недавно собственными глазами удостовѣрились въ поразительной истинности чуднаго факта, которымъ онъ подтверждаетъ свою мысль. На Кузнецкомъ мосту показывается микроскопъ, увеличивающій предметы въ мил-

ліонъ разъ, и мы тамъ видѣли крыло мухи и бабочки, величиною болѣе двухъ аршинъ; видѣли перерѣзанный сахарный тростникъ, который кажется перепиленнымъ огромнымъ дубомъ, и удивлялись безконечной организаціи этихъ предметовъ. Какая во всемъ стройность, гармонія, симметрія, красота, изящество, правильность! Какая безпредѣльность, безконечность! Каждая малѣйшая частица, атомъ, исчезающій отъ невооруженнаго глаза, заключаетъ въ себѣ безчисленное множество другихъ частицъ, изъ которыхъ части каждой расположены съ непостижимою соотвѣтственностію, правильностію и красотою. Потомъ тамъ же видѣли мы лоскуточекъ самой тонкой, самой лучшей кисеи, и намъ представилась плетенка изъ мочальныхъ веревокъ, переплетенная квадратно, но безъ всякой правильности; а веревки грубыя, какъ бы измочаленныя, истертыя...

То же самое зрѣлище представитъ вамъ и искусство, если только природа одарила васъ хорошимъ микроскопомъ—вѣрнымъ и глубокимъ чувствомъ изящнаго. При помощи его вы безъ труда отличите произведенія творчества отъ произведеній ремесла. Въ первыхъ вы тотчасъ замѣтите полноту организаціи и органическую жизнь, посредствомъ которой всѣ части его связаны необходимымъ внутреннимъ единствомъ; а во вторыхъ какъ разъ замѣтите, что всѣ ихъ части соединены механически, помощію клея, нитокъ, гвоздей и другихъ посредствующихъ предметовъ. Сначала такое произведеніе можетъ показаться вамъ очаровательною красавицею, полною жизни и прелести, но всмотритесь въ нее пристальнѣе—и вы увидите отвратительный скелетъ, у котораго вмѣсто голубыхъ глазъ впадины, вмѣсто розовыхъ устъ—голыя челюсти съ оскалившимися зубами. *Конкретность* [1]) есть главное условіе истинно-поэтическаго

[1]) *Конкретность* производится отъ *конкретный*, а конкретный происходитъ отъ латинскаго глагола *concresco—срастаюсь*. Это слово принадлежитъ новѣйшей философіи и имѣетъ обширное значеніе. Здѣсь мы употребляемъ его, какъ выраженіе органическаго единства идеи съ формою. Конкретно то, въ чемъ идея проникла форму, а форма выразила идею, такъ что съ уничтоженіемъ идеи уничтожается и форма, а съ уничтоженіемъ формы уничтожается идея. Другими словами, кон-

произведенія, а безъ нея оно есть произведеніе мастерства, поддѣльный розанъ и съ цвѣтомъ, и съ запахомъ розана, но безъ жизни розана, безъ чего-то такого, чего нельзя назвать, но въ чемъ заключается жизнь. Конечно, ремесло или мастерство очень удачно поддѣлывается подъ природу, но только издали, до тѣхъ поръ, пока не взглянутъ поближе на его поддѣлки. Обратите вниманіе на то, какъ отвратительны восковыя статуи, какое непріязненное, враждебное чувство антипатіи пробуждаютъ онѣ: точь въ точь какъ трупъ. А между тѣмъ въ нихъ подражаніе и близость къ природѣ доведены до послѣдней, почти невозможной, степени совершенства. Напротивъ того, произведенія скульптуры, эти мраморныя произведенія, гдѣ глаза и волосы одного цвѣта со всѣмъ тѣломъ,—живутъ и дышатъ юною роскошною жизнію и весело улыбаются, и стыдливо смотрятъ, и какъ будто хотятъ что-то вымолвить... Причина очевидна: въ первыхъ форма существуетъ отдѣльно, сама по себѣ, а идея сама по себѣ, или, лучше сказать, форма прінскана для идеи и приклеена къ ней; во вторыхъ же выражается конкретное сліяніе идеи съ формою, и идея существуетъ только черезъ форму. Законъ конкретности выходитъ изъ закона свободы, основанной на непреложной необходимости. Всякое произведеніе искусства только потому художественно, что создано по закону необходимости, что въ немъ нѣтъ ничего произвольнаго, что въ немъ ни одно слово, ни одинъ звукъ, ни одна черта не можетъ замѣниться другимъ словомъ, другимъ звукомъ, другою чертою. Да не подумаютъ, что мы уничтожаемъ этимъ свободу творчества: нѣтъ, этимъ-то именно мы и утверждаемъ ее, [1]) * потому что свобода есть высшая необходимость, и гдѣ нѣтъ необходимости, тамъ не свобода, а произволъ, въ

кретность есть то таинственное, неразрывное и необходимое сліяніе идеи съ формою, которое образуетъ собою жизнь всего, и безъ котораго ничего не можетъ жить. Это особенно поразительно въ произведеніяхъ искусства: въ музыкальномъ произведеніи есть идея и жизнь, въ которыхъ заключается тайна его дѣйствія на душу человѣка, и есть звуки—форма; уничтожьте звуки—и не будетъ музыкальнаго произведенія. *Конкретности* противополагается *отвлеченность*, которая въ искусствѣ существуетъ, какъ *аллегорія*.

[1]) Вставка изъ рукописи, конецъ отмѣченъ **.

которомъ нѣтъ ни разума, ни смысла, ни жизни **. Художникъ можетъ перемѣнить не только слово, звукъ, черту, но всякую форму, даже цѣлую часть своего произведенія, но съ этою перемѣною измѣняется и форма, и идея, и это будетъ уже не та же идея, не та же форма, только улучшенная, но новая идея, новая форма. Итакъ, въ истинно художественныхъ произведеніяхъ, какъ вышедшихъ изъ законовъ необходимости, нѣтъ ничего случайнаго, ничего лишняго, ничего недостаточнаго, но все необходимо. Въ драмѣ Шекспира нѣтъ вымысла, въ обыкновенномъ и пошломъ значеніи этого слова; каждая драма его есть самое вѣрное, самое точное описаніе событія, случившагося въ дѣйствительномъ мірѣ, но извѣстнаго только одному Шекспиру, какъ будто онъ самъ присутствовалъ при его развитіи и ходѣ. Ни одно лицо его драмы не скажетъ ни одного слова, котораго бы оно не должно было сказать, т.-е. которое не выходило бы изъ его характера, изъ всей полноты его природы. Поэтому можно написать книгу о каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ любой его драмы, разсказать его исторію до начала драмы и по ея окончаніи.

Не таковы мнимо-художественныя произведенія, эти батарды искусства, эти красавицы по милости бѣлилъ, румянъ, сурьмы и накладныхъ формъ; эти недосозданные Икары съ восковыми крыльями, эти жалкіе недоноски воображенія: въ нихъ все произвольно, и потому все несвободно; все условно, и потому все безсмысленно. Образы безъ лицъ, пародіи на дѣйствительность, безжизненные трупы еще до рожденія — они иногда обольщаютъ призракомъ какой-то неестественной жизни, очаровываютъ призракомъ какой-то неестественной красоты, но горе тому, кто влюбится въ нихъ: его постигнетъ участь студента Натанаэля, влюбившагося въ автоматъ, въ повѣсти Гофмана „Песочный Человѣкъ“. Для него никогда уже не будетъ доступна истинная, живая красота, а онъ, новый Танталъ, вѣчно будетъ жаждать упоенія красотою... Но къ счастію, люди, способные обмануться такою красотою, неспособны къ танталовой жаждѣ и находятъ для себя полное удовлетвореніе въ призракахъ. Всякому свое—во здравіе! Но мы твердо

держимся мысли, что обманываться могутъ индивиды, а не общество, и что если для него и существуетъ возможность обмануться, то очень не надолго, и въ такомъ случаѣ, чѣмъ живѣе было его увлеченіе, тѣмъ безпощаднѣе будетъ его мщеніе за него, чѣмъ громче были его минутныя рукоплесканія, тѣмъ пронзительнѣе будетъ его свистъ...

Конкретность всякаго лица въ драмѣ, всякаго образа вообще въ искусствѣ выходитъ изъ законовъ творческой необходимости. Законы эти сознаны; но самый процессъ творчества есть тайна. Можно сказать, почему въ той или другой поэтической формѣ отразилась животрепещущая жизнь, но нельзя сказать, какимъ образомъ. Въ прошедшей книжкѣ мы уже намекали объ этомъ, говоря о стихотвореніяхъ г. Бенедиктова. Кому непонятна покажется наша мысль, тому нельзя растолковать ее. Мы можемъ только сказать, что художественный образъ только тогда художественъ, когда онъ есть конкретное выраженіе идеи въ формѣ и черезъ форму; что конкретность вытекаетъ изъ творческой необходимости, а творческая необходимость чувствуется и сознается художникомъ въ минуту творческаго одушевленія, которое въ свою очередь есть принадлежность творческаго дара, получаемаго отъ природы ея избранными любимцами. Содержаніе этихъ строкъ, или этого періода, можетъ быть содержаніемъ цѣлаго сочиненія въ нѣсколькихъ томахъ. Не чувствуя въ себѣ достаточной силы для такого сочиненія, мы ограничиваемся развитіемъ этой мысли при разборѣ произведеній, мнимыхъ и истинныхъ, и приложеніемъ ея къ нимъ.

Все, что̀ мы высказали теперь, все это было пробуждено въ насъ драматическимъ произведеніемъ г. Полеваго. Не знаемъ почему, но только ни одно сочиненіе не производило на насъ такого грустнаго впечатлѣнія. Драматическое произведеніе на сценѣ и въ печати подвергается суду страшному, неумолимому, а судить съ тѣмъ, чтобы осудить, не всегда пріятно... Другое дѣло, когда авторъ въ родственномъ или пріятельскомъ кругу читаетъ свое произведеніе: тамъ нѣтъ суда, тамъ все подкуплено и благосклонною довѣренностію автора, и очарованіемъ его чтенія, которое дополняетъ сочиненіе и

даже даетъ ему то́, чего въ немъ нѣтъ, но что́ только желалъ авторъ въ немъ выразить...[1]) Нѣтъ, никогда не напечатаю и не поставлю на сцену моей драмы, если вздумаю написать ее!...

А отчего?—Вѣдь если бъ всѣ такъ были робки, то не было бы на свѣтѣ и Шекспировыхъ драмъ! Нѣтъ, не отъ робости (я вообще не робокъ), не отъ робости я такъ думаю, а по причинѣ болѣе основательной, которую и спѣшу высказать.

Есть два способа выражать внутренній міръ своихъ представленій: посредствомъ чистой мысли, логически, и непосредственно, въ образахъ. Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ свои подраздѣленія, и мы, оставляя въ сторонѣ первый, какъ не относящійся къ нашему предмету, будемъ говорить о второмъ. Этотъ второй, или *непосредственный* способъ выраженія идеи вообще называется поэтическимъ или художественнымъ. По нашему мнѣнію, это невѣрно: поэтическое можетъ быть не-художественнымъ, но художественное не можетъ быть не-поэтическимъ. Не входя въ подробныя объясненія, которыя могли бы завести насъ далеко, постараемся примѣромъ объяснить нашу мысль. Въ прошлой книжкѣ нашего журнала помѣщенъ переводъ „Идеаловъ“ Шиллера, — переводъ, по крайней мѣрѣ какъ кажется намъ, прекрасный, хотя, можетъ быть, еще и далеко несовершенный; но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что это произведеніе Шиллера поэтическое, но нисколько не художественное. Оно обнаруживаетъ въ Шиллерѣ душу пламенную, глубокую, великую, человѣка геніальнаго, но не художника: оно полно глубокихъ идей, отличается силою, энергіею и красотою выраженія, но не художественностію. Въ творчествѣ сила не въ идеѣ, а въ формѣ, которая, само собою разумѣется, необходимо предполагаетъ и условливаетъ идею, и эта форма должна быть проникнута кроткимъ, благолѣпнымъ сіяніемъ эстетической красоты. Величіе содержанія (идеи) не только не есть ручательство эстетической красоты, но еще часто оподазриваетъ ее. Но мы опять прибѣгнемъ къ примѣру. Вотъ вамъ стихотвореніе Пушкина „Нереида“—

---

[1]) Зачеркнуто „и невозможностью вникнуть въ“...

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И влагу изъ власовъ струею выжимала.

Если бы васъ спросили, какую идею выражаютъ собою „Идеалы“ Шиллера, вы, безъ сомнѣнія, не запинаясь отвѣтили бы: идею человѣка съ душою поэтическою, колоссальною, человѣка, который отзывался на всѣ явленія жизни, порывался выразить и въ звукѣ, и въ словѣ, и въ краскѣ внутренній міръ своихъ глубокихъ и могучихъ ощущеній, и который наконецъ увидѣлъ съ грустію, что для него міръ уже не то, чѣмъ онъ ему казался въ златые дни его юности, что взамѣну всѣхъ блестящихъ благъ своихъ жизнь дала ему только дружбу и трудъ... Не правда ли?—Теперь, что бы вы отвѣтили, если бы васъ спросили, какую идею выражаетъ собою „Нереида“ Пушкина?—Трудный вопросъ—не правда ли? Можетъ-быть, вы и отвѣтили бы на него, только подумавши, и не такъ скоро. И таково всегда истинно-художественное произведеніе, что въ немъ идея, такъ сказать, поглощается формою, и вы больше видите ее, нежели понимаете. Въ этомъ-то и состоитъ *непосредственность* искусства. Въ „Нереидѣ“ Пушкина есть идея; но она такъ конкретно слита съ формою, что вамъ, чтобы выговорить ее, надо оторвать ее отъ формы, а форма такъ прекрасна, что у васъ не подымается рука на такую операцію. Спросите всѣхъ, что лучше „Идеалы“ или „Нереида“?—большинство станетъ за „Идеалы“, но чьи глаза одарены ясновидѣніемъ вѣчной красоты, тѣ даже не станутъ и сравнивать этихъ двухъ произведеній...

Все, что вышло изъ души, изъ чувства, словомъ, изъ полноты жизни и выражено съ жаромъ, увлеченіемъ—во всемъ томъ есть поэзія, потому что есть непосредственность или образность. Въ этомъ смыслѣ поэзія можетъ быть и въ проповѣди, и въ рѣчи, и въ статьѣ журнальной. За примѣрами ходить недалеко: вспомните, что говоритъ Гегель [1]) о той

[1]) Гимназическія рѣчи Гегеля, „Наблюдатель“, стр. 200.

части физическихъ наукъ, „которая подсматриваетъ тихую, таинственную производительность природы, проявляющуюся въ камнѣ и въ нѣдрахъ земли, скромно, безъ претензій слагающую этотъ языкъ молчанія, эти красивыя формы, радующія взоръ, раздражающія дѣятельность ума, побуждающія его нечувствительно возвышаться до понятія и представляющія ему образъ тихой, правильной, замкнутой въ себѣ красоты!“ Неужели это не поэзія?—Но, вѣрно, никто не вздумаетъ назвать это художественностію.

Мы думаемъ, что это даже и не поэзія, хотя тутъ и есть поэзія, какъ есть она во всемъ, въ чемъ есть душа и чувство, и жизнь; но что это *краснорѣчіе*, или второй, низшій способъ *непосредственнаго* выраженія истины. Первый же и высшій способъ непосредственнаго выраженія истины есть *художественная поэзія*, или поэзія формы; а *поэзія содержанія*, т.-е. такая поэзія, которой сила и могущество заключаются въ глубокости и великости идеи, занимаетъ середину между этими двумя способами непосредственнаго способа выраженія истины. Она колеблется между краснорѣчіемъ и художественностію, безпрестанно переходя то въ краснорѣчіе, что̀ вредитъ ей, то въ художественность, что̀ возвышаетъ ее. Въ этомъ смыслѣ она есть какой-то недоносокъ, и ея произведенія не могутъ надѣяться на долговѣчность. Шиллеръ, въ которомъ философскій элементъ безпрестанно боролся съ художественнымъ элементомъ и часто побѣждалъ его, Шиллеръ едва ли не въ большей части своихъ произведеній принадлежитъ къ числу этихъ полу-поэтовъ. Гёте и нашъ Пушкинъ—вотъ чисто поэтическія натуры: одному довольно сорваннаго цвѣтка, а другому завядшаго цвѣтка, нечаянно найденнаго имъ въ книгѣ, чтобы ринуть душу читателя въ міръ безконечнаго...

Но я началъ объяснять, почему бы никогда не отдалъ моей драмы ни на сцену, ни въ печать, а дошелъ до Гёте и Шиллера: это не отступленіе, а приступъ.

Положимъ, что у меня есть свой внутренній міръ идей, которыя меня тревожатъ и рвутся осуществиться; какой изъ исчисленныхъ мною способовъ выраженія долженъ я избрать?

Положимъ, что я не метафизикъ, не философъ, что логика мнѣ не дается; слѣдовательно, остается непосредственный способъ. Тутъ опять вопросъ: есть ли у меня даръ творчества или только способность краснорѣчія? Если я поэтъ, то никогда не выскажусь, никогда не дамъ себя понять въ рѣчи, въ статьѣ, въ фантазіи какой-нибудь, и именно потому, что я поэтъ; но вполнѣ выскажусь въ художественномъ произведеніи. Если же я не художникъ, то какъ бы ни глубока и ни вѣрна была идея, которую я хочу высказать—она затемнится, какъ бы ни пламенно было чувство, одушевляющее меня—оно охладѣетъ, если я, наперекоръ моей натурѣ, буду силиться и натягиваться выразить то и другое въ лирическомъ стихотвореніи, въ поэмѣ, романѣ, драмѣ. Человѣкъ выдаетъ поэтическое произведеніе: ему говорятъ, что въ немъ нѣтъ мысли, потому что нѣтъ чувства, и нѣтъ чувства, потому что нѣтъ мысли. „Помилуйте, возражаетъ онъ, я писалъ по вдохновенію, глубоко чувствовалъ то, что́ писалъ...“—Вѣримъ, вѣримъ, милостивый государь, но все-таки ваша поэма есть проза, и проза плохая, а не поэзія. Вдохновеніе не есть исключительная принадлежность художника: безъ него недалеко уйдетъ и ученый, безъ него немного сдѣлаетъ даже и ремесленникъ, потому что оно вездѣ, во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ трудѣ. У васъ есть душа, есть чувства, но они и остались въ васъ, а не перешли въ ваше произведеніе, потому что вы не были самимъ собою, или наперекоръ своей природѣ, своему призванію, хотѣли передать благодатное пламя души вашей въ томъ, чего вамъ не дано. Самозванство и въ поэзіи ведетъ къ паденію. Если бы только одни поэты были людьми съ душою и чувствомъ, то ихъ бы некому было читать и понимать; а если бы всѣ люди съ душою и чувствомъ сдѣлались поэтами, то опять имъ пришлось бы читать самихъ себя.—

Вотъ я и кончилъ. „Какъ кончили, а „Уголино“? Вѣдь вы объ немъ хотѣли говорить?“—Да я ужъ все сказалъ о немъ. Впрочемъ, если угодно, я прибавлю еще кое-что, чтобы, какъ говорится, *завострить статью*.

„Уголино“ есть лучшее доказательство той непреложной истины, что нельзя писать драмъ, не будучи поэтомъ. Умѣть

писать стихи также не значитъ еще быть поэтомъ: всѣ книжныя лавки завалены доказательствами этой истины. Что такое „Уголино“? Что за лица въ немъ, что за характеры, что за завязка? Вотъ вопросы, на которые трудно отвѣчать. Интересъ двоится на двухъ лицахъ, и никакъ нельзя рѣшить, которое изъ нихъ есть герой драмы. Вѣроятно—Нино, потому что его роль въ Москвѣ играетъ Мочаловъ, а въ Петербургѣ г. Каратыгинъ. Что же такое этотъ Нино? Сперва это молодой повѣса, буйный гуляка, потомъ аркадскій пастушокъ, далѣе свирѣпый мститель, а наконецъ скучный резонёръ. Въ этомъ Нино собраны всѣ недостатки Карла Моора и Фердинанда, и ни одного изъ ихъ достоинствъ. Это что-то дѣтское, прекраснодушное. Вероника по идеѣ—прекрасное созданіе, напоминающее Юлію Шекспира, но по выполненію—образъ безъ лица. Сцены любви между Нино и Вероникою явное подражаніе, или, лучше сказать, явная пародія на сцены любви между Ромео и Юліею. Вотъ одна изъ самыхъ лучшихъ—

Нино *(робко подходитъ)*.

Вероника! я смѣлъ ли думать... О позвольте мнѣ
Стать на колѣни передъ вами, ангеломъ небеснымъ!
Но вы дрожите—вы меня боптесь, вы... Одно лишь слово—
Я удалюсь...

Вероника.

Нѣтъ, я васъ не боюсь...

Калабрита.

Что жъ васъ бояться,
Синьоръ?

Нино.

Ахъ! ангелъ благодатный! Нѣтъ ни словъ,
Ни выраженій—разсказать вамъ все, что здѣсь таится,
Что бурнымъ моремъ мнѣ колеблетъ грудь...
Ахъ, Вероника!

Вероника.

Нино!

Нино.

„Нино!“... Повтори еще,
Скажи еще мое мнѣ имя, Вероника!
Мнѣ кажется, что рѣчь твоя, что голосъ твой,
Какъ пламень, очищаютъ это имя,
Презрѣнное, грѣхомъ униженное имя...

Вероника.

Нино!

Нино.

О, дайте мнѣ слова—о дайте рѣчи мнѣ,
Которыми умѣлъ бы я сказать
Все, что̀ внушилъ мнѣ взоръ ея небесный!
Было время то, когда я, чистъ душою,
Любилъ людей, какъ братьевъ—имъ добра желалъ,
Для нихъ всѣмъ жертвовалъ—какъ платы,
Ихъ требовалъ любви, и—страшно заплатили
Они обманомъ, ненавистью мнѣ!
Прости мнѣ, Вероника, я возненавидѣлъ ихъ [1]).
Мнѣ сладко было унижать ихъ—да, смѣяться
Надъ ихъ расчетами, страстями,
Игрушками ихъ честолюбія слѣпого,
Корыстными восторгами любви,
И позолоченой ихъ дружбой—презиралъ я ихъ,
И въ цѣломъ мірѣ я не находилъ
Такого сердца, съ кѣмъ хотѣлъ бы подѣлиться,
Такой руки, которую хотѣлъ бы,
Какъ руку брата, къ сердцу прижимать—
Я выросъ сиротой!

Вероника.

И я.

Нино.

Ни братьевъ не зналъ я, ни сестры...
Мрачной бездной мнѣ казался міръ—

---

[1]) Изъ чего и за что? Не лучше ли было бы признаться ему, что онъ былъ пустъ и пошлъ, зналсѧ съ одними пустыми и пошлыми людьми, а принималъ ихъ за людей, что теперь ему это смѣшно и т. п.? Человѣкъ любитъ—и говоритъ своей любезной такія надутыя фразы!..

Я освѣтить его хотѣлъ страстей пожаромъ—
Но въ немъ моя сгорѣла вѣра въ сердце!

Вероника.

Нѣтъ, ты остался чистъ душою, Нино!
Ахъ, я не полюбила бы тебя...

Нино.

Ты любишь
Меня! Святые ангелы! внимайте! Вероника!
Позволь мнѣ плакать предъ тобою,
Какъ плакалъ праотецъ, изгнанникъ рая!
Но я—я не люблю тебя—нѣтъ! это слово
Выдумано человѣкомъ—потемнѣно оно...
Скажи мнѣ, какъ у васъ на небѣ говорятъ?
Да тамъ не говорятъ!
Я въ первый разъ постигнулъ
Весь этотъ рай души, все чувство неба на землѣ,
Когда тебя узналъ—жить тобой началъ, Вероника!
Міръ божій просвѣтлѣлъ моимъ очамъ...
Скажи мнѣ, Вероника, говори:
Чего ты хочешь—жизни, смерти?
Ты видѣла, какъ смѣло я сказалъ
Презрѣннымъ людямъ этимъ—я сказалъ имъ,
Что ты моя, моею быть должна...
Они меня отвергли съ посмѣяньемъ!
Они осмѣлились меня отвергнуть,
Располагать тобой они дерзаютъ!
Вероника! знаешь ли кто твой женихъ?
Уродливый старикъ, миланскій герцогъ—
Чудовище, поставившее власть
На трупахъ, на потокахъ крови—
Тебя ему передадутъ рабыней,
Какъ куплю, совершатъ союзъ сердецъ!

Вероника.

Нино! Спаси меня!
Ни людей, ни свѣта я не знаю,
Но тебя я знаю такъ давно!
Когда услышала я голосъ твой—
Онъ былъ родной, знакомый сердцу моему;
Когда я встрѣтила твой взоръ горящій—
Онъ былъ звѣздою счастья моего!
Ты мнѣ родной, ты братъ мнѣ...

Нино.

Твой супругъ!
Насъ сочетали тайныя судьбы—
Не разорвать союзъ нашъ человѣку!

Вероника.

Въ чудныхъ сердца сновидѣньяхъ
Твой видала образъ я;
Грусть, тоска, мени терзала,
Ныло сердце, грудь тѣснилась—
И какъ весело мнѣ стало,
Какъ мнѣ радостно, легко,
Съ той поры, когда я, Нино,
Средь толпы людей мнѣ чуждыхъ,
Распознала образъ твой!

Нино.

Вероника! пусть другимъ богатство, слава,
Мнѣ одну тебя, одну мнѣ Веронику...
Убѣжимъ—насъ ждетъ святой алтарь!
Удалимся далеко—въ пустыни,
Убѣжимъ на дикій берегъ моря—
Дальше, дальше отъ людей мы убѣжимъ!
Душно, тяжко здѣсь—легко, свободно тамъ.
Тамъ одни, одни мы будемъ,
Тамъ весь міръ мы позабудемъ—
Жизнь мгновеньемъ промелькнетъ...

Вероника.

А за гробомъ, Нино, Нино!
Вѣчность тамъ любви святой!..

Нино.

Безъ вѣры нѣтъ любви—
Ты вѣришь ли мнѣ, Вероника,
Если я тебѣ не буду клясться?
Клятва—преступленья тѣнь...
Будь моею, ангелъ, будь моею!..

Вероника *(въ его объятьяхъ)*.

Я твоя.

Нино.

Вероника, зачѣмъ не умремъ мы съ тобою въ это блаженное мгновеніе—я боюсь—оно пролетитъ...

Ни одного поэтическаго стиха, ни одного поэтическаго слова! Фраза на фразѣ! [1]) И это сцена любви, гдѣ все должно быть проникнуто чувствомъ, душою, жаромъ! И какой конфектный взглядъ на любовь! Во всемъ этомъ нѣтъ ни тѣни даже того, что́ мы назвали *краснорѣчіемъ въ поэзіи* и что́ такъ часто и съ такою силою кипитъ въ самыхъ дѣтскихъ произведеніяхъ Шиллера, даже въ „Фіеско“, самой плохой изъ его драмъ. Сцена любви! Да знаете ли вы, что́ такое должна быть сцена любви? Все, что́ ни говоритъ Нино Вероникѣ, и она ему, все это произвольно, все это можетъ быть измѣнено и перемѣнено, какъ вамъ угодно и сколько вамъ угодно. И потому-то они, сами чувствуя затруднительность своего положенія, прибѣгаютъ къ благодѣтельному въ такихъ случаяхъ междометію „ахъ“ и къ восклицательному повторенію своихъ именъ „Нино!“ „Вероника!“. Прочтите сцену свиданія (тоже въ саду) Ромео съ Юліею: есть ли тамъ хоть одно лишнее или незначащее слово, не обрисовываетъ ли тамъ каждая фраза, каждое слово и характеръ, и положенія, и чувства того, изъ чьихъ устъ выходитъ! Вы скажете — что́ за сравненіе: то́ Шекспиръ, а то́ Полевой! Очень хорошо перечтите все, что́ говоритъ черкешенка Пушкина плѣннику, Зарема — Маріи, Алеко—Земфирѣ, Марія—Мазепѣ, что̀ пишетъ Татьяна Онѣгину, и что́ писалъ Онѣгинъ Татьянѣ, и что̀ говорила она ему: вотъ языкъ любви, безконечно глубокій, безконечно разнообразный, какъ разнообразны люди, которые говорятъ имъ. Вы опять скажете,—что́ за сравненіе: то́ Пушкинъ, а то́ Полевой! Знаемъ, что и тутъ то же пространство, что между землею и небомъ. Но съ кѣмъ же сравнить? Неужели съ Сумароковымъ? [2])

И какъ жалко было видѣть Мочалова въ этой роли! Онъ сдѣлалъ все, больше нежели можно было сдѣлать — и все-

[1]) Въ рукописи еще: „И сколько пряничныхъ фразъ“!

[2]) Въ рукописи: „съ Сумароковымъ или Расиномъ?...“

таки уходилъ на смерть [1]) публику. Когда Нино находитъ Веронику убитою, онъ вышелъ изъ хижины съ лицомъ мертвеца, блѣдный и синій, онъ былъ ужасенъ; но тутъ онъ дѣйствовалъ одинъ, безъ участія автора; онъ сталъ говорить — и авторъ безпрестанно мѣшалъ ему, безпрестанно вязалъ его, заставляя говорить фразы. Но въ этой сценѣ есть два удачные стиха, которые не испортили бы никакой и ничьей сцены— это, когда Нино встрѣчаетъ Уголино:

Добро пожаловать—я гостю радъ—
Хозяйки нѣтъ—что дѣлать?—я не виноватъ!

И теперь еще раздаются въ слухѣ нашемъ эти два стиха, которые прорыдалъ блѣдный, посинѣлый человѣкъ...

Въ сценѣ, гдѣ Нино засыпаетъ и видитъ во снѣ Веронику, которая на облакѣ поетъ ему прозаическими стихами о загробной жизни, жалко было смотрѣть и на Мочалова, и на драму... Но когда особенно жалко было смотрѣть на Мочалова, такъ это въ VIII сценѣ послѣдняго акта: тутъ онъ является ораторомъ, нравоучителемъ и съ необыкновеннымъ успѣхомъ наводитъ на зрителей сладостную дремоту...

И что жъ, спросятъ насъ, неужели во всей драмѣ—одно неудачное и ничего хорошаго? И да, и нѣтъ— если угодно. Есть счастливыя выраженія, счастливыя положенія, какъ напримѣръ—Нино, застающій свою жену зарѣзанною; Нино, узнающій потомъ объ истинномъ убійцѣ; Нино, рѣшающійся на смерть, и въ сценѣ съ своимъ наставникомъ; есть очень удачные монологи, и особенно тотъ, который Нино говоритъ своему наставнику; но какъ все это не выходитъ органически изъ цѣлаго, по закону необходимости, то въ нашихъ глазахъ и не имѣетъ другого значенія, кромѣ помпы и блеску. Если хотите, у Гюго и Дюма много найдется драмъ, хуже „Уголино“, и мало столь хорошихъ; но это не похвала, а приговоръ... Сцена въ Башнѣ Голода возмутительна, чтобы не сказать—отвратительна; сцена, гдѣ откармливаютъ дѣтей Уголино, смѣшна. Изъ характеровъ всѣхъ лучше сдѣланъ и отдѣ-

[1]) Въ печати вмѣсто этого: „пьеса усыпила“.

ланъ Руджіеро, и Щепкинъ, игравшій эту роль, изумлялъ своимъ искусствомъ: онъ создалъ эту роль на сценѣ, отъ себя, независимо отъ автора.

Мы не будемъ разбирать драмы съ исторической стороны—это нисколько не относится къ дѣлу: поэтическіе характеры могутъ быть не вѣрны исторіи, лишь были бы вѣрны поэзіи. Вѣрность законамъ творчества, это—главное, а остальное все второстепенное. Поэтому у насъ, при разборѣ сочиненія, первый вопросъ: что́ это такое—поэзія или претензія на поэзію? Имена для насъ ничего не значатъ, и чѣмъ громче имя, тѣмъ строже нашъ судъ, потому что ложныя произведенія часто ходятъ за истинныя, благодаря очарованію имени, подъ которымъ они выпускаются. Отъ этого большой вредъ для эстетическаго образованія общества. Многіе, увлекаясь фразами, привыкаютъ почитать ихъ за поэзію и дѣлаются неспособными понимать истинную поэзію. Слѣдовательно, тутъ вредъ истинѣ, а когда дѣло идетъ о истинѣ въ отношеніи къ искусству — для насъ нѣтъ никакихъ именъ: *Amicus Plato, sed magis amica veritas!*

СТО РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ.

Изданіе книгопродавца А. Смирдина. Томъ второй. Булгаринъ. Вельтманъ. Веревкинъ. Загоскинъ. Каменскій. Крыловъ. Масальскій. Надеждинъ. Панаевъ. Шишковъ. Санктпетербургъ. 1841.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, изъ темной и таинственной области великихъ замысловъ и предпріятій, появился на свѣтъ Божій второй томъ „Ста русскихъ литераторовъ“!.. Важное и торжественное событіе для русской литературы!.. Среди микроскопическихъ явленій книжнаго міра, въ настоящее время, когда романы, вмѣсто прежнихъ завѣтныхъ четырехъ частей, обыкновенно являются въ двухъ тоненькихъ книжечкахъ, разгонисто напечатанныхъ, или, отчаявшись найти себѣ читателей, растягиваются на страницахъ пяти, шести книжекъ иного объемистаго журнала, — теперь книга „Сто русскихъ литераторовъ“ — это настоящій слонъ, тяжело и величаво шагающій между кротами и кузнечиками въ пустынѣ русской литературы, поросшей глухою травою. Второй томъ „Ста русскихъ литераторовъ“ — явленіе великое по толщинѣ, и не менѣе великое по своему значенію: оно отмѣчено перстомъ судьбы и предназначено къ рѣшенію великой задачи. Это особенно доказывается его несвоевременнымъ, столь позднимъ появленіемъ въ свѣтъ. Явись онъ въ свое время, когда былъ обѣщанъ публикѣ издателемъ, т.-е. съ небольшимъ годъ назадъ,—и его значеніе, его смыслъ навсегда были бы утрачены для публики: публика послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ дочесть—

не говоримъ эту толстую книгу, но хоть что-нибудь въ ней,—выронила бы ее изъ рукъ. Но теперь другое дѣло: теперь эта книга явилась въ самую пору, чтобъ окончательно рѣшить самый современный, самый свѣжій вопросъ—вопросъ о существованіи русской литературы... Для тѣхъ, кому слова наши показались бы загадочными, мы должны замѣтить мимоходомъ, что въ послѣднее время снова возникли сомнѣнія въ существованіи русской литературы. Скептицизмъ такъ далеко зашелъ, что нѣкоторые дерзкіе умы признаютъ истинными и великими талантами только Пушкина да еще трехъ-четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ явился задолго до Пушкина, другой при началѣ, третій при концѣ, а четвертый послѣ его жизни; все же прочее считаютъ болѣе или менѣе удачными стремленіями и порываніями къ поэзіи,—но по большей части пустоцвѣтами словеснаго міра. Но и подобное мнѣніе, какъ ни отважно оно, куда бы еще ни шло; хуже всего то, что и на таланты, которые они сами признаютъ за истинные и великіе, эти раскольники смотрятъ, какъ на явленія общечеловѣческія... Хоть мы съ ними и нисколько не согласны, но, признаемся, ихъ возраженія [1]) не разъ приводили насъ въ смущеніе и заставляли задумываться. „Посмотрите, говорили они намъ, посмотрите на эти петербургскіе сады и острова—вѣдь это деревья, и еще съ листьями, а это розы, и еще въ полномъ цвѣту, но все-таки они отнюдь не доказываютъ, чтобъ теперь въ Петербургѣ была весна или лѣто“. Такъ какъ, читатели, мы рѣшительно не вѣримъ существованію не только весны или лѣта, но даже и зимы въ Петербургѣ, но круглый годъ видимъ въ немъ продолжительную [2]), мрачную, холодную, сырую, грязную и нездоровую осень,—то это доказательство скептиковъ, противъ воли нашей, имѣло для насъ свою сторону очевидности. Въ самомъ дѣлѣ, если деревья, безъ весны и лѣта, почти въ осеннюю слякоть могутъ одѣваться зеленью, и розы распускаться пышнымъ цвѣтомъ,—то почему же иному языку не гордиться нѣсколькими великими созда-

[1]) Отсюда начинается имѣющаяся у насъ рукопись.

[2]) Чужою рукой вставлено: „большею частію“. Такъ и въ печати.

ніями поэзіи, въ то же время совсѣмъ не имѣя литературы?... Конечно, сравненіе не всегда доказательство, и все это можетъ быть только парадоксъ,—но парадоксъ, надо сознаться, очень ловкій, такъ что его легко принять и за истину. Теперь [1]) вопросъ этотъ рѣшается просто и удовлетворительно: второй томъ „Ста русскихъ литераторовъ“ неоспоримо убѣдитъ всякаго въ существованіи... русскихъ типографій [2])... русской литературы, хотѣли мы сказать...

Въ самомъ дѣлѣ, подумайте о дѣлѣ [3]) посерьёзнѣе, поосновательнѣе, и вашъ скептицизмъ исчезнетъ передъ толстою книжищею „Ста“, какъ исчезаетъ туманъ передъ восходомъ солнечнымъ. *Сто литераторовъ*, сто современныхъ, живыхъ еще (т.-е. здравствующихъ) литераторовъ,—шутка ли это!.. Двадцать изъ нихъ уже предстали предъ россійскую публику, каждый съ повѣстью или какимъ-нибудь разсказомъ, а при нихъ съ картинкою, [4]) портретомъ и еще съ факсимилемъ,—такъ что, по остроумному выраженію одного изъ двадцати,—публика можетъ видѣть и голову „сочинителя“, и то, что̀ есть лучшаго въ ней, т.-е. „мозги“, какъ остроумно выражается тотъ же „одинъ изъ двадцати“. Говорятъ, что по почерку можно заключить о характерѣ человѣка: слѣдовательно, въ отношеніи къ писателямъ, публика и съ этой стороны удовлетворена толстымъ альманахомъ г. Смирдина: по собственноручной подписи своихъ знаменитыхъ именъ гг. Зотовымъ, Масальскимъ и Веревкинымъ она можетъ судить и о личныхъ характерахъ сихъ знатныхъ „сочинителей“. Итакъ, посмотрите, какая богатая литература: вотъ уже ничего не видя—двадцать литераторовъ услаждаютъ нашъ вкусъ и зрѣніе своими произведеніями, своими портретами, и мы готовимся увидѣться еще съ цѣлыми восемьюдесятью лицами въ этомъ родѣ.

Правда, изъ двадцати, представленныхъ публикѣ добродушнымъ усердіемъ г. Смирдина, шестерыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, а нѣкоторые изъ умершихъ и изъ живыхъ совершенно

---

1) Чужою рукою вставлено: „Впрочемъ“. Такъ и въ печати.

2) Зачеркнуто: „нѣтъ, бишь“.

3) Чужою рукою исправлено: „объ этомъ предметѣ“. Такъ и въ печати.

4) То же: вставлено „собственнымъ“.

неизвѣстны публикѣ своими литературными заслугами; но что до первыхъ, они умерли недавно, и изъ нихъ только Пушкинъ не дождался радости увидѣть себя рядомъ съ Рафаиломъ Михаиловичемъ Зотовымъ; а что до вторыхъ,—если они не написали до сихъ поръ ничего порядочнаго и заслуживающаго хоть какого-нибудь вниманія со стороны публики къ ихъ портретамъ и фиксимилямъ, то они еще напишутъ, слѣдовательно, это не важное обстоятельство. Разумѣется, тѣ изъ нихъ, которые умерли, не успѣвъ написать ничего такого, что могло бы дать имъ право на званіе литераторовъ и сдѣлать интересными ихъ портреты, какъ напримѣръ г. Веревкинъ,—ужъ ничего и не напишутъ; но въ этомъ виноваты не они, а ранняя смерть ихъ, не давшая времени развернуться ихъ талантамъ, которыхъ существованіе, вѣроятно не безъ основанія, предполагалось г. Смирдинымъ—симъ тонкимъ [1]) знатокомъ и цѣнителемъ талантовъ. Итакъ, двадцать уже представлены, и восемьдесятъ литераторовъ въ непродолжительномъ времени имѣютъ быть представлены россійской публикѣ—самой доброй, самой расположенной ко всему печатному (особенно съ картинками) изъ всѣхъ бывшихъ, сущихъ и будущихъ публикъ. И это все живыхъ, съ немногимъ только числомъ, и то недавно, такъ сказать, на дняхъ умершихъ литераторовъ; но тутъ нѣтъ и не будетъ ни Ломоносова, ни Сумарокова, ни Державина, ни Хераскова, ни Петрова, ни даже Батюшкова, Грибоѣдова, Веневитинова и другихъ, умершихъ ранѣе 1837 года. И потому, не считая ихъ—цѣлыхъ сто литератовъ, нашихъ современниковъ, литераторовъ настоящаго времени, настоящаго мгновенія: какое богатство, какое обиліе! Это хоть бы Англіи, хоть бы Франціи, хоть бы Германіи! . „Да откуда же ихъ набралось столько? откуда возьмутъ другихъ?“ восклицаетъ пораженная недоумѣніемъ и радостью публика. Какъ откуда?—Вольно жъ вамъ [2]) не знать русской литературы, не слѣдить за ея ходомъ, развитіемъ, успѣхами, не затвердить именъ ея неутомимыхъ дѣятелей, ея благородныхъ представителей... „Но, говорите вы, Пушкинъ уже былъ, Крыловъ тоже явился;

[1]) Чужою рукою испр.: „издателемъ—старинным“. Такъ и въ печати.

[2]) Зачеркнуто: „милостивые государи“.

слѣдовательно, остаются только Жуковскій [1]), Одоевскій, Лажечниковъ, Гоголь, Лермонтовъ, да развѣ еще двое-трое, и всѣ тутъ". Во-первыхъ, изъ всѣхъ этихъ, можетъ быть, вы ни одного и не увидите; мы не утверждаемъ этого навѣрное, но предполагаемъ не безъ основанія; а во-вторыхъ, эти *всѣ* отнюдь не *всѣ*, и, кромѣ ихъ, можно легко набрать не только сто, но, съ маленькою натяжкою, и двѣсти. Вотъ нѣсколько знаменитыхъ именъ на выдержку, для примѣра: г. Воскресенскій, авторъ многихъ превосходныхъ романовъ, московскій Зотовъ; г. Славинъ, что̀ прежде былъ г. Протопоповъ и г. Пртрпрпппрррвъ—московскій Тальма, Кинъ, актёръ и сочинитель; г. Межевичъ, нашъ русскій Жюль-Жанепъ, онъ же и г. Л. Л.; гг. Ленскій и Коровкинъ—достойные соперники Скриба; г. Марковъ, удачный подражатель самой занимательной части романовъ Поль де-Кока; [2]) * сочинитель, талантъ котораго до того преисполненъ комическаго элемента, что съумѣлъ до слезъ насмѣшить публику даже Александромъ Македонскимъ—предметомъ, нисколько не смѣшнымъ [3]); баронъ Розенъ, создавшій русскую національную драму; г. Тимоѳеевъ, наслѣдникъ таланта и славы Пушкина, какъ очень остроумно было объявлено въ журналѣ, обильно наполнявшемся „мистеріями" г. Тимоѳеева; князь Мышицкій, авторъ волканическаго и вмѣстѣ водяного, т.-е. морского романа „Сицкій"; г. Олинъ—отставной романтикъ, нѣкогда извѣстный журналистъ, газетчикъ, элегистъ, романистъ, драматургъ и пр. и пр.; г. Ободовскій, извѣстный переводчикъ и сочинитель разныхъ лирическихъ и драматическихъ, большихъ и малыхъ пьесъ—талантъ первостепенный и оригинальный; г. Сиговъ, нѣкогда славный изданіемъ альманаховъ, наполненныхъ собственными его со-

1) Въ печати рядомъ съ Жуковскимъ поставлено имя кн. Вяземскаго, котораго нѣтъ въ рукописи.

2) Все напечатанное далѣе до словъ: „всѣ до одного романтики" ** не вошло въ печатные тексты.

3) За упоминаніемъ о „*Вельтманѣ*", зачеркнуто въ рукописи: „г. Губеръ (Поборовъ, по словамъ знаменитой афиши, изданной покойнымъ Воейковымъ) — не побоявшійся бороться съ великаномъ германской литературы и побѣдившій его на смерть, такъ что „Фауста" можно считать на Руси рѣшительно умершимъ".

чиненіями, но теперь, къ немалому огорченію россійскихъ музъ, что-то замолчавшій[1]); гг. Степановъ, Троумъ, Пожарскій, Алексѣевъ, Щеткинъ, Сушковъ, Кропоткинъ—поэты лирическіе, элегическіе, и всѣ до одного—романтики **; г. Ѳедотъ Кузмичевъ, извѣстный и знаменитый „авторъ природы“, какъ онъ самъ называетъ себя; г. Навроцкій, извѣстный соперникъ Фонъ-Визина и кандидатъ въ геніи, какъ онъ самъ провозгласилъ себя; г. Бахтуринъ, извѣстный лирикъ и драматургъ, второй въ Россіи послѣ г. Полеваго; г. Струйскій, онъ же и Трилунный, прославившій себя пьесами въ восточномъ духѣ, каковы: Смертаилъ, Одинилъ, Стихоплетоилъ и другіе „илы“; г. Б. Ф(Ѳ)едоровъ, авторъ разныхъ азбукъ и нравоучительныхъ книжекъ для дѣтей, поэтъ съ сильнымъ воображеніемъ, хотя и съ полубогатыми виршами, прозаикъ образцовый, хотя и несовсѣмъ твердый въ синтаксисѣ и ороографіи; и прочіе, и прочіе, и прочіе—всѣхъ не перечесть и на десяти страницахъ. А сколько издателей такихъ изданій, которыя хотя только и наполняются, что моральными статьями и бранью противъ *толстыхъ* журналовъ, въ чаяніи вызвать ихъ на неприличный бой съ собою и тѣмъ обратить на себя вниманіе публики, но которыхъ тѣмъ не менѣе все-таки никто не знаетъ и не читаетъ! Сколько сотрудниковъ въ этихъ неизвѣстныхъ изданіяхъ и полуизданіяхъ, которые съ большимъ талантомъ и краснорѣчіемъ пишутъ объ упадкѣ общественной нравственности и вкуса публики, основывая свое мнѣніе на томъ, что общество и публика не хочетъ читать ихъ нравственныхъ сочиненій, восхищаясь безнравственнымъ Пушкинымъ и безнравственнымъ Лермонтовымъ! Нѣтъ, лишь стало бы охоты у г. Смирдина продолжать полезное предпріятіе и у публики читать его изданіе,—а то наберется и тысяча русскихъ литераторовъ, явятся имена, никогда не слыханныя и, кромѣ своихъ владѣльцевъ, никому неизвѣстныя. Итакъ, не бойтесь, чтобъ дѣло кончилось только гг. Зотовымъ, Масальскимъ, Веревкинымъ: много найдется на святой Руси по-

[1]) Зачеркнуто: „г. Менцовъ, поэтъ даровитый и критикъ основательно тонкій.“

добныхъ имъ талантовъ. И потому будемъ надѣяться на Аполлона—да исполнитъ онъ ожиданія наши! А чтобы онъ не томилъ насъ долгимъ ожиданіемъ, воспоемъ ему громкій пеанъ, да ужъ за одно — попросимъ его, чтобы въ третьемъ томѣ „Ста русскихъ литераторовъ“ не увидѣть Жуковскаго среди исчисленныхъ нами знаменитостей, какъ увидѣли мы Пушкина между г. Зотовымъ и другими, и Крылова между гг. Масальскимъ, Каменскимъ, Веревкинымъ и пр.

Въ ожиданіи же слѣдующихъ томовъ „Ста русскихъ литераторовъ“, разсмотримъ второй. Одиннадцать произведеній десяти авторовъ, съ десятью портретами и десятью картинками; книга въ большую осьмушку, почти въ семьсотъ страницъ: и послѣ этого будто еще могутъ оставаться сомнѣнія не только въ существованіи русской литературы, но и въ ея неизчерпаемомъ обиліи, богатствѣ и роскоши? Не можетъ быть!.. Для бо̀льшаго удостовѣренія, совѣтуемъ нашимъ читателямъ не забывать, что альманахи—роскошь литературы, плодъ ея избытковъ, которыхъ такъ много, что ихъ некуда и дѣвать, кромѣ альманаховъ; что, слѣдовательно, альманахи собираются легко, свободно, безъ натяжекъ и усилій, и что, наконецъ, они свидѣтельствуютъ о необычайномъ количествѣ и качествѣ капитальныхъ и большихъ произведеній искусства и беллетристики, о необычайномъ числѣ и достоинствѣ журналовъ всѣхъ родовъ... Итакъ, честь и слава русской литературѣ, достойнымъ представителемъ которой такъ кстати явился альманахъ г. Смирдина!.. Взглянемъ же пристальнѣе на эту драгоцѣнную книгу...

Она начинается статьею покойнаго А. С. Шишкова: „Воспоминанія о моемъ пріятелѣ“, которая есть нѣчто въ родѣ анекдотовъ, такъ бѣдныхъ содержаніемъ и такъ неловко разсказанныхъ, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности понять— въ чемъ тутъ дѣло и о чемъ рѣчь. По всему замѣтно, что статья писана сочинителемъ въ глубокой старости, и притомъ по внѣшнему, а не по внутреннему побужденію. Причина послѣдняго обстоятельства очевидна: издатель допускаетъ въ свой альманахъ только повѣсти и разсказы, и потому, еслибы туда хотѣлъ попасть литераторъ, вѣкъ свой писавшій объ

исторіи, математикѣ или корнесловіи, то непремѣнно долженъ былъ бы что-нибудь разсказать, хоть свой сонъ, хотя бы [1]) въ этомъ снѣ не было и никакого значенія. Къ статьѣ Шишкова приложена картинка, сдѣланная Брюловымъ — единственно превосходная [2]) картинка во всемъ альманахѣ [3]). Что до самой статьи, о ней можно сказать только, что въ ней авторъ остался вѣренъ [4]) себѣ и употребилъ только одно иностранное слово, и то въ скобкахъ, именно „попугай“, котораго онъ по-русски нарекъ „перекликою“ [5]). Удивительное постоянство! Весь міръ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ А. С. Шишковъ издалъ свое знаменитое „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“; самъ „россійскій“ языкъ, прошедъ сквозь горнило талантовъ Карамзина, Крылова, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Грибоѣдова и другихъ, сталъ совсѣмъ иной [6]), а г. Шишковъ остался одинъ и тотъ же, какъ египетская пирамида, безмолвный и бездушный свидѣтель тысячелѣтій, пролетѣвшихъ мимо него [7])... Имя Шишкова имѣетъ полное право на свое, хотя небольшое, мѣстечко въ исторіи русской литературы, если только дѣйствительно существуетъ на свѣтѣ вещь, называемая русскою литературою. Было время, когда весь пишущій и читающій людъ на Руси раздѣлялся на двѣ партіи — Шишковистовъ и Карамзинистовъ такъ, какъ впослѣдствіи онъ раздѣлился на классиковъ и романтиковъ. Борьба была отчаянная: дрались не на животъ, а на смерть. Разумѣется, та и другая сторона была права и виновата вмѣстѣ; но охранительная котерія довела свою односторонность до nec plus ultra, а свое воодушевленіе до неистоваго фанатизма—и проиграла

1) Въ рукописи „хотя бы“ зачеркнуто и чужою рукой надписано: „нужды нѣтъ, еслибы“; такъ и въ печати.

2) Послѣднія два слова въ рукописи зачеркнуты и чужою рукой надписано: „лучшая“. Такъ и въ печати.

3) Зачеркнуто: „на которой изображена Екатерина II“.

4) Чужою рукой вставлено: „самому“. Такъ и въ печати.

5) Чужою рукой приписано въ скобкахъ: вѣроятно для того, чтобъ не сказать „перокличкою“.

6) Чужою рукой приписано: и сдѣлался языкомъ „русскимъ“. Такъ и въ журналѣ.

7) То-же: „и не дотронувшихся до него“. Вм. „бездушный“ — „холодный“.

дѣло. И не мудрено [1]): она опиралась на мертвую ученость, не оживленную идеею, на преданія старины и на авторитеты писателей безъ вкуса и таланта, но зато старинныхъ и заплѣсневѣлыхъ; тогда какъ на сторонѣ партіи движенія былъ духъ времени, жизненное развитіе и таланты. Шишковъ боролся съ Карамзинымъ: борьба неровная! Карамзина съ жадностью читало въ Россіи все, что̀ только занималось чтеніемъ; Шишкова читали одни старики. Карамзинъ ссылался на авторитеты французской литературы; Шишковъ ссылался на авторитеты даже не Державина, не Фонъ-Визина, не Крылова, не Озерова, а Симеона Полоцкаго, Кантемира, Поповскаго, Сумарокова, Ломоносова, Крашенинникова, Козицкаго, Хераскова и т. д. На сторонѣ Шишкова, изъ пишущихъ, не было почти никого; на сторонѣ Карамзина было все молодое и пишущее, и между многими Макаровъ, человѣкъ умный, образованный, хорошій переводчикъ, хорошій прозаикъ, ловкій журналистъ. Правда, котерія движенія доходила до крайности, вводя въ русскій языкъ новыя, большею частью иностранныя слова и иностранные обороты; но какой же переворотъ совершался безъ крайностей, и не смѣшно ли не начинать благого дѣла, боясь испортить его [2])? На что̀ же были бы и врачи, еслибъ они не лечили больныхъ, боясь сдѣлать имъ лекарствами еще хуже? Подмѣтить ошибку въ дѣлѣ еще не значитъ—доказать неправость самаго дѣла. Работаютъ люди, но совершаетъ время. Конечно, теперь смѣшны слова: *викторія*, *сенсаціи*, *ондироваться* (волноваться) и тому подобныя; смѣшно писать *аддиція* вмѣсто *сложеніе*, *субстракція* вмѣсто *вычитаніе*, *мултипликація* вмѣсто *умноженіе*, *дивизія* вмѣсто *дѣленіе*, но вѣдь эти слова начали употребляться вмѣстѣ съ словами—*геній*, *энтузіазмъ*, *фанатизмъ*, *фантазія*, *поэзія*, *ода*, *лирика*, *эпопея*, *фигура*, *фраза*, *капитель*, *фронтонъ*, *линія*, *пунктъ*, *монотонія*, *меланхолія*, и съ безчисленнымъ множествомъ другихъ иностранныхъ словъ, теперь получившихъ въ русскомъ языкѣ

[1]) Чужою рукою исправлено: „Тутъ нѣтъ ничего мудренаго“. Такъ и въ печати.

[2]) То-же: боясь „какой-нибудь незначительной обмолвки“.

полное право гражданства, и потому ни мало не смѣшныхъ, не странныхъ, не непонятныхъ. Люди безъ разбору вводили новыя слова, а время рѣшило — которымъ словамъ остаться въ употребленіи и укорениться въ языкѣ, и которымъ исчезнуть; нововводители же не знали и не могли знать этого. Шишковъ не понималъ, что кромѣ духа, постоянныхъ правилъ, у языка есть еще и прихоти, которымъ смѣшно противиться; онъ не понималъ, что употребленіе имѣетъ права совершенно равныя съ грамматикою и нерѣдко побѣждаетъ ее, вопреки всякой разумной очевидности. У насъ есть слово *торіовля*, вполнѣ выражающее свою идею; но найдите хоть одного торговца, который бы не зналъ и не употреблялъ слова *коммерція*, хотя это слово во всей очевидности совершенно лишнее? Такимъ же точно образомъ можно найти много коренныхъ русскихъ словъ, прекрасно выражающихъ свою идею, но совершенно забытыхъ и дикихъ для употребленія. Напримѣръ, что̀ можетъ быть лучше слова *иже* — оно и коротко, и выразительно; а между тѣмъ мы замѣнили его длиннымъ и неуклюжимъ словомъ *который*. Почему такъ?—Нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ! Почему можно сказать: *говоря рѣчь, дѣлая вещь*, а неловко сказать *вія шпурокъ, пія* или *пья воду, тяня веревку?* Первоначальная причина введенія новыхъ, взятыхъ изъ своего или чужихъ языковъ, словъ есть всегда знакомство съ новыми понятіями; а разумѣется, что нѣтъ понятія — нѣтъ и слова для его выраженія; явилось понятіе — нужно и слово, въ которомъ бы оно выразилось. Намъ скажутъ, что явленія идеи и слова единовременны, ибо ни слово безъ идеи, ни идея безъ слова родиться не могутъ. Оно такъ и бываетъ; но что̀ же дѣлать, если писатель познакомился съ идеею чрезъ иностранное слово? — Пріискать въ своемъ языкѣ или составить соотвѣтствующее слово? — Такъ многіе и пытались дѣлать, но немногіе успѣвали въ этомъ. Слово *кругъ* вошло и въ геометрію, какъ терминъ, но для *квадрата* не нашлось русскаго слова, ибо хотя каждый квадратъ есть четвероугольникъ, но не всякій четвероугольникъ есть квадратъ; а замѣнить *хорду веревкою* никому, кажется, и въ голову не входило. Слово *мокроступы* очень

хорошо могло бы выразить понятіе, выражаемое совершенно безсмысленнымъ для насъ словомъ *галоши;* но вѣдь не насильно же заставить цѣлый народъ вмѣсто *галоши* говорить *мокроступы,* если онъ этого не хочетъ! Для русскаго мужика слово *кучеръ*—прерусское слово; а *возница* такое же иностранное, какъ и *автомедонъ*. Для идеи *солдата, квартиры* и *квитанціи* даже и у мужиковъ нѣтъ болѣе понятныхъ и болѣе русскихъ словъ, какъ *солдатъ, квартира* и *квитанція*. Что̀ съ этимъ дѣлать? Да и слѣдуетъ ли жалѣть объ этомъ? Какое бы ни было слово, свое или чужое, лишь бы выражало заключенную въ немъ мысль,—и если чужое лучше выражаетъ ее, чѣмъ свое—давайте чужое, а свое несите въ кладовую стараго хлама. У насъ не было поэзіи, какъ не только непосредственно, но и въ сознаніи народа существующаго понятія—и потому, когда это понятіе должно было ввести въ сознаніе народа, то должно было ввести въ русскій языкъ и греческое слово *поэзія;* но какъ живопись существовала у насъ, если не непосредственно, то въ сознаніи народа, имѣвшаго въ ней нужду для изображенія религіозныхъ предметовъ, то въ нашъ языкъ и не вошло иностраннаго слова для этого искусства, но осталось свое, даже съ нѣкоторыми терминами, какъ-то: *черта, чертить, образъ, изображеніе, кисть, краски, подмалевка, тѣни* и пр. Хотя по-гречески *ода* значитъ и *пѣснь*, но тѣмъ не менѣе между *одою* и *пѣснію* есть разница, и потому слово *ода* необходимо должно было войти въ нашъ языкъ.

Каждый народъ, занимая страну, болѣе или менѣе отличную отъ другихъ и, слѣдовательно, непохожую на другія, выражаетъ своимъ существованіемъ свою идею, которой не выражаетъ уже никакой другой народъ. Вслѣдствіе этого каждый народъ дѣлаетъ свои, только ему принадлежащія завоеванія и пріобрѣтенія въ области духа и знанія, и создаетъ языкъ и терминологію для своихъ духовныхъ стяжаній. Вотъ почему каждый народъ, въ смыслѣ „націи“ (ибо не всякій народъ есть нація, но только тотъ, котораго исторія есть развивающаяся идея), владѣетъ извѣстнымъ количествомъ словъ, терминовъ, даже оборотовъ, которыхъ нѣтъ и не можетъ

быть ни у какого другого народа. Но какъ всѣ народы суть члены одного великаго семейства — человѣчества, и какъ, слѣдовательно, все частное каждаго народа есть общее человѣчества, то и необходимъ между народами размѣнъ понятій, а слѣдовательно, и словъ. Вотъ почему греческія слова: *поэзія*, *поэтъ*, *фантазія*, *эпосъ*, *лира*, *драма*, *трагедія*, *комедія*, *сатира*, *ода*, *элегія*, *метафора*, *тропъ*, *логика*, *риторика*, *идея*, *философія*, *исторія*, *геометрія*, *физика*, *математика*, *герой*, *аристократія*, *демократія*, *олигархія*, *анархія*, и безчисленное множество другихъ словъ вошли во всѣ европейскіе языки, точно такъ же, какъ арабскія — *алгебра*, *альманахъ*, и вообще восточныя, означающія названія драгоцѣнныхъ камней; латинскія: *республика*, *юриспруденція*, *штатъ* (status), *цивилизація*, *армія*, *корпусъ*, *легіонъ*, *рота*, *императоръ*, *диктаторъ*, *цензоръ*, *цензура*, *консулъ*, *префектъ*, *префектура*, и вообще всѣ термины науки права и судопроизводства. По этому же самому и русское слово *степь*, означающее ровное, безводное и пустое пространство земли, вошло въ европейскіе языки. Мысль Шишкова была та, что если ужъ нельзя обойтись безъ новаго слова (а онъ питалъ сильную антипатію къ новымъ словамъ), то должно не брать его изъ чужого языка, но составить свое, сообразно съ духомъ языка, или отыскать старинное, обветшалое, близкое по значенію къ тому иностранному, въ которомъ предстоитъ нужда. Мысль прекрасная, но рѣшительно невыполнимая и потому никуда негодная! Правда, иныя слова удобно переводятся или замѣняются своими, какъ то́ было и у насъ; но большею частію переведенныя или составленныя слова уступаютъ мѣсто оригинальнымъ, какъ *землемѣріе* уступило мѣсто *геометріи*, *любомудріе* — *философіи;* или остаются вмѣстѣ съ оригинальными, какъ слова: *стихосложеніе* и *версификація*, *мореплаваніе* и *навигація*, *лѣтосчисленіе* и *хронологія;* или, удерживаясь вмѣстѣ съ оригинальными, заключаютъ нѣкоторый оттѣнокъ въ выраженіи при одинаковомъ значеніи, какъ слова: *народность* и *національность*, *личность* и *индивидуальность*, *природа* и *натура* [1]), *нравъ* и *характеръ* и пр. Во-

[1]) Хотя *природа* и *натура* значатъ и одно и то же, но въ употре-

обще идеѣ какъ-то просторнѣе въ томъ словѣ, въ которомъ она родилась, въ которомъ она сказалась въ первый разъ; она какъ-то сливается и срастается съ нимъ, и потому выразившее ее слово дѣлается *слитнымъ*, *сросшимся* („конкретнымъ“, говоря философскимъ терминомъ) и становится непереводимымъ. Переведите слово *катихизисъ—оглашеніемъ*, *монополію—единоторжіемъ*, *фигуру—извитіемъ*, *періодъ—кругомъ*, *акцію—дѣйствіемъ*—и выйдетъ нелѣпость. Кромѣ того, какъ мы уже и говорили, тутъ большую роль играетъ упрямство, капризъ употребленія. Выраженіе: *имѣть на что̀ или на кого-нибудь вліяніе* составлено явно противъ духа и всѣхъ правилъ языка; а между тѣмъ оно вполнѣ выражаетъ свою идею, и замѣнить его *наитіемъ* — значило бы понятное для каждаго русскаго выраженіе замѣнить непонятнымъ и безсмысленнымъ.

Нельзя безъ улыбки состраданія, а иногда и просто безъ смѣху, читать нападки почтеннаго защитника старины на Карамзина. Долго было бы выписывать разборъ Шишкова статьи Карамзина „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?“ Мысль Карамзина, что намъ нуженъ языкъ, которымъ могло бы объясняться образованное общество и дамы,— эта мысль казалась для Шишкова чуть не богохульствомъ. Чтобы понять фанатизмъ старовѣрства, всю его нелѣпость и безплодность, надобно видѣть, какъ глумится нашъ рыцарь старопечатныхъ книгъ надъ фразою Карамзина: „Когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей“. Онъ находитъ ее противною духу языка, грамматикѣ и логикѣ и отъ чистаго сердца утверждаетъ, что ее можно замѣнить фразою: „Когда я любилъ путешествовать“, думая, что она выражаетъ точь въ точь то же самое, только лучше и болѣе по-русски. Удивительно ли послѣ этого, что Шишковъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могъ произвести никакой реакціи реформѣ Карамзина, и что всѣ его усилія погибли втунѣ, не

блевіи иногда не могутъ замѣнять другъ друга; можно сказать: *это очень натурально*, но нельзя сказать: *это очень природно*; нельзя сказать: *такова природа этого человѣка*, но говорится *такова натура этого человѣка*.

принесши плода? А между тѣмъ, онъ могъ бы оказать большую пользу русской стилистикѣ и лексикографіи, ибо нельзя не удивляться его начитанности церковныхъ книгъ и знанію силы и значенія коренныхъ русскихъ словъ. Но для этого ему слѣдовало бы, во-первыхъ, ограничиться только стилистикою и словопроизводствомъ, не пускаясь въ толки о краснорѣчіи и поэзіи, которыхъ онъ рѣшительно не понималъ; а во-вторыхъ, ему не слѣдовало бы доводить свою любовь къ старинѣ и ненависть къ новизнѣ до фанатизма, который былъ причиною, что его никто не слушалъ и не слушался, но всѣ только смѣялись даже и надъ тѣми его замѣчаніями, которыя были дѣльны. Поставь онъ себѣ цѣлію не остановить реформы, но дать ей прочныя основанія чрезъ знаніе духа и историческаго развитія славяно-церковнаго языка, ввести ее въ должные предѣлы,—повторяемъ: его труды не пропали бы вотще, но принесли бы большую пользу языку и молодымъ писателямъ его времени. Но онъ вышелъ изъ своей роли и часто бросалъ то оружіе, которое въ его рукахъ могло быть и остро, и крѣпко, и брался за то, которымъ не дано ему было владѣть. Главная его ошибка состояла въ томъ, что онъ заботился о литературѣ вообще, тогда какъ ему должно было заботиться только о языкѣ, какъ матеріалѣ литературы. Онъ не понималъ, что славянскія и вообще старинныя книги могутъ быть предметомъ изученія, но отнюдь не наслажденія, что ими могутъ заниматься только ученые люди, а не общество. Онъ думалъ, что дамы—не люди, и что для нихъ не нужно своей литературы. Ломоносовъ былъ для него высшій идеалъ поэта и оратора, стихотворца и прозаика; Кантемиръ и Сумароковъ — истинные поэты. О послѣднемъ онъ такъ отзывался: „Хотя изъ многихъ мѣстъ можно бы было показать, что Сумароковъ не довольно упражнялся въ чтеніи славянскихъ книгъ, и потому не могъ быть силенъ въ языкѣ, однакожъ онъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ есть *одинъ изъ превосходнѣйшихъ стихотворцевъ и трагиковъ, каковыхъ и во Франціи не много было*“ (т. II, стр. 124). Въ одномъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что, „дабы имѣть право поправлять въ языкѣ Ломоносова, надлежитъ напередъ сочиненіями своими

показать, что я столько же силенъ въ немъ, сколько и онъ былъ, иначе сбудется пословица: *яицы курицу учатъ*“ (т. II, стр. 377); а въ другомъ мѣстѣ находитъ трагедіи Ломоносова высокопарными и отдаетъ передъ ними преимущество трагедіямъ Сумарокова. Это такъ забавно, что нельзя не выписать. Вотъ монологъ какой-то татарской царевны изъ трагедіи Ломоносова:

Настала ужасный день, и солнце, на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,
Даетъ печальный знакъ къ военной непогодѣ:
Любезна тишина минула въ сей ночи.
Отецъ мой воинства готовится къ отпору,
И на стѣпахъ стоять уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору какъ орелъ всходя онъ возносился,
Который съ высоты на агнца хочетъ пасть;
И быстрый конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крутился:
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть. И пр.

Шишковъ восклицаетъ, выписавъ этотъ удивительный монологъ:

„Стихи сіи гладки, чисты, громки; но свойственны ли они устамъ любовницы? Слыша ее звучащу такимъ величавымъ (именно!) слогомъ, не паче ли она воображается намъ Гомеромъ или Димосѳеномъ, нежели младою, страстною царевною?“

Затѣмъ, нашъ критикъ выписываетъ, для сравненія, монологи изъ Сумарокова. Мы ограничимся послѣднимъ; Хоревъ глаголетъ своей полюбовницѣ Оснельдѣ:

Когда я въ бѣдственныхъ лютѣйшихъ дня часахъ
Кажуся тигромъ быть въ возлюбленныхъ очахъ,
Такъ вѣдай, что во градъ меня съ кровава бою
Внесутъ и мертваго положатъ предъ тобою:
Не извлеку меча, хотя иду на брань,
И раздѣлю животъ тебѣ (!) и долгу въ дань.

„Читая сіи стихи (восклицаетъ критикъ), сердце мое наполняется состраданіемъ и жалостію къ состоянію сего любовника. Я не научусь у него ни громкости слога, ни высокости мыслей; но научусь любить и чувствовать,“ *(Т. II, стр. 124—127).*

Вотъ истинно тонкая критика!

Да, съ такимъ взглядомъ на искусство и литературу трудно или, лучше сказать, безплодно было противоборствовать реформѣ Карамзина: бой былъ слишкомъ неравный! Очень забавно видѣть, какъ нашъ критикъ восхищается плоскими и грубыми *эклогами* и *притчами* Сумарокова; какъ онъ приводитъ, въ образецъ красоты, вирши Симеона Полоцкаго. Чтобы показать, какова, по мнѣнію Шишкова, должна быть изящная проза, выпишемъ нѣсколько строкъ изъ его перевода „Освобожденнаго Іерусалима“ Тасса:

„Тамъ въ несмѣтномъ числѣ представляются взорамъ смердящія гарпіи и центавры, и сфинксы, и блѣдныя горгоны; тамъ тьмами устъ лаютъ прожорливыя скилы, и свистятъ гидры, и шипятъ пиѳоны; тамъ химеры, черный пламень рыгающія, и Полифемы и Геріоны ужасные, и новыя, нигдѣ невиданныя и неслыханныя чудовища, изъ разныхъ видовъ въ единъ смѣшанныя и сліянныя.“

И Шишковъ умеръ съ мыслію, что славянскій языкъ краше паче всѣхъ языковъ въ мірѣ; что иностранныя слова сгубили красоту россійскаго слога; что Сумароковъ былъ великій пінта и что онъ, Шишковъ [1]), былъ хранителемъ и стражемъ россійскаго языка и словесности, хотя тотъ и другая шли своимъ путемъ, мимо своего хранителя и стража, даже и не зная о его существованіи... Пріятно умереть [2]) въ такой сладостной увѣренности!..

И между тѣмъ изъ 17 огромныхъ томовъ сочиненій Шишкова можно извлечь больше 17 страницъ дѣльныхъ и полезныхъ мыслей о словопроизводствѣ, корнесловіи, силѣ и значеніи многихъ словъ въ русскомъ языкѣ. Это былъ бы огромный, тяжелый, но небезполезный трудъ...

За статьею покойнаго Шишкова слѣдуетъ басня Крылова „Кукушка и Пѣтухъ“. Говорить о заслугахъ и значеніи Крылова въ русской поэзіи и литературѣ почитаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что читателямъ „Отеч. Записокъ“ извѣстно наше мнѣніе о великомъ русскомъ баснописцѣ. Что до новой басни—вотъ она—пусть судятъ о ней сами читатели:

[1]) Въ рукописи это имя зачеркнуто и чужою рукой приписано: „самъ“.

[2]) То-же: „быть“.—Весь абзацъ пропущенъ въ журналѣ; въ сочиненіяхъ напечатанъ безъ послѣдней фразы.

Какъ, милый Пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!
А ты, Кукушечка, мой свѣтъ.
Какъ тянешь плавно и протяжно:
Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!
„Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова".
— А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтобъ начала ты снова...
Отколь такой берется голосокъ?
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!...
Да вы ужъ родомъ такъ—собою невелички,
А пѣсни, что твой соловей!
„Спасибо, кумъ; за то, по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички,
На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я".
Тутъ воробей, случась, промолвилъ имъ: „друзья!
Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,
Все ваша музыка плоха!"

За что-же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ кукушку" [1].

Къ баснѣ Крылова приложена хорошенькая картинка г. Дезарнò; на ней изображены три человѣческія фигуры въ библіотекѣ: одна — съ головою пѣтуха, другая — кукушки, третья — воробья; двѣ изъ нихъ тоненькія и съ очками на носу; а третья толстая и безъ очковъ, ротъ ея разинутъ по-пѣтушьи и, кажется, слышно, какъ деретъ она свое пѣтушье горло.

За баснею Крылова слѣдуютъ повѣсти г.г. Загоскина и Булгарина. Намъ кажется, что не случай, а сама судьба помѣстила рядомъ повѣсти этихъ знаменитыхъ романистовъ,— и въ этомъ распоряженіи мы видимъ глубокое и таинственное значеніе. Постараемся раскрыть его.

Мы не безъ намѣренія распространились о литературномъ поприщѣ покойнаго Шишкова: мы смотримъ на книгу „Сто

[1] Басня вписана другою рукою. Послѣ басни зачеркнуто: „Вообще Крыловъ попалъ въ „Сто русскихъ литераторовъ"—такъ ужъ, заурядъ съ другими."

литераторовъ", какъ на вывѣску русской литературы, заключающую въ себѣ статьи и портреты *только* представителей русской литературы. Слѣдовательно, цѣль и обязанность нашей статьи и есть [1])—показать, почему г. Смирдинъ почитаетъ того или другого писателя представителемъ русской литературы. Литературная смѣтливость и критическій тактъ г. Смирдина [2]) такъ тонки и вѣрны, что мы разборомъ его книги смѣло надѣемся сдѣлать нашу статью занимательною. Поэтому бросимъ взглядъ на литературное поприще гг. Загоскина и Булгарина.

Мы не безъ основанія сказали, что г.г. Загоскинъ и Булгаринъ [3]) явились рядышкомъ, не по произволу Смирдина, но по многознаменательному преднамѣренію судьбы; Смирдинъ явился [4]) здѣсь, впрочемъ совершенно безсознательно, истолкователемъ таинственной и непреложной воли судьбы. Объяснимся.

Въ литературной судьбѣ г.г. Загоскина и Булгарина очень много общаго. Просимъ не забывать, что мы это сходство видимъ только въ литературномъ поприщѣ обоихъ этихъ писателей, а не въ чемъ-нибудь другомъ, и подъ „литературою" разумѣемъ только книгу, а не то, *для чего* и *какъ* сочинена или пущена она въ свѣтъ. Во всемъ нелитературномъ мы не видимъ ни малѣйшаго сходства между г. Загоскинымъ и г. Булгаринымъ, какъ между бѣлымъ и чернымъ, майскимъ днемъ и октябрскою ночью. Но зато, въ направленіи и дѣятельности ихъ талантовъ какое сходство! Во первыхъ, литературное направленіе г. Загоскина чисто моральное и нравственно-сатирическое; г. Загоскинъ никогда не забывалъ благородной обязанности писателя—забавлять поучая, поучать забавляя, наставлять осмѣивая пороки, и осмѣивать пороки наставляя. Литературное поприще г. Булгарина тоже чисто-исправительное и эпитетъ „нравственно-сатирическій" столько

---

[1]) Эти два слова зачеркнуты и чужою рукой надписано: „состоитъ въ томъ, чтобъ". Такъ и въ печати.

[2]) То-же: „издателя".

[3]) Зачеркнуто: „представились уму и взорамъ россійской публики въ книгѣ"...

[4]) Чужою рукой исправлено: „сдѣлался". Такъ и въ печати.

же сросся съ именемъ г. Булгарина, сколько „божественный“ съ именемъ Гомера и титулъ „царя поэтовъ“ съ именемъ Шекспира. Правда, первые труды г. Загоскина были комедіи, а не нравственно-сатирическія статейки, какъ у г. Булгарина; но, во-первыхъ, здѣсь разница только въ формѣ, а не въ дѣлѣ, не въ цѣли, не въ талантѣ и не въ достоинствѣ; а во-вторыхъ, нѣсколько нравоучительныхъ статеекъ было напечатано и г. Загоскинымъ. Г. Булгаринъ прославилъ *Архипа Ѳадеевича* и *Выжигина;* г. Загоскинъ прославилъ *Богатонова* и *Добраго Малаго*. Не оставляя нравоописательныхъ и нравственно-сатирическихъ статеекъ, г. Булгаринъ принялся за романъ и, послѣ Нарѣжнаго, дѣйствительно первый написалъ русскій, хотя по названію и по именамъ дѣйствующихъ лицъ, романъ. Не оставляя комедіи, г. Загоскинъ написалъ первый русскій историческій романъ. „Иванъ Выжигинъ“ и „Юрій Милославскій“ возбудили въ публикѣ, какъ говорится, фуроръ и подняли своихъ авторовъ на вершину извѣстности, славы и даже доставили имъ большія вещественныя выгоды. Обстоятельство очень сходное! Пріятели г. Булгарина превознесли его романъ до седьмаго неба; непріятели ставили его ниже извѣстнаго романа „Похожденія Совѣстдрала Большаго Носа“; пріятели г. Загоскина объявили его романъ геніальнымъ созданіемъ; зато г. Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ поставилъ его ниже даже своихъ собственныхъ романовъ. Опять сходство! Разница состояла только въ томъ, что при равномъ художественномъ достоинствѣ романъ г. Булгарина отличался отсутствіемъ вѣроятности, естественности, теплоты, былъ холодно-исправителенъ, ледяно-безпощаденъ къ своимъ героямъ, которые всѣ окончили свои похожденія—кто въ собачей канурѣ, кто на висѣлицѣ, кто въ ссылкѣ; романъ же г. Загоскина, при отсутствіи идеи, при поверхностности взгляда на жизнь, отличался какою-то задушевною теплотою, какимъ-то добродушіемъ, которыя сначала приняты были публикою за силу, глубокость и обширность таланта. Разница, очевидно происходившая не отъ литературныхъ причинъ, почему мы ихъ и оставляемъ безъ объясненія. Впрочемъ и въ „Юріи Милославскомъ“, лучшемъ своемъ

произведеніи, г. Загоскинъ остался вѣренъ своему моральному направленію, почему теперь его съ большою пользою могутъ читать дѣти. Кстати, опять разница: „Юрій Милославскій“ пережилъ „Ивана Выжигина“: онъ до сихъ-поръ еще годится хоть для дѣтей и простаго народа, тогда какъ „Выжигинъ“ уже ни для кого не годится, и не читается даже простымъ народомъ, хотя и дешево продается на Апраксинскомъ дворѣ вмѣстѣ съ „Россіею“ того же автора. „Дмитрій Самозванецъ“ г. Булгарина былъ неудачною попыткою выйти изъ нравственно-сатирической и нравоописательной сферы: сначала романъ возбудилъ, своимъ заглавіемъ, вниманіе публики, но по прочтеніи былъ тотчасъ же забытъ ею. Родился онъ довольно шумливо, благодаря журнальнымъ пріятелямъ и непріятелямъ г. Булгарина, но скончался вмалѣ, и житія его было безъ малаго годъ. Въ сочиненіяхъ г. Загоскина не находимъ параллели съ „Дмитріемъ Самозванцемъ“ г. Булгарина; но прерванное этимъ романомъ сходство тотчасъ же возстановляется „Рославлевымъ“, который дѣлаетъ собою параллель „Петру Выжигину“, ибо „Рославлевъ“ точно такъ же относится къ „Юрію Милославскому“, какъ „Петръ Выжигинъ“ относится къ „Ивану Выжигину“: „Петръ Выжигинъ“ есть повтореніе „Ивана Выжигина“, „Рославлевъ“ есть повтореніе „Юрія Милославскаго“. О томъ и другомъ второмъ романѣ обоихъ романистовъ можно сказать: *старыя погудки на новый ладъ!* Сходство между ними увеличивается и содержаніемъ: великая война 1812-го г. съ равнымъ успѣхомъ представлена въ каррикатурѣ обоими сочинителями; въ томъ и другомъ романѣ трудно рѣшить, кто забавнѣе, смѣшнѣе и ничтожнѣе: герой или Наполеонъ. Но въ судьбѣ романовъ есть разница: „Петръ Выжигинъ“ былъ уже третьимъ романомъ г. Булгарина, котораго романическая слава была уже подорвана вторымъ его романомъ „Дмитріемъ Самозванцемъ“, жестоко обманувшимъ блестящія надежды публики; а „Рославлевъ“ былъ вторымъ романомъ, слѣдовательно „Дмитріемъ Самозванцемъ“ г. Загоскина: подавъ великія надежды до своего появленія, онъ уничтожилъ ихъ своимъ появленіемъ. Отсюда сходство литературной

участи обоихъ романистовъ нѣсколько нарушается: г. Булгаринъ написалъ четвертый романъ—„Мазепу“, который былъ слабѣе и ничтожнѣе первыхъ трехъ; но въ это время г. Булгарина поддержала „Библіотека для Чтенія“, въ свою очередь обязанная своимъ успѣхомъ краснорѣчивымъ объявленіямъ г. Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ“. Статья „Библіотеки для Чтенія“ была ловка: съ ожесточеніемъ нападая на неистовство юной французской литературы, рецензентъ дѣлаетъ намеки, что и „Мазепа“ г. Булгарина очень нечуждъ этого недостатка, для чего и выписываетъ изъ него описаніе пытки. Цѣль пріятельской статейки была вполнѣ достигнута: если романъ никѣмъ не былъ похваленъ, зато многими былъ купленъ,—а это главное. Г. Загоскинъ издалъ третій свой романъ „Аскольдову Могилу“, котораго даже и пріятели автора не хвалили, и враги не бранили, и публика не читала. Въ это время обоимъ романистамъ явился опасный соперникъ — г. Гречъ, котораго „Черная Женщина“, благодаря еще болѣе ловкой статьѣ „Библіотеки для Чтенія“, *пошла шибко*, какъ выражаются наши книгопродавцы. Сверхъ того, романическая слава г. Булгарина еще прежде была сильно поколеблена болѣе опаснымъ, чѣмъ г. Гречъ, соперникомъ: мы разумѣемъ покойнаго А. А. Орлова, до безконечности размножившаго поколѣніе Выжигиныхъ. Г. Булгаринъ уже сознавалъ свое паденіе—и „Записки Чухина“ были его послѣднею попыткою на романъ; онѣ тихо и незамѣтно прошли на Апраксинъ дворъ и въ мѣшки букинистовъ — иначе ходебщиковъ или *воряговъ*. Тогда г. Булгаринъ, подобно Вальтеръ-Скотту, принялся за исторію. Всѣмъ извѣстенъ блестящій успѣхъ его „Россіи“; если же кто бы не зналъ [1]) о немъ, тому совѣтуемъ справиться на Щукиномъ дворѣ. Но истинный геній всегда найдется; обманываясь большую половину жизни въ своемъ призваніи, онъ сознастъ его хоть въ старости; г. Булгаринъ теперь понялъ, что нашъ вѣкъ не поэтическій и не романическій, а гастрономическій, и что онъ, г. Булгаринъ, не

[1]) Чужою рукой исправлено: „если же кто (нибудь) не знаетъ“. Такъ и въ собраніи сочиненій. Въ журналѣ эта фраза выпущена.

поэтъ, не романистъ, не историкъ, даже, а экономъ,—понялъ, и принялся за изданіе *поваренаго* журнала [1]), который „пошелъ шибко“, по крайней мѣрѣ шибче всѣхъ нашихъ моральныхъ журналовъ, начиная отъ того, который утверждаетъ, что желѣзныя дороги ведутъ прямо въ адъ, до того, который провозгласилъ Пушкина и Лермонтова искусителями и врагами человѣческаго рода [2]). Г. Загоскинъ остался вѣренъ своему романическому призванію и только разъ измѣнилъ ему, написавъ комедію „Недовольные“, въ которой съ большимъ успѣхомъ изобразилъ нравы русскаго общества временъ *Богатоновыхъ* и *Добрыхъ-малыхъ* и въ которой очень зло осмѣялъ глупое обыкновеніе пользоваться водами, заставивъ героиню комедіи сказать о водопійцахъ: „*Ну, батюшки, пошли на водопой!*“ Комедія имѣла блестящій успѣхъ, хотя дана всего два раза: сперва въ бенефисъ артиста, а потомъ для повторенія [3]). Потомъ (или, можетъ-быть, немного и прежде) г. Загоскинъ передѣлалъ свой неудавшійся романъ „Аскольдову Могилу“ въ либретто, на которое г. Верстовскій написалъ оперу [4]), особенно любимую московскимъ простонародьемъ. Затѣмъ послѣдовали два романа: „Искуситель“ и „Тоска по Родинѣ“, изъ нихъ послѣдній г. Загоскинъ опять передѣлалъ въ либретто, на которое г. Верстовскій написалъ оперу, не понравившуюся ни порядочному обществу въ Москвѣ, ни простонародью, хотя герой оперы ему и свой братъ и „откалываетъ такія штуки, что уморушка да и только“. О самыхъ романахъ мы не говоримъ: de mortuis aut bene, aut nihil. Что же касается до вѣрности параллели, которую проводимъ мы между обоими романистами со стороны литературной ихъ участи,—она очевидна: „Искуситель“ и „Тоска по Родинѣ“ были для г. Загоскина

---

1) То-же: „листка“.—То-же: послѣ „который“ вставлено: „говорятъ“.

2) Зачеркнуто: „а г. Навроцкаго великимъ сочинителемъ“.

3) Чужою рукою: „потомъ“ исправлено—„послѣ“, а за словомъ „повторенія“ вставлено: „(кажется, такъ?)“.—Такъ и въ печати.

4) То-же: „либретто оперы... написалъ музыку“. Дальше идетъ еще нѣсколько подобныхъ же измѣненій, которыхъ по ихъ незначительности мы не отмѣчаемъ, возстановляя подлинный текстъ.

„Записками Чухина“, т. е. девятымъ валомъ для его славы романиста. По сходство и этимъ не оканчивается: г. Булгаринъ прежде сочинялъ свои романы все въ четырехъ частяхъ, а послѣ „Петра Выжигина“ сталъ сочинять уже только въ двухъ частяхъ, и его двухчастные романы стали походить на повѣсти, впрочемъ довольно плотно сбитыя. Г. Загоскинъ первый романъ свой издалъ въ трехъ частяхъ, хотя и маленькихъ; второй составилъ въ четырехъ побольше; третій — опять въ трехъ, но уже большихъ частяхъ, которыя въ чтеніи могутъ показаться за двѣнадцать; послѣ же „Аскольдовой Могилы“ онъ сталъ сочинять романы уже только въ двухъ частяхъ, и его двухтомные романы стали походить на повѣсти, разгонисто, съ большими пробѣлами напечатанныя. И это было не даромъ: оба романиста, поддавалсь духу времени, очевидно начали сбиваться на повѣсть. И въ самомъ дѣлѣ, въ журналахъ и альманахахъ начали появляться ихъ повѣсти, какъ-то: „Похожденія Квартальнаго Надзирателя“, „Кузьма Рощинъ“, „Три жениха“ и пр. Наконецъ оба они явились съ повѣстями въ толстомъ альманахѣ г. Смирдина, словно Ока и Кама, слившіяся въ Волгѣ.

Но прежде, нежели будемъ говорить объ этихъ двухъ повѣстяхъ, мы должны докончить нашу параллель и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ требуетъ добросовѣстность, показать и несходства, чтобы параллель не вышла натянутою. Говоря объ „Иванѣ Выжигинѣ“ и „Юріи Милославскомъ“, мы только слегка упомянули о похвалахъ и порицаніяхъ, которыми былъ встрѣченъ тотъ и другой романъ,—а это преинтересная исторія, особенно въ отношеніи къ „Ивану Выжигину“. Что касается до „Юрія Милославскаго“, онъ былъ принятъ съ общими и безусловными похвалами, которыя, были преувеличены, но которыхъ частью романъ былъ и достоинъ, ибо въ немъ есть и оригинальность, и свѣжесть, и теплота, и даже нѣкоторая степень таланта. Брань встрѣтилъ „Юрій Милославскій“ только въ „Сѣверной Пчелѣ“; но это потому, что въ „Сѣверной Пчелѣ“ постоянно преслѣдовались всѣ романы, не г. Булгаринымъ и г. Гречемъ сочиненные; исключеніе оставалось только за плохонькими и неопасными для романи-

ческой монополіи, и еще за „Фантастическими Путешествіями“ барона Брамбеуса, который самъ былъ акціонеромъ въ монополіи. Что же касается до „Выжигина“, то едва ли какая книга удостоивалась такихъ похвалъ отъ „Сѣверной Пчелы“ и такихъ нападокъ со стороны всѣхъ другихъ изданій. Особенно примѣчательно, что „Выжигина“ съ ожесточеніемъ преслѣдовали даже тѣ изданія и люди, которые потомъ съ восторгомъ превозносили его, какъ-то „Московскій Телеграфъ“ [1]), по заключеніи мира съ „Пчелою“, передъ выходомъ перваго тома доселѣ еще неконченной „Исторіи Русскаго народа“; г. Сомовъ, имѣвшій странное обыкновеніе передаваться отъ одной партіи къ другой,—и наконецъ въ наши дни одинъ фельетонистъ, нѣкто Л. Л., писавшій противъ г. Булгарина въ четырехъ изданіяхъ—въ „Телескопѣ“, „Молвѣ“, „Галатеѣ“ и еще недавно въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“, а теперь прославляющій г. Булгарина, сдѣлавшись фельетонистомъ „Пчелы“. Но г. Булгаринъ, какъ истинный талантъ, имѣлъ и имѣетъ такихъ враговъ, которые неизмѣнны отъ колыбели до гроба въ своей къ нему зависти. Вотъ какъ одинъ изъ нихъ характеризовалъ нѣкогда его „Ивана Выжигина“ [2]):

„Менѣе таланта, но болѣе литературной опытности, языкъ болѣе гладкій, хотя безцвѣтный и вялый, находимъ мы въ *Выжигинѣ*, нравственно-сатирическомъ романѣ г-на Булгарина. Пустота, безвкусіе, бездушность; нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ, вотъ качества сего сочиненія, качества, которыя составляютъ его достоинство, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катехизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ Выжигина съ удовольствіемъ и слѣдовательно съ пользою, это доказывается тѣмъ, что Выжигинъ расходится. Но гдѣ же эти люди? спросятъ меня.—Мы не видимъ ихъ, точно такъ же, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются *сонникомъ* и книгою *о клопахъ*; но они есть, ибо и *сонникъ*, и *Выжигинъ*, и *о клопахъ* раскупаются во всѣхъ лавкахъ“. („Денница“, изд. М. Максимовичемъ, 1830 года, „Обозрѣніе Русской Словесности“ 1829 года, стр. LXXIII, LXXIV).

[1]) Въ печати здѣсь прибавлено: „расхвалившій его“.

[2]) Здѣсь въ рукописи чужая помѣтка: „NB. Оставить мѣста строкъ для 15“ и дальше идетъ, на отдѣльномъ листѣ, цитата изъ „Денницы“, выписанная другою рукой.

Мы, съ своей стороны, не скажемъ, чтобы были совершенно согласны съ такимъ жестокимъ приговоромъ, явно внушеннымъ завистью къ великому таланту сочинителя „Выжигина“. Правда, дѣйствующія лица въ этомъ романѣ, если читатели не забыли, не суть живые образы или дѣйствительные характеры, но аллегорическія олицетворенія пороковъ, слабостей и мнимыхъ добродѣтелей; моральныя мысли довольно обыкновенны и похожи на потертую ходячую монету, которой не принимаютъ за настоящую цѣну, или и вовсе не берутъ по сомнительности ея цѣнности; но слогъ, хотя лишенъ движенія, жизни и цвѣта, но гладокъ, грамматически правиленъ. Это—важное обстоятельство, потому что въ тѣ времена (увы! уже давно-прошедшія), какъ и теперь, русскіе писатели, даже пользовавшіеся извѣстностію, не отличались въ родномъ языкѣ такою чистотою и правильностію, какъ г. Булгаринъ въ языкѣ чуждомъ ему. Сверхъ того, кому бы ни нравился тогда романъ г. Булгарина, но онъ пріучалъ къ грамотѣ и возбуждалъ охоту къ чтенію въ такой части общества, которая безъ него еще, можетъ-быть, долго бы пробавлялась „Милордомъ Англинскимъ“, „Похожденіями Совѣстдрала Большаго Носа“, „Гуакомъ или непоколебимою вѣрностію“ и тому подобными произведеніями фризовой фантазіи. Слѣдовательно, заслуга „Ивана Выжигина“ г. Булгарина несомнѣнна, и намъ тѣмъ пріятнѣе признать ее публично и печатно, что почтенный сей сочинитель не разъ обвинялъ нашъ журналъ въ завистн къ его таланту. Достоинство произведенія г. Булгарина доказывается еще и его необыкновеннымъ успѣхомъ, а всякій успѣхъ есть доказательство какого-нибудь, хотя бы и отрицательнаго, достоинства. Толпа увлекается или чѣмъ-нибудь истинно великимъ, что̀ никогда не теряетъ своей цѣны, что̀ неизмѣримо выше ея, или чѣмъ-нибудь такимъ, что̀ совершенно по плечу ей, что̀ вполнѣ удовлетворяетъ ея незатѣйливыя потребности. Въ первомъ случаѣ она увлекается мнѣніемъ людей, которые выше ея цѣлою головою, которые, безъ ея, и даже безъ собственнаго, вѣдома и сознанія, непосредственно управляютъ ею силою своего превосходства; такъ увлеклась она Пушкинымъ и съ жадностію раскупала его

созданія. Во второмъ случаѣ она руководствуется сама собою, ибо и она тоже претендуетъ на самостоятельность и и крѣпко отстаиваетъ свои права отъ умныхъ людей, невольно увлекаясь превосходствомъ надъ нею удовлетворяющихъ ея вкусу и потребностямъ сочинителей. Тогда-то видимъ, какъ расходится тысячами [1]) иное довольно дюжинное произведеніе. Но есть разница въ обоихъ этихъ случаяхъ: успѣхъ перваго рода бываетъ прочень и всегда продолжителенъ, если не всегда вѣченъ; успѣхъ втораго рода всегда бываетъ минутный, эфемерный и, начинаясь магазиномъ Смирдина, оканчивается [2]) Апраксинымъ дворомъ.

Итакъ, „Иванъ Выжигинъ“, получивъ успѣхъ равный съ „Юріемъ Милославскимъ“, испыталъ нѣсколько различную отъ послѣдняго судьбу въ отзывахъ журналистовъ; но конецъ ихъ одинъ и тотъ же: они мирно встрѣтились и дружелюбно сошлись тамъ, гдѣ книги оставляютъ свою аристократическую гордость и продаются и промѣниваются вмѣстѣ съ плебеями литературнаго міра. Sic transit gloria mundi!.. Примѣръ грустно поучительный!..

Но есть еще сходство между г. Булгаринымъ и г. Загоскинымъ, какъ писателями. Оба они отличаются однимъ достохвальнымъ направленіемъ, оба имѣютъ одну почтенную цѣль— исправлять пороки и недостатки общества сатирою и моралью. Каждое произведеніе этихъ авторовъ есть не что иное, какъ развитіе какой-нибудь моральной сентенціи—у г. Булгарина въ формѣ юмористической статейки, повѣсти и романа, у г. Загоскина — въ формѣ комедіи, діалога повѣсти и романа. Сверхъ того, оба они — равно пламенные патріоты, оба любятъ до безумія все русское. Но любовь ихъ различна. У г. Булгарина она выражается преимущественно въ увѣреніяхъ въ любви, въ анаѳемахъ противъ равнодушныхъ ко всему русскому, въ громкихъ, хотя не совсѣмъ увлекательныхъ провозглашеніяхъ о *его* драгомъ отечествѣ (т. е. Рос-

---

1) Чужою рукой вставлено: „экземпляровъ“. Такъ и въ печати.

2) Чужою рукой вставлено: „толкучимъ рынкомъ“. Въ собраніи сочиненій эти два слова выпущены, а въ журналѣ пропущено все послѣ слова „эфемерный“.

сіи). При томъ г. Булгаринъ часто противорѣчитъ себѣ въ своей любви ко всему русскому, ибо зло критикуетъ „въ своей литературѣ“ почти все русское: злодѣевъ и чудаковъ представляетъ — черезъ-чуръ увлекаясь чувствомъ благороднаго негодованія — такими гнусными и такъ непохожими на дѣйствительно-возможныхъ, что читать нельзя; а добродѣтельныхъ — такими холодными и безцвѣтными, такъ неправдоподобно, что ихъ нисколько не любишь и существованію ихъ нисколько не вѣришь [1]). Г. Загоскинъ, напротивъ, искреннѣе въ своей любви ко всему русскому, которое онъ часто смѣшиваетъ съ простонароднымъ. Злодѣи г. Загоскина всегда неестественны и гадки, по причинѣ излишней густоты красокъ, происходящей отъ энергическаго негодованія противъ всего злодѣйскаго; добродѣтельные и здравомыслящіе его тоже довольно ничтожны, безцвѣтны и скучны; но чудаки у него почти всегда милы, оригинальны, потому что онъ рисуетъ ихъ съ особенною любовью, и нельзя не подивиться энергическому одушевленію, съ какимъ онъ отстаиваетъ ихъ превосходство надъ чужеземными героями и умниками. Вотъ истинная любовь къ отечеству! Хотя Кирша—дикарь, получеловѣкъ и полузвѣрь, но его невольно любишь и предпочитаешь всякому паладину западной Европы; хотя Зарядьевъ—человѣкъ ограниченный, педантъ и пѣшка въ военной службѣ, но въ романѣ г. Загоскина онъ заслоняетъ собою самого Наполеона. Русскіе купцы, мѣщане и извозчики въ „Рославлевѣ“ нисколько не заставляютъ жалѣть, что они носятъ бороды, не знаютъ грамотѣ и не имѣютъ ничего общаго съ Европою. Что касается до русскаго простонародья—г. Загоскинъ истинный Гомеръ его. Правда, его [2]) изображенія инаго лакея, явившагося къ барину съ разбитою харею [3]) или мечтающаго въ Испаніи о кислой капустѣ, соленыхъ огурцахъ и сивухѣ,— въ иномъ, слишкомъ опрятномъ читателѣ могутъ возбудить

---

[1]) Далѣе въ рукописи вымарана слѣдующая фраза: „но это недостатокъ, достойный величайшей похвалы, дѣлающій большую честь сердцу г. Булгарина“. .

[2]) Чужою рукою исправлено: „нарисованныя имъ“. Такъ въ журналѣ.

[3]) То-же: „рожею“.

не совсѣмъ пріятное чувство, но и этого причина—достоинство, а не порокъ — излишняя вѣрность природѣ [1]).

Въ повѣстяхъ гг. Булгарина и Загоскина то же сходство, какъ и въ романахъ; главная разница въ томъ, что мѣсто дѣйствія у г. Булгарина почти всегда Петербургъ, а у г. Загоскина почти всегда провинція. Это происходитъ оттого, что г. Булгаринъ совершенно не знаетъ ни Москвы, ни провинціи русской (исключая [2]) остъ-зейскихъ губерній), а г. Загоскинъ, по любви своей къ Москвѣ, можетъ назваться ея рыцаремъ и отъ всего сердца, отъ всей души знаетъ и любитъ провинцію, особенно низовый край, заключающій въ себѣ самыя хлѣбородныя губерніи. Все это хорошо: пусть всякій сочинитель описываетъ извѣстную ему сферу жизни и не берется за незнакомыя, то-есть пусть г. Булгаринъ не берется за Москву и коренныя русскія губерніи, а г. Загоскинъ—за Петербургъ, Бѣлоруссію и Лифляндію.

Разсматривая повѣсти гг. Булгарина и Загоскина, помѣщенныя во второмъ томѣ „Ста русскихъ литераторовъ“, мы, по долгу критической добросовѣстности, обязаны отдать преимущество повѣсти г. Булгарина. Повѣсть г. Загоскина называется „Оффиціальный обѣдъ“, а г. Булгарина—„Побѣда отъ обѣда“; видите ли, и въ названіи повѣстей есть сходство: обѣ основаны на обѣдѣ!

Въ городѣ Бобковѣ ждутъ ревизора, Максима Петровича Зорина. Городничій не слишкомъ хлопочетъ о его пріемѣ: городничій человѣкъ честный—ему нечего бояться. Онъ, изволите видѣть, былъ *безсеребренникъ* и, занимая мѣсто градоначальника въ богатомъ и торговомъ городѣ, „покупалъ на чистыя деньги все,—все безъ исключенія, даже чай и сахаръ, даже пѣнное вино, которое пилъ передъ обѣдомъ вмѣсто сладкой водки“. Главнымъ доказательствомъ „безсеребренности“ *Костоломова* (фамилія городничаго) авторъ [3]) пола-

[1]) Зачеркнуто: „Любовь къ отечеству дѣлаетъ чудеса“.

[2]) Чужою рукою приписано: „литовскихъ и“. Такъ и въ собраніи сочиненій. Въ журналѣ здѣсь значительный пропускъ.

[3]) То-же: исправлено—„сочинитель“. Далѣе та-же поправка въ трехъ мѣстахъ.

гаетъ его храбрость въ сраженіи: онъ съ боя взялъ георгіевскій крестъ, вскочивъ первый на непріятельскую батарею. „Воля ваша (восклицаетъ почтенный сочинитель), взяточникъ на пушку не полѣзетъ!“ Мысль моральная, но согласиться съ нею никакъ невозможно. Дѣйствительность любитъ противорѣчить самой себѣ: въ ней иногда безсребренникъ бываетъ плохимъ воиномъ, а иногда и просто трусомъ, а отъявленный взяточникъ и грабитель — образцомъ храбрости. *Безсеребренность* городничаго очень оподозривается однимъ обстоятельствомъ: авторъ не говоритъ, чтобы у него была деревня или капиталъ въ банкѣ, а между тѣмъ заставляетъ его жить, какъ будто бы онъ получалъ губернаторское жалованье. Но это неважное обстоятельство: автору нуженъ былъ городничій безсребренникъ, — и, по праву автора, онъ приказалъ ему быть такимъ; — вотъ и все. Главное же заключается въ томъ, что жена городничаго вертѣла имъ, какъ хотѣла, пользуясь слабостью своихъ нервъ и частыми обмороками. Дочь ихъ любитъ прелестнаго, но бѣднаго молодаго человѣка Холмина, а ей хочется выдать ее за Кочку — богатаго скрягу и негодяя. Между тѣмъ пріѣзжаетъ ревизоръ и останавливается не у князя Чухолова, своего родственника, а у Холмина; чиновничество хочетъ дать обѣдъ ревизору— городничихѣ хочется, чтобы это было въ ея домѣ, но Кочка перебиваетъ у нея эту честь. Однако Кочкѣ дорого обошлась его „интрига“: онъ лишился невѣсты, а обѣдъ все таки былъ у городничихи. Ревизоръ берется быть сватомъ у Холмина; влюбленная чета соединяется, и повѣсти конецъ. Вотъ содержаніе новаго произведенія г. Загоскина. Оно немножко избито и рѣшительно не въ правахъ нашего общества: мы хотимъ сказать, что все это можетъ быть въ повѣсти, но ничего этого, и притомъ *такимъ образомъ*, не бываетъ въ дѣйствительности. Правда, мы опустили множество подробностей,—но нельзя же было всего пересказывать! Если читатели прочтутъ до конца повѣсть г. Загоскина—мы увѣрены, они сами увидятъ, что она есть не что иное, какъ сто-первое повтореніе всѣхъ комедій, повѣстей и романовъ г. Загоскина, что въ ней все старо, все уже извѣстно публикѣ—и лица, и характеры, и

провинціальныя оригинальности, и злодѣи, и резонёры, и чудаки. Съ первой страницы тотчасъ же видите, въ чемъ дѣло, что̀ будетъ дальше, и чѣмъ все кончится. А согласитесь, что главный интересъ повѣсти въ томъ и состоитъ, что, читая ее, вы видите, что все въ ней естественно, правдоподобно, а между тѣмъ вы никакъ не можете угадать, что̀ будетъ впередъ и чѣмъ все кончится. Впрочемъ, къ повѣсти г. Загоскина приложена хорошенькая картинка г. Тима. Оно—видите ли—не то, чтобы въ ней все было хорошо: напротивъ, въ ней нехорошъ городничій, потому что похожъ не на пожилаго служаку, а на молодаго водевильнаго любовника; супруга же его похожа не на разбитную и пожилую бабу-бой, а на хорошенькую и молоденькую дѣвочку; зато предводитель дворянства, толстый, глупый обжора, сладострастно пожирающій глазами и ртомъ поданнаго ему на завтракъ фаршированнаго поросенка—очень недуренъ; а стоящій подлѣ его стола частный приставъ—въ мундирѣ, руки по швамъ, съ оффиціальною физіономіею, съ благоговѣніемъ, какъ на таинство, взирающій на обжорство высокой персоны,—просто превосходенъ. Нельзя выдумать болѣе оффиціальной рожи, какъ физіономія этой полицейской фигуры.

Повѣсть г. Булгарина—повѣсть историческая, изъ „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма“. Она изображаетъ бюрократію того времени, которая, впрочемъ, очень мало измѣнилась въ своемъ духѣ съ того времени. Бѣдные, но честные и талантливые чиновники живутъ дружно между собою. Не имѣя никакой надежды выйти въ люди не протекціею и не подлостію, а заслугою, одинъ изъ нихъ дѣлается съ горя пьяницею—всегдашняя исторія многихъ чиновниковъ; другой остается твердъ въ добродѣтели: и неудивительно: онъ изъ нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ, мать его была швейцарка, и ей обязанъ онъ былъ человѣческимъ воспитаніемъ и человѣческимъ образомъ мыслей. Искринъ (фамилія этого чиновника) любитъ дочь Карла Ѳедоровича Циттербейна, экзекутора канцеляріи князя Камышенскаго. Сей Циттербейнъ—злодѣй: скряга, низкопоклонникъ, канцелярская гадина. Чины и деньги—его богъ, а честь обѣдать за столомъ „свѣтлѣйшаго“ — идеалъ высочайшаго бла-

женства. Онъ достаетъ за огромные проценты деньги своему начальнику (т.-е. даетъ свои)—и потому для него необходимый человѣкъ и пользуется его милостію и покровительствомъ. Разумѣется, экзекутору и въ голову не входитъ мысль, чтобы бѣдный чиновникъ осмѣлился имѣть виды на его дочь, и потому онъ позволяетъ ему видѣться съ нею; но когда узнаетъ о тайнѣ любовниковъ, то приходитъ въ ярость и прогоняетъ Искрина. Искринъ рѣшается, во что бы то ни стало, добиться чести—обѣдать у „свѣтлѣйшаго“. Онъ кропаетъ плохіе стишонки — торжественную оду „свѣтлѣйшему“, которая начинается такъ:

Возстани, муза! пѣть достоитъ
Вождя возлюбленна тебѣ.
Кой тысячамъ блаженства строитъ,
Живъ поздну роду, не себѣ.

Искринъ отправляется къ Попову, который опредѣлилъ его на службу, и проситъ его превосходительство „быть ему отцомъ, благодѣтелемъ, заступникомъ“—представить оду „свѣтлѣйшему“. Ода представлена — и поэтъ награжденъ стами рублями... Но Искринъ отказывается, прося въ награду чести быть приглашеннымъ къ обѣду его свѣтлости. Къ счастію, во время разговора Искрина съ Поповымъ подошла къ нимъ графиня Уральская, пріятельница Потемкина; ей понравилась наружность молодаго человѣка—и на другой день онъ получилъ вожделѣнное приглашеніе. Доставъ, при помощи пріятеля, денегъ отъ одного ростовщика, который не могъ отказать человѣку, приглашенному къ обѣду „свѣтлѣйшаго“,— Искринъ покупаетъ себѣ приличное платье. За обѣдомъ „свѣтлѣйшій“ ничего не ѣлъ и изъявилъ желаніе отвѣдать севрюжины. Искринъ вызвался сейчасъ же достать ее, побѣжалъ въ трактиръ и принесъ [1]). „Свѣтлѣйшему“ понрави-

[1]) Забавная пародія на дѣйствительный анекдотъ о Потемкинѣ, котораго разъ угощалъ какой-то вельможа, и который на просьбы хозяина покушать отвѣчалъ, что ему хотѣлось бы соленой севрюжины; когда же севрюжина была привезена изъ-за сорока верстъ и изготовлена, пока еще столъ продолжался, то Потемкинъ не сталъ ее ѣсть, говоря: „я потому только спросилъ ее, что не думалъ, что ее можно было достать“.

лись его смѣлость и проворство—онъ спросилъ о немъ—ему сказали, что это тотъ поэтъ, который поднесъ оду. Послѣ обѣда явился къ Потемкину съ пакетомъ отъ князя Камышевскаго Циттербейнъ; Потемкинъ велѣлъ ему распечатать пакетъ и прочесть; но тотъ, увидѣвъ Искрина въ числѣ гостей, до того сробѣлъ, что уронилъ и разбилъ свои очки; „свѣтлѣйшій“ велѣлъ читать Искрину. Окончаніе повѣсти не трудно понять: Искринъ женился на своей возлюбленной, сдѣлался знатнымъ барином, владѣльцемъ капитала больше, чѣмъ въ милліонъ, вывелъ въ люди всѣхъ своихъ пріятелей, изъ которыхъ Глазовъ, какъ водится въ моральныхъ повѣстяхъ, исправился и изъ пьяницъ сдѣлался трезвымъ человѣкомъ.

Повѣстца, какъ можете видѣть сами изъ этого изложенія, очень незавидная, впрочемъ не въ ущербъ книгѣ „Ста русскихъ литераторовъ“, въ отношеніи къ которой она — по Сенькѣ шапка, какъ говоритъ пословица. Содержаніе этой повѣсти избито и старо, какъ мудрая истина, что добродѣтель награждается, а порокъ наказывается; пружины ея не стальныя, а мочальныя, и тѣ истертыя и истрепанныя. Въ самомъ дѣлѣ, что это такое: любовникъ, молодой идеальный человѣкъ, безъ роду и племени, безъ денегъ въ карманѣ, но съ возможными добродѣтелями въ душѣ; любовница, идеальная дѣвица, прекрасная и добродѣтельная, но дочь отца столь скареднаго, что ему предоставлена скучная роль разлучника; счастливый случай, всегда готовый къ услугамъ плохой повѣсти, дѣлаетъ вожделѣнную развязку, и къ концу — герои совокупляются законнымъ бракомъ, злодѣи исправляются, пьяницы просыпаются и—всѣ счастливы? Повторяемъ: что это такое, какъ не повѣсть, въ родѣ г. Загоскина?.. Но тѣмъ не менѣе повѣсть г. Булгарина все-таки неизмѣримо выше повѣсти г. Загоскина. Всякое сочиненіе должно быть результатомъ какой-нибудь причины, такъ же точно, какъ всякое намѣреніе должно имѣть какую-нибудь цѣль. Разумѣется, причина или цѣль сочиненія можетъ быть и внѣшняя и внутренняя; первой критика не должна брать въ разсчетъ и сей рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, что автору нужны были

деньги, или хотѣлось попасть въ знаменитое число „Ста литераторовъ“ и полюбоваться своимъ портретомъ; она беретъ въ уваженіе только внутреннія причины или цѣли, которыя могутъ состоять только въ мысли. Пусть мысль будетъ выполнена неудачно, но все-таки пріятнѣе прочесть даже и посредственное произведеніе, написанное съ мыслію, чѣмъ такое же посредственное произведеніе, написанное безъ всякой мысли, но такъ—чтобъ только подъ чѣмъ-нибудь подписать свое сочинительское имя. У г. Булгарина явно была предметомъ мысль — изобразить бытъ временъ Екатерины Великой, — и это, несмотря на топорную отдѣлку его повѣсти, придало ей интересъ. Побасенками забавляютъ только дѣтей; людей мыслящихъ можно занимать только мыслью,—иначе они могутъ оскорбиться претензіею сочинителя на ихъ вниманіе. Г. Булгаринъ не можетъ опасаться подобныхъ оскорбленій со стороны своихъ читателей [1]): его повѣсть можетъ ихъ не удовлетворить, но цѣль ея всегда будетъ достойною ихъ вниманія. Правда, тутъ много мыслей или разсужденій, какъ, напр., о дворянствѣ, будто бы облагораживающемъ человѣка, о Вольтерѣ и энциклопедистахъ, какъ врагахъ человѣческаго рода, и тому подобныя, которыя ужъ слишкомъ „сочинительскія“ и напоминающія лучшія, самыя блестящія страницы въ этомъ родѣ въ сочиненіяхъ Р. М. Зотова. Но тутъ есть мысли и взгляды поистинѣ дѣльные [2]), въ доказательство чего довольно выписать слѣдующее мѣсто:

„Звѣзды носили тогда не только на кафтанахъ и на сюртукахъ, но и на плащахъ, на шубахъ, а весьма многіе носили даже на халатахъ. Это вовсе не почиталось странностью; напротивъ, считали неприличіемъ и дерзостью не носить орденовъ. Въ наше время высшіе государственные сановники принимаютъ подчиненныхъ и просителей не иначе, какъ уже по окончаніи своего туалета, рѣдко заставляютъ себя дожидаться и даже отказываютъ въ просьбѣ и дѣлаютъ выговоры вѣжливѣе, чѣмъ встарину миловали и хвалили. Въ блаженное екатерининское время вельможа или вообще начальникъ принималъ просителей или под-

[1]) Послѣднія слова зачеркнуты карандашомъ и сбоку, повидимому, другою рукой исправлено: „чтобъ читатели его оскорбились“. Тк. въ печати.

[2]) Чужою рукой приписано: „хоть и не новыя“.

чиненныхъ въ халатѣ, въ туфляхъ, иногда сидя передъ зеркаломъ, бреясь или пудрясь, или лежа на софѣ, говорилъ *ты* каждому, кто ниже чиномъ и не принадлежитъ къ знатной родѣ, и позволялъ себѣ всевозможныя вольности въ рѣчахъ. Не весьма *женировались* даже передъ дамами-просительницами, хотя бы онѣ принадлежали къ дворянскому сословію, основываясь на томъ, что порядочная женщина должна непремѣнно найти покровителя, который хлопоталъ бы за нее. Вѣжливость, утонченность нравовъ, любезность, остроуміе имѣли убѣжище только при дворѣ и въ гостиныхъ древнихъ родовыхъ русскихъ бояръ, такъ называемыхъ столповыхъ дворянъ, превращенныхъ европейскою образованностію въ вельможъ, по образу и по подобію придворныхъ Людовика XV. Но въ пріемныхъ, въ канцеляріяхъ и въ домашнемъ быту еще крѣпко припахивало дичью и татарщиною. Даже Державинъ гордился еще предкомъ своимъ, татарскимъ мурзою, и искалъ безсмертныхъ красокъ для портрета Фелицы въ степяхъ киргизскихъ! Въ то время между русскими еще можно было найти подлинники мурзъ и баскаковъ... Теперь это перешло въ преданіе!“...

Все это очень умно и очень вѣрно; но намъ кажется, что авторъ простираетъ свое нерасположеніе къ екатерининскому времени далѣе, нежели сколько позволяетъ истина и безпристрастіе. Несмотря на все худое, которое можно, не кривя истиною, сказать объ этомъ вѣкѣ, онъ все-таки былъ великій вѣкъ. Достоинство исторической эпохи состоитъ не въ томъ, чтобы быть безусловно разумною, но въ томъ, чтобы быть разумною въ отношеніи къ самой себѣ, сообразно съ законами исторической возможности. Всякая эпоха велика, лишь бы она была эпохою движенія и развитія. Если бояре того времени принимали просителей въ халатѣ, а Потемкинъ и бояръ принималъ иногда даже безъ халата, то ни просители, ни бояре не думали этимъ оскорбляться: первые цѣловали ручки своихъ „милостивцевъ“, а вторые низко кланялись передъ „свѣтлѣйшимъ“ и гордились его улыбкою или брошеннымъ словомъ, какъ звѣздою на своемъ халатѣ. Тогда не было не только народа, не только средняго сословія, но даже и средняго дворянства; но было только вельможество и толпа безотвѣтная и безсловесная; сама бюрократія,—солнце толпы, была сальною свѣчею передъ вельможествомъ. Вѣку Александра Благословеннаго суждено было создать въ Россіи нѣчто среднее между высшими ступенями государственной лѣ-

стницы и ея основаніемъ. Но безъ вѣка Екатерины Великой былъ бы невозможенъ вѣкъ Александра Благословеннаго. Петръ разбудилъ Россію отъ апатическаго сна, но вдохнула въ нее жизнь Екатерина. Пламенникомъ генія была озарена царственная глава этой великой жены—и этою главою жила Русь. Жизнь государства заключается въ живой, движущейся идеѣ, которая непосредственно окрыляетъ дѣятельность всѣхъ его членовъ: блескъ царствованія Екатерины, громъ побѣдъ, пиры и роскошь, начало просвѣщенія, искусствъ, цивилизаціи, великія пріобрѣтенія, множество мужей, могучихъ волею, великихъ умомъ и талантомъ,—все это было созданіемъ живой, зиждительной мысли, озарявшей царственную главу великой жены...

Картинка въ повѣсти г. Булгарина, соч. г. Тима, довольно недурна; она представляетъ кабинетъ вельможи, въ которомъ украшенія и игрушки на каминѣ взяты съ одной Гогартовской картины, которую можно найти и въ „Живописномъ Обозрѣніи“ [1]).

За повѣстью г. Булгарина слѣдуетъ повѣсть г. *Масальскаго* „Осада Углича“. Мы не будемъ ничего говорить о литературномъ поприщѣ г. Масальскаго, потому что ровно ничего о немъ не знаемъ [2]), а наводить справокъ не имѣемъ ни времени, ни охоты [3]). Что касается до „Осады Углича“—это, во-первыхъ, повѣсть безъ всякаго содержанія, всякой правдоподобности, всякаго интереса; во-вторыхъ, крайне безталанно разсказанная и потому вялая, длинная и скучная. Сочинитель увѣряетъ, что будто бы онъ заимствовалъ содержаніе своей повѣсти изъ какой-то старинной рукописи „О разореніи града Углича, нарицающагося древле городъ Угло“, будто бы доставленной ему однимъ старожиломъ угличскимъ; но мы крѣпко сомнѣваемся въ существованіи этой рукописи, если только фантазія г. Масальскаго въ самомъ дѣлѣ изъ нея

[1]) Поправка чужою рукой: „давно извѣстной всѣмъ по гравюрамъ даже политипажамъ“. Такъ въ журналѣ; въ сочиненіяхъ здѣсь пропускъ.

[2]) То-же: „помнимъ“. Такъ и въ печати.

[3]) Чужою рукой приписано: „да въ этомъ, кажется, нѣтъ и надобности“. Такъ и въ журналѣ.

заимствовалась [1]). Въ повѣсти русскаго духа слыхомъ не слыхать, видомъ не видать; изображенные въ ней нравы—похожи на пародію [2]) на нынѣшніе нравы, изображаемые плохими романистами. Послушайте, напримѣръ, какимъ *романическимъ* языкомъ плохихъ романовъ изволитъ объясняться стрѣлецкій голова 1610 года.

„... Я жилъ въ Москвѣ. Тамъ сердце указало мнѣ спутницу жизни. Питая другъ къ другу любовь чистую, пламенную, мы наконецъ превозмогли всѣ препятствія, которыя долго мѣшали нашему счастію, и я назвалъ ее моею. Всѣ говорятъ, что на землѣ невозможно найти полнаго счастія. Нѣтъ, это несправедливо, отецъ Авраамій! Я, я наслаждался этимъ счастіемъ!.. Правда, оно скоро ушло и—навсегда! Она покинула меня, милая, незабвенная Ольга! Скоро ушла она на небо съ этой бѣдной земли! О, какъ дорого заплатилъ я за свое счастіе!.. Легче было бы мнѣ, если бъ оторвали половину моего сердца; но я не роптalъ, я даже не плакалъ—я не могъ плакать. Меня утѣшала мысль, что я страдаю одинъ, что моя Ольга на небѣ, гдѣ счастіе вѣчно, неизмѣнно, гдѣ ее уже не можетъ постигнуть утрата, подобная моей. На языкѣ человѣческомъ нѣтъ выраженій, чтобъ изобразить то, что я чувствовалъ, когда вокругъ гроба ея раздавалось похоронное пѣніе, когда мои запекшіяся уста прильнули къ ея холодной щекѣ, гдѣ недавно игралъ такъ плѣнительно румянецъ жизни; къ ея рукѣ неподвижной, которою она, угасая и вперя въ меня исполненный любви прощальный взоръ, въ послѣдній разъ пожала мою руку“!...

Очень хорошо! Кто бы могъ подумать, что грубые, брадатые, полудикіе стрѣльцы XVII вѣка были такъ чувствительны на манеръ Эраста Чертополохова и были такими приторными риторами!..

Картинка къ этой повѣсти очень плоха [3]).

За повѣстью г. Масальскаго слѣдуютъ стихи г. Масальскаго „Дерево Смерти“. О нихъ можемъ мы сказать только, что въ нихъ геній, новаго доселѣ неизвѣстнаго намъ литератора и поэта г. Масальскаго вѣренъ самому себѣ, въ нихъ та же реторика, только съ риѳмами.

---

[1]) То-же: „можно крѣпко сомнѣваться въ существованіи или въ подлинности этой рукописи, если... заимствована изъ рукописи“. Такъ и въ журналѣ.

[2]) То-же: „нѣчто въ родѣ пародіи“. Такъ и въ печати.

[3]) То-же, карандашомъ: „не совсѣмъ удобна“. Въ соч. здѣсь пропускъ.

Утомленный и усыпленный повѣстью и стихами г. Масальскаго, читатель съ жадностію развертываетъ въ „Ста русскихъ литераторахъ“ повѣсть г. *Вельтмана* „Урсулъ“. Но... кто бы могъ этого ожидать?.. утомленіе все возрастаетъ, возрастаетъ, силы слабѣютъ, терпѣніе истощается... Вотъ ужъ и послѣдняя страница... вотъ и конецъ... Да что же это такое!.. въ чемъ дѣло?.. Гульпешти, Мынчешти, Градешти, Малаешти, Албинешти, Горешти, Гальбинешти, домну Форешти, домну Іоанне... ничего не понимаемъ... Люди разговариваютъ, ходятъ, спятъ, ѣдятъ, бѣгаютъ, скачутъ, дерутся, но кто съ кѣмъ, изъ чего, какъ, когда, почему? — самъ Эдипъ не разрѣшилъ бы этой сфинксовой загадки, которую г. Вельтману угодно было назвать повѣстью [1]). Рѣшительно, мы ничего не поняли въ „Урсулѣ“. Что это такое? неужели паденіе таланта—послѣдній, предсмертный и потому невнятный лепетъ его?.. Правда, въ „Урсулѣ“ г. Вельтмана есть страницы понятныя, есть мѣста живыя, увлекательныя, но безъ всякаго отношенія къ цѣлому. И притомъ къ чему это испещреніе разсказа молдаванскими словами: *кифи*, *ши моле*, *чи гында*, *ватава*, *одубешти*, *домнешти*, *логофетъ ди вистіарїя*, *гота?* Къ чему этотъ натянутый à la Marlinsky, напыщенно-реторическій языкъ?

„Ухъ, какая гроза во мнѣ бушевала! *Громы перекатывались въ черепѣ* (?), кровь ходила волнами по жиламъ, била въ сердце, — а сердце какъ скала!.. Хлынули бы слезы, легче бъ было, но только магнія жгла внутренность; въ очахъ переливалось кровавое зарево; подъ ногами все рушилось; вихрь крутилъ меня, я хватался за воздухъ“...

Изысканность, вычурность, напыщенность, туманность, безсвязность, пестрота и, къ довершенію всего, хоть разбей себѣ голову, а ничего не поймешь въ этой повѣсти... Прочтите „Кирджали“ Пушкина: содержаніе сходно съ повѣстью г. Вельтмана; но какая простота, безыскусственность, какая непри-

[1]) Въ рукописи дальше зачеркнуто, повидимому, не самимъ Бѣлинскимъ: просто-на-просто, безъ обиняковъ: мы ничего не поняли въ „Урсулѣ“ и скорѣе смогли бы сочинить свою (хоть плохую, но понятную) повѣсть, чѣмъ пересказать содержаніе повѣсти г. Вельтмана. Что это такое?... Неужели паденіе таланта.

нужденная сжатость и энергія, какая поэзія, какъ все понятно уму и сердцу!..

Да не подумаютъ читатели, чтобъ нашимъ сужденіемъ о повѣсти г. Вельтмана управляло пристрастіе къ ея автору: нѣтъ, мы признаемъ въ г. Вельтманѣ не только поэтическій талантъ, но даже большой поэтическій талантъ. Въ его „Кощеѣ Безсмертномъ“, „Святославичѣ“ и другихъ романахъ и повѣстяхъ часто проблескиваютъ искры высокой поэзіи, встрѣчаются картины и очерки, набросанные художническою рукою, но нигдѣ нѣтъ цѣлаго, полнаго, оконченнаго,—тамъ рука, тутъ нога, иногда цѣлая голова удивительной работы, волшебнаго рѣзца, но никогда полной статуи, запечатлѣнной единствомъ мысли, гармоніей цѣлаго. И вотъ причина, почему г. Вельтманъ, поэтъ съ большимъ дарованіемъ, не пользуется на Руси тѣмъ авторитетомъ, котораго заслуживалъ бы его талантъ, и заслоняется въ глазахъ публики разными народными и правоописательными писаками. Къ этому надо присовокупить еще какую-то странность въ направленіи, какіе-то капризы фантазіи, непонятную наклонность къ филологіи въ области поэзіи. И удивительно ли, что литературное поприще, такъ блистательно начатое „Кощеемъ“, заключается теперь „Каломеросомъ“ и „Урсуломъ“? Г. Вельтману ужъ не разъ,и притомъ не безъ основанія, замѣчали, что мало для поэта быть богатымъ сокровищами поэзіи, но надо еще и умѣть ими распоряжаться: иначе богатство съѣдетъ на нищету... Оно такъ и дѣлается...

Картинка къ повѣсти г. Вельтмана очень плоха [1]).

Переворачиваемъ страницу и видимъ... о удивленіе!.. повѣсть *г. Надеждина* „Сила Воли“... Итакъ, и г. Надеждинъ сталъ повѣствователемъ?.. Странно!.. А все виноватъ г. Смирдинъ: онъ своими „Стами литераторами“ всѣхъ литераторовъ нашихъ превратилъ въ разскащиковъ [2]). Можетъ быть, это выгодно для его книги, но не для литераторовъ. Вотъ хоть бы г. Надеждинъ: онъ литераторъ умный, ученый; онъ

---

[1]) Исправлено карандашомъ: „порядочна“. Такъ и въ журналѣ.

[2]) Исправлено карандашомъ: „въ нувеллистовъ“. Такъ и въ печати.

журналистъ, профессоръ эстетики, критикъ, фёльетонистъ; онъ хорошій сотрудникъ „Энциклопедическаго Лексикона“: но какой же онъ поэтъ, какой же повѣствователь, г. Смирдинъ?..

Г. Надеждинъ началъ свое литературное поприще въ „Вѣстникѣ Европы“, и началъ его борьбою противъ романтизма. Въ первыхъ статьяхъ своихъ онъ явился псевдонимомъ *Надоумкою*; но когда были напечатаны отрывки изъ его диссертаціи, на доктора [1]), всѣ узнали, что Надоумко и г. Надеждинъ— одно лицо. Статьи Надоумки отличались особенною журнальною формою, оригинальностію, но еще чаще странностію языка, бойкостію и рѣзкостью сужденій. Какъ въ нихъ, такъ и въ диссертаціи, можно было замѣтить, что противникъ романтизма понималъ романтизмъ лучше его защитниковъ и былъ не совсѣмъ искреннимъ поборникомъ классицизма такъ же, какъ и не совсѣмъ искреннимъ врагомъ романтизма. Г. Надеждинъ первый сказалъ и развилъ истину, что поэзія нашего времени не должна быть *ни классическою* (ибо мы не греки и не римляне), *ни романтическою* (ибо мы не паладины среднихъ вѣковъ); но что въ поэзіи нашего времени должны примириться обѣ эти стороны и произвести новую поэзію. Мысль справедливая и глубокая,—г. Надеждинъ даже хорошо и развилъ ее. Но тѣмъ не менѣе она немногихъ убѣдила и не вошла въ общее сознаніе. Много причинъ было этому, но главныя изъ нихъ: какая-то неискренность и непрямота въ доказательствахъ, свойственныя *докторанту*, а не *доктору*, и явное противорѣчіе между воззрѣніями г. Надеждина и ихъ приложеніемъ. Г. Надеждинъ, понимая, что классическое искусство было только у грековъ и римлянъ, называя французскую поэзію псевдоклассическою, неестественною и надутою, въ то же время съ благоговѣніемъ произносилъ имена Корнеля, Расина и Мольера и смѣло цитовалъ реторическіе стихи Ломоносова, Петрова, Державина и Мерзлякова, увѣряя, что въ нихъ-то и заключается всяческая поэзія. Далѣе, очень хорошо понимая, что Шекспиръ, Байронъ, Гёте, Шиллеръ, Пушкинъ—

---

[1]) Карандашомъ исправлено: „писанной для полученія степени“... Такъ и въ печати.

совсѣмъ не романтики, но представители новѣйшей поэзіи, онъ съ ожесточеніемъ глумился надъ ними, какъ надъ неистовыми романтиками, и смѣшивалъ ихъ съ героями юной французской литературы. Это противорѣчіе едва ли не было умышленно, во уваженіе невѣрныхъ отношеній *докторанта*, желающаго быть *докторомъ*, и поэтому, по мѣрѣ возможности, не желающаго противорѣчить закоренѣлымъ предубѣжденіямъ *докторовъ*. По этой *уважительной* причинѣ г. Надеждинъ вооружился противъ Пушкина всѣми аргументами своей учености, всѣмъ остроуміемъ своихъ *надоумочныхъ*, или—правильнѣе [1])—*недоумочныхъ* статей. Время и мѣсто не позволяютъ намъ распространиться о его подвигахъ въ ратованіи противъ Пушкина, ибо это длинная и притомъ забавная и занимательная исторія, которую мы предоставляемъ себѣ разсказать въ другое время, какъ скоро представится удобный случай. Теперь же скажемъ только то, что, сдѣлавшись докторомъ и получивъ каѳедру, г. Надеждинъ сдѣлался журналистомъ — и совершенно измѣнилъ свои литературные взгляды и даже орѳографію: вмѣсто *эсѳетическій* и *энѳузіазмъ* сталъ писать *эстетическій* и *энтузіазмъ*; разбирая „Бориса Годунова“, заговорилъ о Пушкинѣ уже другимъ тономъ, хотя и осторожно, чтобъ ужъ не слишкомъ рѣзко противорѣчить своимъ *недоумочнымъ* и *эсѳетическимъ* статьямъ. Во всякомъ случаѣ, г. Надеждинъ—примѣчательное лицо въ нашей литературѣ и заслуживаетъ подробной и основательной оцѣнки, которую мы и предоставляемъ себѣ сдѣлать при удобномъ случаѣ.

Но тѣмъ не менѣе повѣсть совсѣмъ не дѣло г. Надеждина, точно такъ же, какъ, напримѣръ, драма совсѣмъ не дѣло г. Погодина [2]). „Сила Воли“ разсказана умно, но холодно и безцвѣтно, тогда какъ по ея содержанію, почерпнутому изъ кипучей жизни католической Италіи, — фантазіи и чувству было бы гдѣ разгуляться.

---

[1]) Карандашомъ исправлено: „какъ говорили тогда его противники“. Такъ и въ печати.

[2]) Послѣдняя фраза зачеркнута карандашомъ и пропущена въ печати.

Картинка, приложенная къ повѣсти г. Надеждина, плоха, а портретъ его не отличается большимъ сходствомъ [1]).

Теперь слѣдуетъ повѣсть г. *Каменскаго* „Іаковъ Моле“. Она особенно замѣчательна цвѣтистымъ и театральнымъ разсказомъ и картинкою, которая къ ней приложена: не знаешь, чему дивиться—тому ли, что повѣсть удивительно выражаетъ картинку, или тому, что картинка удивительно выражаетъ повѣсть; не знаешь, чему отдать преимущество — повѣсти или картинкѣ. Мы думаемъ, что и то, и другое превосходно. О литературномъ поприщѣ г. Каменскаго довольно сказать, что онъ, г. Каменскій—авторъ несравненнаго сатирическаго романа „Искатель сильныхъ ощущеній“, нѣсколькихъ повѣстей и несравненной драмы „Розы и Маска“ [2]).

Г. Панаевъ (В. И.), извѣстный нашъ идилликъ, написалъ для альманаха г. Смирдина не повѣсть, а разсказъ объ истинномъ происшествіи, который и названъ имъ просто „Происшествіе 1812 года“. Разсказъ отличается занимательностію содержанія, правильнымъ, гладкимъ и пріятнымъ слогомъ. Картинка къ разсказу очень плоха [3]).

„Любовь петербургской барышни“, предсмертный разсказъ г. *Веревкина*, или *Рахманнаго*, заключаетъ собою второй томъ „Ста русскихъ литераторовъ“. Въ этомъ предсмертномъ разсказѣ нѣтъ никакого разсказа, потому что нѣтъ никакого содержанія. Это просто — дурно набросанная болтовня о томъ, какъ одна петербургская барышня сперва „влюбилась“ въ одного *господина офицера*, а потомъ, когда ей представилась выгодная партія, разлюбила его. Интереснѣе всего въ этомъ разсказѣ литературныя признанія г. неизвѣстнаго въ русской литературѣ сочинителя, — признанія

[1]) Вмѣсто—„плоха“ карандашомъ исправлено—„изрядна“, а затѣмъ чернилами исправлено: „поразительнымъ сходствомъ, какъ другіе“. Такъ и въ журналѣ.

[2]) Послѣдняя фраза также смягчена чужою рукой и напечатана такъ: „...то, и другое хорошо... Г. Каменскій извѣстенъ, какъ авторъ сатирическаго романа... и драмы...“. Такъ и въ печати.

[3]) Чужою рукой исправлено: „картинка къ разсказу не совсѣмъ удалась, а портретъ автора превосходенъ и отличается поразительнымъ сходствомъ“. Такъ въ журналѣ.

вродѣ „Confessions“ Руссо или Жаненовскихъ признаній. Послушайте:

„Около того же времени въ первый разъ выступилъ я на литературное поле. Есть на Руси таинственный человѣкъ, которому всѣ невольно удивляются, хотя многіе и злословятъ его. Не зная этого человѣка лично, я былъ влюбленъ въ него, быть-можетъ, столько же, какъ въ Ольгу: не я одинъ изъ нашего молодого поколѣнія питалъ и питаю къ нему эту романическую привязанность. По моимъ понятіямъ такая сила дарованія должна была опираться въ немъ на душу теплую и благородную, и я не ошибся. Точно такъ же, какъ *невинная* Ольга довѣрчиво вручила свою судьбу мнѣ, почти незнакомому себѣ *(ей?)* человѣку, я вручилъ ему свою, безпредѣльно, неограниченно *(вручить судьбу безпредѣльно, неограниченно* — какъ это хорошо сказано!). *Любовное письмо*, которое я написалъ къ нему, исторглось у меня также изъ глубины души: онъ такъ и понялъ его, и съ тѣхъ поръ его участіе, совѣтъ, руководство, содѣйствіе, помощь, дружба не оставляли меня. Радость и весьма основательная гордость моя, по поводу пріобрѣтенія такого друга, служила нѣкоторымъ *противувѣсіемъ* горести, которую начинала причинять любовь. Дѣло въ томъ, что въ то самое время, какъ пріобрѣталъ друга, я очевидно терялъ любовницу: отвѣтъ, объясненіе не являлись...

„Благодаря содѣйствію этого достойнаго друга, маленькіе *довольно блестящіе* успѣхи начали *загромождать* путь мой къ будущей *литературной славѣ (вотъ какъ!..)*, которая съ тѣхъ поръ и самому мнѣ показалась возможною къ достиженію при дальнѣйшихъ усиліяхъ и болѣе важныхъ начинаніяхъ (?). *Мое имя было произнесено въ гостиныхъ.* Литературные интриганты стали штурмовать меня письмами, стараясь привлечь новое перо мое въ журналы своихъ безсильныхъ партій. Эти бездарные шакалы мигомъ чуютъ поживу за семь-сотъ-семьдесятъ семь верстъ, и ихъ мелочные прописки, внушая мнѣ отвращеніе, очень польстили моему самолюбію: они заставляли меня вѣрить въ мой собственный талантъ, и я уже нѣкоторымъ образомъ начиналъ разыгрывать роль „сочинителя“. Предчувствія, предсказанія Ольги сбывались. Эти первые *лучи славы* были, безспорно, твореніе рукъ ея. Съ какимъ восторгомъ украсилъ бы я ими прелестную ея головку“...

Вотъ геній-то, такъ ужъ геній! Онъ не дожидается суда современниковъ и потомковъ, но, написавъ двѣ-три посредственныя повѣстцы для пріятельскаго журнала, самъ провозглашаетъ себя геніемъ и, сбираясь въ дальній путь, смѣло сочиняетъ апотеозъ своей небывалой славѣ, выдумываетъ себѣ почитателей и враговъ, увѣряетъ, что его на перебой

звали къ себѣ въ журналисты, крича: „къ намъ, Иванъ Александровичъ, пожалуйте къ намъ управлять департаментомъ!..“ [1]) Впрочемъ все это такъ... и безсмысленно [2]), что надо помочь недоразумѣнію читателей и сказать имъ, кто такой этотъ г. Веревкинъ, или Рахманный, т.-е., что такое сдѣлалъ и чѣмъ прославилъ онъ себя въ русской литературѣ. Онъ написалъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ одну или двѣ изъ тѣхъ повѣстей, которыя кажутся столь остроумными извѣстному кругу провинціальной публики: потомъ онъ былъ не то корректоромъ, не то выписчикомъ забавныхъ мѣстъ изъ московскихъ романовъ для литературной лѣтописи „Библіотеки для Чтенія“—какъ было это какъ-то объявлено во всеуслышаніе въ этомъ журналѣ. Вотъ и всѣ и его права на литературную славу, которой онъ почиталъ себя достигшимъ. Что же до таинственнаго человѣка, которому будто бы удивляется вся Россія, его не трудно угадать по слогу повѣсти г. Веревкина, которая начинается фразою. „Есть разнаго роду *любви*“; далѣе можно въ ней найти слова „враждъ“, „мечтъ“ и т. п.

Нельзя не поговорить о *тонѣ* этой повѣсти—такъ *изященъ* онъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ:

Ей-ей не стоило родиться! Лучше ужъ было родиться лягушкою, потому что, нѣтъ сомнѣнія, у хладнокровныхъ лягушекъ, живущихъ въ одномъ и томъ же болотѣ съ петербургскими *барышнями*, любовь, по свидѣтельству всѣхъ физіологовъ, въ тысячу разъ и горячѣе, и страстнѣе, и постояннѣе. Какъ бы я теперь былъ счастливъ съ моею доброю, чувствительною, любящею лягушкой! Она посвятила бы мнѣ все свое существованіе, жила бы только для меня, заботливо смотрѣла бы въ мои потухающіе глаза, и, когда послѣдній лучъ свѣта въ нихъ погаснетъ, закрыла бы ихъ навсегда.

...Меня непріятнымъ образомъ поразило и самое искусство ея въ верховой ѣздѣ: эта смѣлость, эта рѣшительность на конѣ, показалась мнѣ, въ дѣвушкѣ, противозаконнымъ посягательствомъ на славу киргизъ-кайсаковъ. Я знаю, что настоящая петербургская *барышня* должна

[1]) Хлестаковъ въ „Ревизорѣ“ Гоголя. - (Это примѣчаніе приписано карандашомъ, повидимому—другою рукой). Такъ въ журналѣ.

[2]) Одно зачеркнутое слово не разобрано. Карандашомъ исправлено: „смѣло и безмысленно“.—Въ печати: „смѣло и странно“.

ѣздить верхомъ какъ берейторъ, и не уступать въ наѣздничествѣ маленькому Турніеру.

Безнадежность эта была, конечно, благодѣяніемъ въ моемъ положеніи: я разсчитывалъ, что она скоро сотретъ въ моемъ сердцѣ послѣдніе слѣды неумѣстной и безполезной страсти, которая, какъ я ни прогонялъ ее, какъ ни запиралъ передъ нею всѣ входы въ грудь, растерзанную, требующую изцѣленія забвеніемъ прошедшаго, часто возвращалась ко мнѣ, *мерзавка*, вмѣстѣ со слезами и грустными предчувствіями.

Послѣ этого, какъ не повѣрить, что имя сочинителя этой прелестной повѣсти огласило собою гостиныя, а не гостинницы...

Картинка къ повѣсти г. Веревкина, какъ нарочно, самая плохая во всей книгѣ, такъ же, какъ картинка къ статьѣ Шишкова самая лучшая и была бы лучшею и не въ такомъ изданіи.

И вотъ вамъ весь второй томъ „Ста русскихъ литераторовъ!“ Плохъ былъ и первый, но онъ передъ вторымъ, какъ солнце передъ гнилушкою. Лучшая статья въ этомъ второмъ томѣ [1]) безъ всякаго сомнѣнія повѣсть Булгарина: этого довольно къ оцѣнкѣ цѣлой книги. Вотъ что̀ значитъ терпѣніе и долголѣтняя служба—

„То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты...
Вакансіи какъ разъ открыты“,

какъ говоритъ одно изъ почтеннѣйшихъ лицъ комедіи Грибоѣдова. А вѣдь правда: еще лѣтъ пять-десять, и если наша литература пойдетъ такъ же, какъ теперь [2]), то г. Булгаринъ будетъ играть въ ней первую роль и сдѣлается ея истиннымъ и достоѣнымъ представителемъ. Дай-то Богъ!..

---

[1]) Въ скобкахъ чужою рукой вставлено: „кромѣ басни Крылова, которая зашла сюда случайно“. Такъ въ журналѣ.

[2]) Карандашомъ приписано: „когда иныхъ ужъ нѣтъ, другіе ничего не хотятъ дѣлать“.

СТИХОТВОРЕНІЯ ГРАФИНИ Е. РАСТОПЧИНОЙ.

1841. Часть I. Изданіе конторы привилегированной типографіи Фишера. Въ Санктпетербургѣ. Въ 8-ю д. л. 190 стр.

Съ 1835 года, если не ошибаемся, почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться стихотворенія, отмѣчаемыя таинственной подписью *Гр-ня Е. Р-на*. Само собой разумѣется, что причина подобнаго способа давать о себѣ знать заключалась въ нежеланіи автора быть извѣстнымъ подъ собственнымъ своимъ именемъ, — по скромности ли то было, или по не слишкомъ высокому понятію о литературной аренѣ, или по какимъ-нибудь другимъ уваженіямъ. Но поэтическое „инкогнито“ не долго оставалось тайною, и всѣ читатели выговаривали таинственныя буквы опредѣленными и ясными словами: *графиня Е. Растопчина*. Истинный талантъ, особенно при общественной или личной значительности, есть врагъ всякаго „инкогнито“ [1]; къ тому же люди странныя созданія (подлинно — *порожденія крокодиловы*): иногда они потому именно не знаютъ вашего имени, что вы поторопились сказать его, и добиваются знать и узнаютъ потому только, что вы его скрываете или дѣлаете видъ, что скрываете [2]... Повторяемъ, главная причина неудачнаго литератур-

[1]) Послѣдняя фраза зачеркнута и чужою рукой исправлено: „какъ то не ужпвается съ инкогнито“. Такъ и въ печати.

[2]) Зачеркнуто: „Еввины потомки, люди всего скорѣе попадаются на

наго инкогнито графини Растопчиной [1]) заключалась въ поэтической прелести и высокомъ талантѣ, которыми запечатлѣны ея прекрасныя стихотворенія. Намъ тѣмъ легче отдать о нихъ отчетъ публикѣ, что всѣ они извѣстны каждому образованному и неутомимому читателю русскихъ періодическихъ изданій. Посему мы почитаемъ себя вправѣ не прибѣгать къ большимъ выпискамъ и ограничиваться только указаніемъ на ту или другую пьесу, для подтвержденія нашего мнѣнія объ интересныхъ произведеніяхъ свѣтлой музы графини Растопчиной. И мы выскажемъ наше мнѣніе прямо и откровенно, чуждаясь сколько безусловнаго удивленія, столько и преступнаго равнодушія [2]).

Отличительныя черты музы графини Растопчиной—рефлексія [3]) и свѣтскость: это муза разсуждающая и свѣтская. Перечтите пьесы: „Страдальцу“, „Полузнакомой“, „Равнодушной“, „Зачѣмъ? отвѣтъ на *что*“, „Отвлеченному поэту“, „На Дону“, „На памятникъ Сусанину“ и нѣкоторыя другія, — во всѣхъ нихъ встрѣтите вы бездну вопросовъ, вродѣ слѣдующихъ: „*зачѣмъ? уже ль? ты ль это? тебѣ ль?*“ и т. п. „Зачѣмъ“ особенно часто повторяется въ стихотвореніяхъ графини Растопчиной. Даже тѣ пьесы, въ которыхъ нѣтъ прямого вопрошенія, большей частью не иное что, какъ разсужденія въ прекрасныхъ, а иногда въ поэтическихъ стихахъ. Несмотря на все уваженіе къ музѣ графини Растопчиной, мы не можемъ не замѣтить, что разсужденіе охлаждаетъ даже мужескую и мужественную поэзію и придаетъ ей какой-то однообразный и прозаическій колоритъ. Правда, этого нельзя безусловно отнести къ прекраснымъ *медитаціямъ* графини Растопчиной; но все-таки нельзя не сказать, что бы ея стихо-

приманку таинственности, которая раздражаетъ ихъ врожденное любопытство“.

[1]) Исправлено чужою рукой: „...главная причина того, что литературное инкогнито графини Растопчиной скоро было разгадано“... Такъ и въ печати.

[2]) Двѣ послѣднія фразы сокращены и измѣнены чужою рукою такъ: „для подтвержденія нашего мнѣнія. Постараемся высказать это мнѣніе прямо и откровенно, чуждаясь и безусловнаго удивленія“... Такъ и въ печати.

[3]) То-же: „наклонность къ разсужденіямъ“.

творенія не выиграли больше въ поэзіи, еслибъ захотѣли оставаться поэтическими откровеніями міра женственной души, мелодіями мистики женственнаго сердца: тогда они были бы и любопытнѣе для остальной половины человѣческаго рода, Богъ знаетъ почему присвоившей себѣ право суда и награды. Сохрани насъ Богъ отъ вандальской мысли ограничить поэтическую дѣятельность женщины только сферою, оставленною ей варварствомъ мужчины, но мы думаемъ, что, вступая въ сферы, присвоенныя себѣ силою мужчины [1]), женщинѣ должно имѣть и мужскія силы при женской граціи, подобно геніальной Д'Юдеванъ....

Исключительное служеніе „богу салоновъ“ также не совсѣмъ выгодно. Наши салоны — слишкомъ сухая и безплодная почва для поэзіи. Правда, они даже и зимой дышатъ ароматомъ или, какъ говоритъ муза графини Растопчиной, *сыплятъ ароматъ*, но этотъ ароматъ искусственный, возросшій на почвѣ горшковъ [2]), а не на раздольи плодотворной земли, улыбающейся ясному небу. *Балъ*, составляющій источникъ вдохновеній графини Растопчиной, конечно, образуетъ собой обаятельный міръ даже и у насъ,—не только тамъ, гдѣ царитъ образецъ, съ котораго онъ довольно точно скопированъ; но балъ у насъ—заморское растеніе, много пострадавшее при перевозкѣ, помятое, вялое, блѣдное. Поэзія — женщина: она не любитъ показываться каждый день въ одномъ уборѣ; напротивъ, она каждый часъ любитъ являться новою; всегда быть разнообразною—это жизнь ея: а всѣ балы наши такъ похожи одинъ на другой, что поэзія не пошлетъ туда даже и своей Kammerfräulein [3]), не только сама не пойдетъ. Между тѣмъ поэзія графини Растопчиной, такъ сказать, прикована къ балу: даже встрѣча и знакомство съ Пушкинымъ, какъ совершившіяся на балѣ, суть собственно описаніе бала, которое болѣе бы шло къ письму или статьѣ въ прозѣ, чѣмъ

---

[1]) То-же: „только тою сферою, которая оставлена ей варварствомъ мужчины, однакожъ мы думаемъ, что вступая въ сферы насильственно присвоенныя себѣ мужчиною“...

[2]) То-же: „оранжерейной“.

[3]) То-же: „ассистентки“.

съ риѳмами. Муза графини Растопчиной не чужда поэтическихъ вдохновеній, дышащихъ не однимъ умомъ, но и глубокимъ чувствомъ. Правда, это чувство ни въ одномъ стихотвореніи невыказалось полно, но болѣе сверкаетъ въ отрывкахъ и частностяхъ, зато эти отрывки и частности ознаменованы печатью истинной поэзіи. Сколько, напримѣръ, души въ стихахъ:

Но вы, разрозненные рокомъ,
Любимцы блѣклые мои.
На лоно матери-земли
Вы принесенные оброкомъ
Съ родимыхъ вѣтвей и вершинъ.
Какъ много думъ и откровеній,
Какъ много горестныхъ видѣній
И занимательныхъ *судьбинъ* (?)
Я вижу въ низкой вашей долѣ!...
Немного будущности въ васъ,
Но все на жизненной юдоли
Переживете вы не разъ
И рано скошенную младость,
И сонъ любви, и красоту,
И сердца пламеннаго радость,
И вдохновенную мечту.

Еще болѣе глубокимъ чувствомъ запечатлѣно стихотвореніе „Послѣдній Цвѣтокъ“; это, по нашему мнѣнію, лучшее стихотвореніе въ книжкѣ. Вотъ оно:

Не дамъ тебѣ увянуть одинокимъ,
Послѣдній цвѣтъ *облистанныхъ* (?) полей!...
Не пропадетъ въ *безмѣрности степей* (?)
Твой ароматъ; тебя крыломъ жестокимъ
Не унесетъ холодный вихрь ночей.

Я напою съ заботливымъ стараньемъ
Тебя, мой гость, студеною водой;
Я нагляжусь, парадуюсь тобой;
Ты отцвѣтешь... и съ нѣжнымъ состраданьемъ
Вложу тебя въ псалтырь сопутный мой,

Чрезъ много лѣтъ, въ часъ тихаго мечтанья,
Я книги той переберу листы;
Засохшій мнѣ тогда предстанешь ты...
Но оживешь въ моемъ воспоминаньи,
Какъ прежде, полнъ душистой красоты.

А я, цвѣтокъ, въ безвѣстности пустыни
Увяну я... и мысли тщетный даръ,
И смѣлый духъ, и вдохновенный жаръ,
Кто ихъ поиметъ?... въ поэтѣ лучъ святыни
Кто разглядитъ сквозь думъ неясныхъ паръ?...

Поэзія, она благоуханье
И вымыслъ восторженной души;
Но должно ей горѣть и цвѣсть въ тиши,
Но не дано на языкѣ изгнанья
Ей высказать всѣ таинства свои.

И много думъ, и много чувствъ прекрасныхъ
Не имутъ словъ, глагола не найдутъ
И на душу обратно западутъ....
И больно мнѣ, что въ проблескахъ напрасныхъ
Порывы ихъ на вѣкъ со мной умрутъ!

Мнѣ суждено подъ схимою молчанья
Святой мечты все лучшее стаить,
Знать свѣтъ въ душѣ... и мракъ въ очахъ носить.
Цвѣтокъ полей, забытый безъ вниманья,
Себя съ тобой могу ли не сравнить?...

Отмѣченныя курсивомъ слова въ первомъ куплетѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ неточныхъ выраженій, которыя иногда портятъ лучшія вдохновенія поэта. Особенно непріятно поражаетъ слово „облистанный“, котораго значеніе едва ли кому будетъ понятно.

Даже и въ рефлектированныхъ [1]) стихотвореніяхъ графини Растопчиной встрѣчаются мѣста, ознаменованныя думою и чувствомъ,—и мы поступили бы несправедливо [2]) противъ ея музы, если бы не выписали этихъ стиховъ изъ пьесы „Равнодушной“:

Мой другъ... мнѣ жаль тебя! ты молода, прекрасна,
Съ душой чувствительной ты дышишь для любви,
Тебѣ ль, во цвѣтѣ лѣтъ, ошибкою ужасной
Безжалостно, на вѣкъ, убить права свои,
Проститься съ счастіемъ... погибнуть для земли?...
Нѣтъ... вѣрь, Богъ милости, Богъ пламенныхъ моленій
Не принялъ робкаго отвѣта твоего!

[1]) Исправлено чужою рукой: „разсуждающихъ“. Такъ и въ печати.
[2]) То-же: „неучтиво“.

Вѣрь, жертва слёзъ твоихъ, постовъ и треволненій
Противна благости вселюбящей Его!...
Не Онъ ли создалъ насъ, чтобъ съ кротостью, съ терпѣньемъ
Посланье Ангеловъ въ быту земномъ свершить?...
Не Онъ ли намъ велѣлъ быть міру утѣшеньемъ,
Мужчинѣ гордому путь трудный облегчить,
И отъ житейскихъ смутъ въ немъ сердце охранить?
Не Онъ ли одарилъ насъ пламенной душою,
Намъ сердце, чувство далъ, явилъ въ насъ благодать,
И въ умъ нашъ даръ вложилъ, какъ вѣрой и мольбою
Отступниковъ ума съ святыней примирять?...
Такъ!... мы посредницы межъ Божествомъ и свѣтомъ.
Намъ цѣль—творить добро, намъ весело *любить*,
И женщина, любовь отвергнувши обѣтомъ,
Не въ правѣ болѣе сестрою нашей быть!
Ей темный монастырь! Ей жребій закелейный!...
Ей гробъ... но съ думами, съ тревогою, съ тоской!...
И горе, горе ей, коль образъ чародѣйный,
Подъ черным клобукомъ сруженъ съ ея мечтой.
Подъ черной мантіей волнуетъ умъ младой!...

Да, *такія* думы и чувства доказываютъ, что талантъ графини Растопчиной могъ бы найти болѣе обширную и болѣе достойную себя сферу, чѣмъ салонъ, и что стихи, подобные слѣдующимъ, выражаютъ только безсознательность, несправедливую какъ къ своему собственному, такъ и вообще къ высокому назначенію женщины: [1])

А я, я женщина во всемъ значеньи слова,
Всѣмъ женскимъ склонностямъ покорна я вполнѣ;
Я только женщина... гордиться тѣмъ готова...
Я балъ люблю!... отдайте балы мнѣ!...

[1]) То-же: „только мнѣніе, кажется, несправедливое въ отношеніи къ высокому назначенію женщины“.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ И ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА СУМАРОКОВА. (,)

И(и)зданныя Сергѣемъ Глинкою. Часть I. Спб. Въ т. С. С. Глинки и К°. 1841. Въ 8-ю д. л. XLIX и 197 стр.

Вотъ одно изъ тѣхъ произведеній, которыя называются капитальными произведеніями литературы, которыя пишутся не для однихъ современниковъ, но и для потомства, переживаютъ вѣка и народы. Много нужно таланта, чтобы описать вѣрно только внѣшнюю сторону книги почтеннаго ветерана нашей литературы: найти же единство воззрѣнія и мысли въ торжественно - праздничномъ вдохновеніи, которымъ проникнута, и въ лирическомъ безпорядкѣ и отрывочности, которыми запечатлѣна ея внутренность, — это просто дѣло генія. Будучи слишкомъ далеки отъ самолюбивой мысли предполагать въ себѣ геній и почитать себя способными разоблачить передъ читателями все богатство, всю оригинальность содержанія книги почтеннѣйшаго С. Н. Глинки, — даже только познакомить ихъ съ ея оригинальною внѣшностію и восторженно-лирическимъ способомъ ея изложенія, напоминающаго торжественныя оды прошлаго вѣка: мы тѣмъ не менѣе, хотя и со страхомъ и трепетомъ, хотя и съ полнымъ сознаніемъ своего безсилія и недостоинства, но все-таки попытаемся на этотъ великій подвигъ.

Во-первыхъ книга почтеннѣйшаго С. Н. Глинки приводитъ читателя въ изумленіе уже самымъ заглавіемъ своимъ: вся-

кій (особенно, кто подобно намъ, не одаренъ тонкою проницательностію и догадливостію), всякій легко можетъ подумать, что „очерки жизни“ въ этой книгѣ такъ же принадлежатъ Александру Петровичу Сумарокову, какъ „и избранныя сочиненія Александра Петровича Сумарокова“. Естественно, тутъ рождается вопросъ: но чьей же жизни очерки писалъ Александръ Петровичъ Сумароковъ? Вотъ тутъ-то и первый камень преткновенія, и первая важная ошибка со стороны ограниченныхъ людей, не способныхъ понимать геніевъ: „очерки жизни“ написаны почтеннѣйшимъ С. Н. Глинкою, а „избранныя сочиненія Александра Петровича Сумарокова“ написаны Александромъ Петровичемъ Сумароковымъ. Во-вторыхъ, книга почтеннѣйшаго [1]) С. Н. Глинки весьма предусмотрительно снабжена цѣлыми [2]) тремя заглавными листками, которые всѣ разнятся одинъ отъ другого особыми примѣтами: первый въ узорной рамкѣ и съ означеніемъ „часть первая“, но безъ означенія типографіи; второй безъ узорной рамки, но съ означеніемъ типографіи, въ которой книга напечатана; третій безъ узорной рамки, съ означеніемъ части и безъ означенія города, типографіи и года, но зато съ двумя эпиграфами изъ Сумарокова и Шатобріана. За этими тремя листками слѣдуетъ четвертый, на которомъ крупными литерами значится: „Приношеніе памяти Екатерины(ы) Второй, любительницы(ы) русскаго слова и августѣйшей русской писательницы(ы)“. Затѣмъ уже слѣдуетъ посвященіе, котораго по недостатку времени и мѣста не разбираемъ: для одного этого [3]) потребовалось бы цѣлой и при томъ большой статьи. За посвященіемъ слѣдуетъ „Первый взглядъ на Сумарокова писателя“, въ которомъ (первомъ взглядѣ на Сумарокова *(какъ?)* писателя) С. Н. Глинка говоритъ, что, приступая къ возобновленію „Русскаго Вѣстника“, онъ рѣшился перечитать прежнихъ нашихъ писателей и началъ съ А. П. Сумаро-

[1]) Это слово зачеркнуто въ рукописи карандашомъ, его нѣтъ и въ печати.

[2]) То-же.

[3]) Исправлено чужою рукой карандашомъ: „такого разбора потребовалась бы цѣлая“ и т. д. Такъ и въ печати.

кова, въ сочиненія котораго онъ не заглядывалъ лѣтъ двадцать. Начавъ читать А. П. Сумарокова, С. Н. Глинка удивился его (А. П. Сумарокова) прозаическимъ статьямъ и тому, что онъ (А. П. Сумароковъ) предъявлялъ о собраніи, соображеніи и приведеніи законовъ въ единство и предъявилъ объ обществѣ для сохраненія чистоты русскаго слова и объ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ. За „первымъ взглядомъ на Сумарокова писателя“ слѣдуетъ „второй взглядъ на Сумарокова писателя“, въ которомъ говорится, что Ломоносовъ напрасно упрекалъ Сумарокова въ подражаніи Расину, что Тредьяковскій *въ грозной критикѣ* напрасно подозрѣвалъ Сумарокова, что тотъ осмѣялъ его въ *Тресотиніусѣ*; что „Иліада“ есть подражаніе египетскимъ надписямъ на развалинахъ стовратыхъ Ѳивъ; что весь міръ подражалъ; что Сумароковъ „зналъ и оцѣнялъ красоту Шекспира“ и зналъ голландскаго трагика Ѳонделя. Въ „третьемъ взглядѣ на Сумарокова писателя“ говорится, что сочиненія Сумарокова и при жизни его были искажены издателями и имъ самимъ: ибо онъ, „*въ разсѣянномъ состояніи мысли*,“ и самъ портилъ свои трагедіи, добиваясь богатыхъ, звучныхъ риомъ, къ вреду силы выраженія“; что когда публика освистывала нѣкоторыя изъ трагедій Сумарокова, онъ очень краснорѣчиво восклицалъ:

„Возьмите свѣтъ изъ глазъ и выньте духъ мой вонъ!“

Словомъ, въ „третьемъ взглядѣ на Сумарокова писателя“ содержится много интереснаго, изъ чего видно ясно, какъ день Божій, что онъ, Сумароковъ, былъ великій писатель. Только напрасно „третій взглядъ“ приписываетъ Сумарокову (стр. VIII) фразу: „Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели Вольтеру и *лунѣ*“; Сумароковъ, сказалъ то же, да не такъ, а вотъ какъ: „Но неужели Москва повѣритъ болѣе подъячему, нежели Г. Вольтеру и лунѣ“ (см. „Полное собраніе всѣхъ сочинителей въ стихахъ и прозѣ, *покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ордена св. Анны кавалера и лейпцигскаго ученаго собранія члена* Александра Петровича Сумарокова“, т. IV, стр. 62); о *лунѣ* же Сумароковъ и не думалъ упоминать, говоря о Г. Вольтерѣ, послѣ котораго онъ

по сознанію своего достоинства, естественно могъ говорить только о собственной особѣ. За „третьимъ взглядомъ“ слѣдуетъ „содержаніе и обозрѣніе десяти частей сочиненій А. П. Сумарокова, изданныхъ Н. И. Новиковымъ“. Въ этомъ отдѣленіи особенно драгоцѣнны комментаріи С. Н. Глинки, равно какъ и многіе факты русской литературы. Напр. (стр. XX — XXI), онъ доказываетъ, что Озеровъ выучился такъ хорошо писать трагедіи (встарину за поэзію брались на выучку—не то, что нынѣ, по призванію) у Сумарокова, и приводитъ свой разговоръ объ этомъ съ Озеровымъ. Вотъ слова Озерова:

„Давно обдумывая трагедію *Эдипа*, и я сталъ переучиваться стопосложенію по поэзіи Сумарокова, у него стихъ мягче (чѣмъ у Княжнина), а мнѣ нужна эта мягкость для роли *Антигоны*. Признаюсь, что я теперь дивлюсь Сумарокову; гдѣ и у кого отыскалъ онъ выраженіе трагическое? Говорятъ, что онъ подражалъ французскимъ трагикамъ; это ничего не значитъ. *Корнелій*, Расинъ и Вольтеръ заимствовали у грековъ нѣкоторыя содержанія своихъ трагедій. Но языкъ у нихъ свой. Я пристрастенъ къ Расину; но *Корнелій* выше его тѣмъ, что онъ изобрѣлъ слогъ трагическій; то же должно сказать и о Сумароковѣ“.

Здѣсь не знаешь, чему больше дивиться: тому ли, что Озеровъ нашелъ себѣ такого достойнаго образца и такъ вѣрно судилъ о немъ; или тому, что С. Н. Глинка такъ хорошо упомнилъ разговоръ, происходившій *сорокъ пять* лѣтъ назадъ тому...

На XXIV стр. С. Н. Глинка приводитъ слѣдующія „неумирающія“, какъ онъ говоритъ, выраженія Сумарокова:

„Скромность—ожерелье красоты.—Упасть каждый можетъ; и лошадь падаетъ, хотя у нея четыре ноги.—Ты русскій, а не говоришь по-русски.—Пьяному да крючковтворцу и море по колѣно.—И подушки у ябедниковъ не слишкомъ вертятся. У тѣхъ вертятся больше, которые, дорожа своей честностью, по міру ходятъ.—Умъ превосходный лучше превосходительства чиновнаго.—Что присвоено беззаконно, то отдать свыше силъ человѣческихъ.—Хвали сонъ, когда сбудется.—И змѣя птенцовъ своихъ не пожираетъ.—Тѣлу нужна голова, но—и мизинецъ членъ“.

Выписавъ эти „неумирающія“ выраженія Сумарокова, С. Н. Глинка восклицаетъ: „Тутъ по-неволѣ остановиш(ъ)ся и ска-

жемъ: это рѣзко(і)й и живой оборотъ слова *Ла Брюйера* и *Паскаля!*“ Именно такъ!...

Затѣмъ слѣдуетъ „Содержаніе первой части очерковъ жизни и сочиненій А. П. Сумарокова“, состоящій изъ двѣнадцати статей, и еще двухъ дополнительныхъ статей. Затѣмъ слѣдуетъ [1]) еще заглавный листъ книги, а за нимъ —статья первая и слѣдующія. Въ нихъ С. Н. Глинка разсказываетъ по своему, т.-е. оригинально и упоительно, частную и литературную жизнь Сумарокова, дѣлая свои замѣчанія и съ непостижимою быстротою переходя отъ одного предмета къ другому, хотя бы между ними не было ничего общаго. Слѣдить за изложеніемъ книги С. Н. Глинки нѣтъ никакой возможности: его мысли летятъ на почтовыхъ [2]), кружатъ, колесятъ, обгоняютъ одна другую, отстаютъ, забѣгаютъ, сшибаютъ другъ друга съ ногъ—у читателя вертится голова: не успѣетъ онъ пройти съ авторомъ двухъ шаговъ, какъ — глядь — автора уже нѣтъ съ нимъ — онъ или за тысячу верстъ назади, или за тысячу верстъ впереди... Гдѣ же поспѣть за такимъ Протеемъ!.. Вотъ ужъ подлинно геніальный мыслитель! [3])... И потому мы рѣшительно отказываемся разбирать книгу С. Н. Глинки подробно, шагъ за шагомъ слѣдя за ея изложеніемъ, а поговоримъ только о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ въ ней [4]).

Отъ стр. 77 до 90-й С. Н. Глинка силится доказать, что между Ломоносовымъ и Сумароковымъ не было никакой вражды. Полно, такъ ли?—При всемъ нашемъ безусловномъ уваженіи къ великому авторитету С. Н. Глинки, позволяемъ себѣ вѣрить въ этомъ случаѣ болѣе Ломоносову, чѣмъ ему; а вотъ что писалъ Ломоносовъ въ письмѣ своемъ къ Шувалову, безуспѣшно пытавшемуся помирить его съ Сумароковымъ: „Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня

---

[1]) Исправлено чужою рукой карандашомъ: „Потомъ идетъ“. Такъ и въ печати.

[2]) То-же: „курьерскихъ“.

[3]) Вся эта фраза зачеркнута карандашомъ, а начало слѣдующей исправлено: „Вотъ почему“. Такъ и въ печати.

[4]) То-же: „ея“.

къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! то-есть сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ, и вы сами не ради. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другого не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ и бѣдное свое рифмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ. Тауберта и Миллера для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій; а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія, и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ кропиву.....“ и пр.

На 143 страницѣ находятся слѣдующія строки, поражающія читателей смѣлостію, новостію и оригинальностію: „Я чрезвычайно люблю и уважаю геній А. С. Пушкина, но *Онѣгинъ* не представитель народнаго русскаго духа. При жизни еще нашего поэта я напечаталъ и самъ читалъ ему:

Страннаго свѣта ты живописецъ;
Кистью рисуешь призракъ людей!....
Что твой *Онѣгинъ?* Опъ лѣтописецъ
Модныхъ безцвѣтныхъ, безжизненныхъ дней.“

Прочтя эти строки, и въ прозѣ и въ стихахъ, и при томъ въ такихъ прекрасныхъ стихахъ, внезапно озаренные свѣтомъ истины, мы въ пламенномъ восторгѣ воскликнули, ставъ на колѣни и поднявъ руки вверхъ: правда, о, тысячу разъ правда, что „Онѣгинъ“—пустое, вздорное произведеніе! Проговоривши сіи роковыя слова, мы схватили всѣ *одиннадцать* томовъ сочиненій Пушкина, развернули тутъ, заглянули тамъ, и рѣшили, что все-то въ нихъ вздоръ и побрякушки, да не говоря много, бухъ ихъ въ каминъ, [1]) тѣмъ болѣе, что первые восемь томовъ во всѣхъ отношеніяхъ плохо изданы. На очистившееся въ

[1]) Въ скобкахъ вставлено чужою рукой: („это было въ холодный іюльскій день“). Вмѣсто слова „бухъ“ исправлено: „бросили“. Такъ и въ печати.

шкапѣ мѣсто, мы съ подобающимъ благоговѣніемъ поставили десять томовъ сочиненій „покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Александра Петровича Сумарокова“. Теперь мы только и дѣлаемъ, что читаемъ ихъ, безпрестанно восклицая въ благочестивомъ восторгѣ классическаго правовѣрія: „О Сумароче! Сумароче! меда и сота сладчайши суть козлопѣнія твоя, — и се не зримъ ихъ на оеятрахъ нашихъ искусными лицедѣями представляемыхъ!“ Надобно замѣтить, это эта фраза принадлежитъ не намъ, но мы запомнили ее изъ одного стараго журнала. Впрочемъ, мы много хорошаго восклицали и отъ себя, но не почитаемъ за нужное доводить нашихъ восклицаній [1]) до свѣдѣнія нашей публики: для нея [2]) достаточно знать, что мы теперь Пушкина не ставимъ ни въ грошъ, а Сумарокову поклоняемся до земли, и что этимъ *новымъ* и прекраснымъ убѣжденіемъ обязаны мы краснорѣчивымъ и глубокомысленнымъ доводамъ почтеннѣйшаго С. Н. Глинки.

Въ заключеніе, намъ остается поблагодарить С. Н. Глинку за опроверженіе, которымъ удостоилъ онъ „Отечественныя Записки“, и увѣрить его, что трудъ его не пропалъ вотще, что мы исправились отъ своихъ заблужденій, прозрѣли свѣтомъ истины до того, что эклоги Сумарокова считаемъ нѣжными, элегіи трогательными, притчи остроумными, комедіи язвительными, оды возвышенными, трагедіи величественными, прозаическія статьи глубокомысленными, словомъ, видимъ въ Сумароковѣ русскаго Теокрита, Тибулла, Лафонтена, Мольера, Пиндара, Горація, Корнеля, Расина, Вольтера, Кребильйона, Дюсиса и пр., и пр., великаго поэта, геніальнаго творца и пр., и пр., и что всѣмъ этимъ мы обязаны все ему, почтенѣйшему С. Н. Глинкѣ!... Ждемъ [3]) съ нетерпѣніемъ второй части его „Очерковъ жизни и избранныхъ сочиненій А. П. Сумарокова“.

---

1) Чужою рукой исправлено: „все это“. Такъ и въ печати.

2) То-же: „читателей: имъ“.

3) Это слово вставлено карандашомъ, чужою рукой, какъ пропущенное авторомъ.

ВЗГЛЯДЪ
НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 1846 ГОДА.

Настоящее есть результатъ прошедшаго и указаніе на будущее. Поэтому говорить о русской литературѣ 1846 г. значитъ говорить о современномъ состояніи русской литературы вообще, чего нельзя сдѣлать, не коснувшись того, чѣмъ она была, чѣмъ должна быть. Но мы не вдадимся ни въ какія историческія подробности, которыя завлекли бы насъ далеко. Главная цѣль нашей статьи — познакомить заранѣе читателей „Современника“ съ его взглядомъ на русскую литературу, слѣдовательно съ его духомъ и направленіемъ, какъ журнала. Программы и объявленія въ этомъ отношеніи ничего не говорятъ: онѣ только обѣщаютъ. И потому программа „Современника“, по возможности краткая и не многословная, ограничилась только обѣщаніями, чисто внѣшними. Предполагаемая статья вмѣстѣ съ статьей самого редактора, напечатанной во второмъ отдѣлѣ этого же нумера, будетъ второю, внутреннею, такъ сказать, программою „Современника“, въ которой читатели могутъ сами до извѣстной степени повѣрять обѣщанія исполненіемъ.

Если бы насъ спросили, въ чемъ состоитъ отличительный характеръ современной русской литературы, мы отвѣчали бы: въ болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи съ жизнію, съ дѣйствительностію, въ большей и большей близости къ зрѣлости и возмужалости. Само собой разумѣется, что подобная характеристика можетъ относиться только къ литературѣ недавней, молодой, и притомъ возникшей не самобытно, а

вслѣдствіе подражательности. Самобытная литература зрѣетъ вѣками, и эпоха ея зрѣлости есть въ то же время и эпоха числительнаго богатства ея замѣчательныхъ произведеній (chefs d'oeuvre). Этого нельзя сказать о русской литературѣ. Ея исторія, какъ исторія самой Россіи, не похожа на исторію никакой другой литературы. И потому она представляетъ собой зрѣлище единственное, исключительное, которое тотчасъ дѣлается страннымъ, непонятнымъ, почти безсмысленнымъ, какъ скоро на нее будутъ смотрѣть, какъ на всякую другую европейскую литературу. Какъ и все, что̀ ни есть въ современной Россіи живого, прекраснаго и разумнаго, наша литература есть результатъ реформы Петра Великаго. Правда, онъ не заботился о литературѣ и ничего не сдѣлалъ для ея возникновенія, но онъ заботился о просвѣщеніи, бросивъ въ плодовитую землю русскаго духа сѣмена науки и образованія, — и литература безъ его вѣдома явилась впослѣдствіи сама собой, какъ необходимый результатъ его же дѣятельности. Въ томъ-то, скажемъ мимоходомъ, и состояла органическая жизненность преобразованія Петра Великаго, что оно породило много и такого, о чемъ онъ, можетъ-быть, и не думалъ, чего онъ даже и не предчувствовалъ. Даровитый и умный Кантемиръ, вполовину подражатель, вполовину перелагатель на русскіе нравы сатиръ римскихъ поэтовъ (преимущественно Горація) и ихъ подражателя и перелагателя на французскіе нравы — Буало, Кантемиръ, съ его силлабическимъ размѣромъ, съ его языкомъ полу-книжнымъ, полу-народнымъ, который по самой этой смѣси былъ языкомъ образованнаго общества того времени, Кантемиръ и, вслѣдъ за нимъ, Тредьяковскій, съ его безплодной ученостью, съ его бездарнымъ трудолюбіемъ, съ его схоластическимъ педантизмомъ, съ его неудачными попытками усвоить русскому стихотворству правильные тоническіе размѣры и древніе гекзаметры, съ его варварскими виршами и варварскимъ двоекратнымъ переложеніемъ Роллена, — Кантемиръ и Тредьяковскій были, такъ сказать, прологомъ, предисловіемъ къ русской литературѣ. Отъ смерти перваго прошло съ небольшимъ сто два года (онъ умеръ 31 марта 1744 года); отъ смерти вто-

рого прошло только съ небольшимъ 77 лѣтъ (онъ умеръ 6 августа 1769 года). Тредьяковскій былъ еще въ цвѣтѣ своей славы и еще только шесть лѣтъ величалъ себя „профессоромъ элоквенціи и хитростей піитическихъ“; еще молодой, но больной, слабый и уже близкій къ смерти, Кантемиръ былъ живъ [1]), когда въ 1739 году двадцативосьмилѣтній Ломоносовъ — Петръ Великій русской литературы — прислалъ изъ нѣмецкой земли свою знаменитую *Оду на взятіе Хотина*, съ которой по всей справедливости должно считать начало литературы. Все, что̀ сдѣлано было Кантемиромъ, осталось безъ слѣда и вліянія въ книжномъ мірѣ; все, что̀ было сдѣлано Тредьяковскимъ, оказалось неудачнымъ — даже его попытки ввести въ русское стихотворство правильные тоническіе метры... Поэтому ода Ломоносова показась всѣмъ первымъ стихотворнымъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ, которое было написано правильнымъ размѣромъ. Вліяніе Ломоносова на русскую литературу было такое же точно, какъ вліяніе Петра Великаго на Россію вообще: долго литература шла по указанному имъ ей пути, но наконецъ, совершенно освободясь отъ его вліянія, пошла по дорогѣ, которой самъ Ломоносовъ не могъ ни предвидѣть, ни предчувствовать. Онъ далъ ей направленіе книжное, подражательное, и оттого повидимому безплодное и безжизненное, слѣдовательно вредное и губительное. Это совершенная правда, которая однакожъ нисколько не умаляетъ великой заслуги Ломоносова, нисколько не отнимаетъ у него права на имя отца русской литературы. Не то же ли самое говорятъ о Петрѣ Великомъ наши литературные старообрядцы? И надо сказать, что ихъ ошибка состоитъ не въ томъ, что̀ они говорятъ о Петрѣ Великомъ и созданной имъ Россіи, а въ томъ, какое они выводятъ изъ этого слѣдствіе. По ихъ мнѣнію, реформа Петра убила въ Россіи народность, а слѣдовательно и всякій духъ жизни, такъ что Россіи для своего спасенія не остается ничего другого, какъ снова обратиться къ благодатнымъ полупатріархальнымъ нравамъ эпохи Кошихина. Повторяемъ: ошибаясь

[1]) Кантемиру тогда было 31 годъ, а Тредьяковскому—36 лѣтъ.

въ выводѣ, они правы въ положеніи, и поддѣльный, искусственный европеизмъ Россіи, созданный реформою Петра Великаго, дѣйствительно можетъ казаться не болѣе, какъ внѣшнею формою безъ внутренняго содержанія. Но развѣ нельзя того же самаго сказать о всѣхъ поэтическихъ ораторскихъ опытахъ Ломоносова? За что же, по какому же странному противорѣчію съ собственнымъ своимъ взглядомъ эти самые люди благоговѣютъ передъ именемъ Ломоносова и съ странною раздражительностію принимаютъ за преступленіе всякое свободное мнѣніе объ этомъ риторѣ и въ поэзіи, и въ краснорѣчіи? Не было ли бы съ ихъ стороны гораздо послѣдовательнѣе и сообразнѣе съ логикой и здравымъ смысломъ и на Ломоносова смотрѣть такъ же точно, какъ смотрятъ они на Петра Великаго?...

Чужое, извнѣ взятое содержаніе никогда не можетъ замѣнить ни въ литературѣ, ни въ жизни отсутствія своего собственнаго, національнаго содержанія; но оно можетъ переродиться въ него со временемъ, какъ пища, извнѣ принимаемая человѣкомъ, перерождается въ его кровь и плоть и поддерживаетъ въ немъ силу, здоровье и жизнь. Не будемъ распространяться, какимъ образомъ это сдѣлалось съ Россіею, созданною Петромъ, и русскою литературою, созданною Ломоносовымъ; но что это дѣйствительно сдѣлалось и дѣлается съ ними —это историческій фактъ, истина фактически-очевидная. Сравните басни Крылова, комедію Грибоѣдова, произведенія Пушкина, Лермонтова и, въ особенности, Гоголя,—сравните ихъ съ произведеніями Ломоносова и писателей его школы, и вы не увидите между ними ничего общаго, никакой связи, вы подумаете, что въ русской литературѣ все случайно—и талантъ, и геній; а можетъ ли имѣть какую-нибудь важность случайное: не есть ли это призракъ, мечта? И дѣйствительно, было время, когда вопросъ—есть ли у насъ литература? не казался парадоксомъ и многими разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ. И такое рѣшеніе естественно и неизбѣжно, если русскую литературу судить на основаніяхъ, по которымъ должно судить исторію европейскихъ литературъ. Но одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ и состоитъ,

что мы, наконецъ, поняли, что у Россіи была своя исторія, нисколько не похожая на исторію ни одного европейскаго государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основаніи ея же самой, а не на основаніи исторій, ничего не имѣющихъ съ нею общаго, европейскихъ народовъ. То же и въ отношеніи къ исторіи русской литературы. Между писателями, которыхъ мы поименовали выше, и между Ломоносовымъ и его школою дѣйствительно нѣтъ ничего общаго, никакой связи, если сравнивать ихъ, какъ двѣ крайности; но между ними сейчасъ же явится передъ вами живая кровная связь, какъ скоро вы будете изучать въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ русскихъ писателей отъ Ломоносова до Гоголя. Тогда вы увидите, что до Пушкина все движеніе русской литературы заключалось въ стремленіи, хотя и безсознательномъ, освободиться отъ вліянія Ломоносова и сблизиться съ жизнію, съ дѣйствительностію, слѣдовательно, сдѣлаться самобытною, національною, русскою. Если въ произведеніяхъ Хераскова и Петрова, такъ незаслуженно превознесенныхъ современниками, нельзя увидѣть ни малѣйшаго прогресса въ этомъ отношеніи,—зато прогрессъ есть уже въ Сумароковѣ, писателѣ безъ генія, безъ вкуса, почти безъ таланта, но на котораго современники смотрѣли, какъ на соперника Ломоносова. Попытки Сумарокова, хотя и неудачныя, на комедію изъ русскихъ нравовъ, его сатиры, а главное его простодушно-желчныя выходки противъ *крапивнаго сѣмени*, равно какъ и нѣкоторыя прозаическія статьи, болѣе или менѣе касавшіяся вопросовъ современной ему дѣйствительности,—все это показываетъ какое-то стремленіе на сближеніе литературы съ жизнію. И въ этомъ отношеніи сочиненія Сумарокова, лишенныя всякаго художественнаго или литературнаго интереса, заслуживаютъ изученія такъ же, какъ имя его, сперва не по достоинству превозносимое, а потомъ столько же несправедливо унижаемое, заслуживаетъ уваженія въ потомствѣ. Нельзя смотрѣть, какъ на безполезныя явленія, даже и на Хераскова съ Петровымъ: современники видѣли въ нихъ геніевъ, превозносили ихъ до седьмого неба, стало-быть, читали ихъ, а если читали, стало-быть, эти писатели сильно спо-

собствовали распространенію въ Россіи вкуса къ занятію и наслажденію литературою. Безобразныя притчи Сумарокова явились изящными, по тому времени, переводами французскихъ басень въ басняхъ Хемницера и Дмитріева, а въ басняхъ Крылова онѣ явились впослѣдствіи превосходными народными произведеніями. Подражатель Ломоносова, смиренно благоговѣйшій даже передъ Херасковымъ и Петровымъ, Державинъ, если не былъ самобытнымъ русскимъ поэтомъ, то уже не былъ и только риторомъ. Одаренный отъ природы великимъ поэтическимъ геніемъ, онъ потому только не могъ создать самобытной русской поэзіи, что для этого не пришло еще время, а не по недостатку естественныхъ силъ и средствъ. Русскій языкъ былъ тогда еще не выработанъ, духъ книжничества и риторики царилъ [1]) въ литературѣ; но главное— тогда была только государственная жизнь, но не было жизни общественной, потому что тогда не было общества, а былъ только дворъ, на который всѣ смотрѣли, но который знали только принадлежавшіе къ нему. Не было общества, не было и общественной жизни, общественныхъ интересовъ; поэзіи и литературѣ не откуда было брать содержанія, и потому онѣ существовали и поддерживались не сами собою, а покровительствомъ сильныхъ и знатныхъ, и носили характеръ оффиціальный. Такъ должно смотрѣть на эту эпоху, сравнивая ее съ нашею; но не такъ должно смотрѣть на нее, сравнивая ее съ эпохою Ломоносова: тутъ былъ сравнительно большой прогрессъ. Если въ это время еще не было общества, зато именно въ это время оно зарождалось, потому что блескъ и образованность двора начинали тогда отражаться и на среднемъ дворянствѣ, и тогда же начали устанавливаться въ немъ тѣ нравы, которые мы видимъ теперь. И потому, кромѣ огромной разницы въ поэтическомъ геніи, Державинъ уже имѣлъ передъ Ломоносовымъ большое преимущество и со стороны содержанія своей поэзіи, хотя онъ былъ человѣкомъ безъ образованія, не только безъ учености. Поэтому

[1]) Отсюда начинается имѣющаяся въ нашемъ распоряженіи рукопись (съ 10-го листа).

поэзія Державина далеко разнообразнѣе, живѣе, человѣчнѣе со стороны содержанія, нежели поэзія Ломоносова. Причина этого не въ томъ только, что Ломоносовъ былъ больше превосходный стихотворецъ, нежели поэтъ, тогда какъ Державинъ отъ природы получилъ поэтическій геній, но въ сравнительномъ успѣхѣ общества временъ Екатерины Великой передъ обществомъ временъ императрицы Анны и Елизаветы [1]).

По этой же причинѣ литература екатерининскаго времени рѣшительно заслоняетъ собою предшествовавшую ей литературу. Кромѣ Державина, въ то время былъ Фонвизинъ, — первый даровитый комикъ въ русской литературѣ, писатель, котораго теперь не только чрезвычайно интересно изучать, но котораго читать есть истинное наслажденіе. Въ его лицѣ русская литература какъ будто даже преждевременно сдѣлала огромный шагъ къ сближенію съ дѣйствительностію: его сочиненія—живая лѣтопись той эпохи. Въ это же время литература наша отъ древнихъ литературъ, изучавшихся въ семинаріяхъ и на семинарскій ладъ, начала исключительно наклоняться къ французской литературѣ. Вслѣдствіе этого начали хлопотать о такъ называемой *легкой литературѣ*, въ которой блисталъ Богдановичъ. Къ концу царствованія Екатерины явился Карамзинъ, давшій русской литературѣ новое направленіе. Мы не будемъ говорить о его великихъ заслугахъ, его великомъ вліяніи на нашу литературу и [2]), черезъ нее, на образованіе нашего общества. Мы не будемъ также входить въ подробности о слѣдовавшихъ за нимъ писателяхъ. Скажемъ коротко, что въ каждомъ изъ нихъ видно постепенное освобожденіе отъ книжнаго, реторическаго направленія, даннаго Ломоносовымъ нашей литературѣ, и постепенное сближеніе литературы съ обществомъ, съ жизнію, съ дѣйствительностію. Загляните въ *лицейскія* стихотворенія Пушкина, даже во многія изъ пьесъ въ первой части его сочиненій, имъ самимъ изданныхъ,—и вы увидите въ нихъ вліяніе

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: „Не будемъ больше входить въ историческія подробности, скажемъ коротко, что“...

[2]) Здѣсь въ нашей рукописи перерывъ: не достаетъ трехъ листовъ (12, 13 и 14).

почти всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, отъ Ломоносова до Жуковскаго и Батюшкова включительно. Баснописецъ Крыловъ, предшествуемый Хемницеромъ и Дмитріевымъ, такъ сказать, приготовилъ языкъ и стихъ для безсмертной комедіи Грибоѣдова. Стало быть, въ нашей литературѣ всюду живая историческая связь, новое выходитъ изъ стараго, послѣдующее объясняется предыдущимъ, и ничто не является случайно.

„Но,—спросятъ насъ, можетъ-быть,—въ чемъ же заключалась важная заслуга Ломоносова, если вся заслуга послѣдующихъ писателей состояла въ постепенной эманципаціи русской литературы изъ-подъ его вліянія, слѣдовательно, въ томъ, что они старались писать не такъ, какъ онъ писалъ? И не странное ли это противорѣчіе—говорить съ уваженіемъ о заслугахъ и геніи писателя, котораго вы же сами называете *риторомъ?*“

Во-первыхъ, Ломоносовъ нисколько не былъ риторомъ по его натурѣ: для этого онъ былъ слишкомъ великъ; но его сдѣлали риторомъ не отъ него зависѣвшія обстоятельства. Его сочиненія раздѣляются на ученыя и литературныя: къ послѣднимъ мы относимъ оды, Петріаду, трагедіи, словомъ, — всѣ стихотворные его опыты и похвальныя слова. Въ его ученыхъ сочиненіяхъ по части астрономіи, физики, химіи, металлургіи, навигаціи—нѣтъ реторики, хотя онѣ и писаны длинными періодами по латино-нѣмецкой конструкціи, съ глаголами въ концѣ; но его стихотворныя произведенія и похвальныя рѣчи преисполнены реторики. Отчего же это? Оттого, что для ученыхъ своихъ сочиненій у него было готово содержаніе, которое добылъ онъ себѣ наукою и трудомъ въ нѣмецкой землѣ, и котораго ему не нужно было дожидаться или допрашиваться у своего отечества. Пріобрѣтенное ученіемъ и трудомъ онъ развилъ и увеличилъ собственнымъ геніемъ. Стало-быть, онъ зналъ, что́ писалъ, и не нуждался въ реторикѣ. Содержанія же для своей поэзіи онъ не могъ найти въ общественной жизни своего отечества, потому что тутъ не было не только сознанія, но и стремленія къ нему, стало-быть, не было никакихъ умственныхъ и нравственныхъ

интересовъ; слѣдовательно, онъ долженъ былъ взять для своей поэзіи совершенно чуждое, но зато готовое содержаніе, выражая въ своихъ стихахъ чувства, понятія и идеи, выработанныя не нами, не нашею жизнію и не на нашей почвѣ. Это значило сдѣлаться риторомъ поневолѣ, потому что понятія чуждой жизни, выдаваемыя за понятія своей жизни, всегда реторика. Еще болѣе реторикою были въ то время европейскіе кафтаны, камзолы, башмаки, парики, робронды, мушки, ассамблеи, менуэты и т. д. Но кто же, кромѣ теоретиковъ и фантазеровъ, скажетъ, чтобы теперь европейская одежда и нравы не сдѣлались національными для лучшей, [1]) т.-е. образованнѣйшей части русскаго общества, нисколько не мѣшая ему быть *русскимъ* на самомъ дѣлѣ, а не по названію только? Скажемъ болѣе: въ отношеніи не только къ образованнѣйшей части русскаго общества, но и всего народа русскаго, теперь сдѣлались чистою реторикою всѣ понятія, опредѣленія и слова до-петровскаго русскаго быта,—и если бы военные и гражданскіе чины наши были переименованы въ стратиговъ, бояръ, стольниковъ и т. п.,—простой народъ тутъ ровно ничего бы не понялъ. То же самое, благодаря Ломоносову, совершилось и въ литературномъ мірѣ: всѣ поддѣлки подъ народность теперь отзываются простонародностію, т.-е. пошлостію, и всѣ попытки въ этомъ родѣ самыхъ даровитыхъ писателей отзываются реторикою.

„Но какимъ же чудомъ, — спросятъ насъ, — внѣшнее, абстрактное заимствованіе чужаго и искусственное перенесеніе его на родную почву, — какимъ чудомъ могло родить оно живой органическій плодъ?“—Въ отвѣтъ на это скажемъ то́ же, что̀ уже говорили: рѣшеніе этого вопроса, безъ сомнѣнія, интересно; но намъ нѣтъ дѣла до него: для насъ довольно сказать, что такъ, именно такъ было, что это историческій фактъ, достовѣрности котораго не можетъ и подумать опровергать тотъ, у кого есть глаза, чтобъ видѣть, и уши, чтобъ слышать. Писатели, въ которыхъ выразилось прогрессивное движеніе черезъ освобожденіе литературы русской отъ Ломо-

---

[1]) Здѣсь опять начинается рукопись (съ 15-го листа).

носовскаго вліянія, нисколько не думали объ этомъ; это дѣлалось у нихъ безсознательно; за нихъ работалъ духъ времени, котораго они были органами. Они высоко уважали Ломоносова, какъ поэта, благоговѣли передъ его геніемъ, старались подражать ему, и все-таки больше и больше отходили отъ него. Разительный примѣръ этого—Державинъ. Но въ томъ-то и состоитъ жизненность европейскаго начала, привитаго къ нашей народности Петромъ Великимъ, что оно не коснѣетъ въ мертвой стоячести, но движется, идетъ впередъ, развивается. Если бы Ломоносовъ не вздумалъ писать одъ по образцу современныхъ ему нѣмецкихъ поэтовъ и французскаго лирика Жанъ-Батиста Руссо [1]), не вздумалъ писать своей *Петріады* по образцу Виргиліевой Энеиды, гдѣ вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ, героемъ своей поэмы, сдѣлалъ дѣйствующимъ лицомъ и Нептуна, засадивъ его съ тритонами и наядами на дно прохладнаго Бѣлаго моря; если бы, говоримъ мы, вмѣсто всѣхъ этихъ книжныхъ, школярныхъ нелѣпостей онъ обратился къ источникамъ нашей народной поэзіи—къ *Слову о Полку Игоревомъ*, къ русскимъ сказкамъ (извѣстнымъ теперь по сборнику Кирши Данилова), къ народнымъ пѣснямъ и, вдохновленный, проникнутый ими, на ихъ чисто-народномъ основаніи рѣшился бы построить зданіе новой русской [2]) литературы: что̀ бы тогда вышло?—Вопросъ, повидимому, важный, но въ сущности препустой, похожій на вопросы въ родѣ слѣдующихъ: что̀ было бы, если бы Петръ Великій родился во Франціи, а Наполеонъ—въ Россіи, или: что̀ было бы, если бы за зимою слѣдовала не весна, а прямо лѣто? и т. п. Мы можемъ знать, что̀ было и что̀ есть, но какъ намъ знать, чего не было или чего нѣтъ? Разумѣется, и въ сферѣ исторіи все мелкое, ничтожное, случайное могло бы быть и не такъ, какъ было; но ея великія событія, имѣющія вліяніе на будущность народовъ, не могутъ быть иначе, какъ именно такъ, какъ они бываютъ, разумѣется, въ отношеніи къ главному ихъ смыслу, а не къ подробностямъ проявленія. Петръ

---

[1]) Зачеркнуто: „(котораго одну оду онъ перевелъ)“.

[2]) Здѣсь опять перерывъ въ рукописи: не достаетъ 17-го листа.

Великій могъ построить Петербургъ, пожалуй тамъ, гдѣ теперь Шлиссельбургъ, или по крайней мѣрѣ хоть немного выше, т.-е. дальше отъ моря, чѣмъ теперь; могъ сдѣлать новою столицею Ревель или Ригу: во всемъ этомъ играла большую роль случайность, разныя обстоятельства; но сущность дѣла была не въ томъ, а въ необходимости новой столицы на берегу моря, которая дала бы намъ средство легко и удобно сноситься съ Европою. Въ этой мысли уже не было ничего случайнаго, ничего такого, что̀ могло бы равно и быть, и не быть, или быть иначе, нежели какъ было. Но для тѣхъ, для кого не существуетъ разумной необходимости великихъ историческихъ событій, мы, пожалуй, готовы признать важность вопроса: что̀ было бы, если бы Ломоносовъ основалъ новую русскую литературу на народномъ [1]) началѣ?—и отвѣтимъ имъ, что изъ этого ровно ничего не вышло бы. Однообразныя формы нашей бѣдной народной поэзіи были достаточны для выраженія ограниченнаго содержанія племенной, естественной, непосредственной, полу-патріархальной жизни старой Руси; но новое содержаніе не шло къ нимъ, не улегалось въ нихъ; для него необходимы были и новыя формы. Тогда спасеніе наше зависѣло не отъ народности, а отъ европеизма; ради нашего спасенія тогда необходимо было не задушить, не истребить (дѣло или невозможное, или гибельное, если возможное) нашу народность, а, такъ сказать, задержать на время (suspendre) ея ходъ и развитіе, чтобы привить къ ея почвѣ новые элементы. Пока эти элементы относились къ нашимъ роднымъ, какъ масло къ водѣ,—у насъ естественно все было реторикою — и нравы, и ихъ выраженіе—литература. Но тутъ было живое начало органическаго сращенія, черезъ процессъ усвоиванія (assimilation), и потому литература отъ абстрактнаго начала мертвой подражательности двигалась все къ живому началу самобытности. И мы дождались наконецъ до того, что переводъ нѣсколькихъ повѣстей Гоголя на французскій языкъ обратилъ на русскую литературу удивленное вниманіе всей Европы,—говоримъ *удивлен-*

[1]) Опять начинается рукопись (съ 18-го листа).

ное потому, что переводы русскихъ романовъ и повѣстей на иностранные языки дѣлались и прежде, но вмѣсто вниманія породили въ иностранцахъ совсѣмъ не лестное для насъ невниманіе къ нашей литературѣ, по той причинѣ, что эти русскіе повѣсти и романы, переведенные на ихъ языки, они считали, напротивъ, переводами съ ихъ языковъ: такъ чужды они были всего русскаго, всякой самобытности и оригинальности.

Карамзинъ окончательно освободилъ русскую литературу отъ Ломоносовскаго вліянія, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ совершенно освободилъ ее отъ реторики и сдѣлалъ ее національною: онъ много *для этого* сдѣлалъ, но *этого* не сдѣлалъ, потому что *до этого* было еще далеко. Первымъ національнымъ поэтомъ русскимъ былъ Пушкинъ [1]); съ него начался новый періодъ нашей литературы, еще больше противоположный Карамзинскому, нежели этотъ послѣдній Ломоносовскому. Вліяніе Карамзина до сихъ поръ ощутительно въ нашей литературѣ, и полное освобожденіе отъ этого вліянія будетъ великимъ шагомъ впередъ со стороны русской литературы. Но это не только ни на волосъ не уменьшаетъ заслугъ Карамзина, но, напротивъ, обнаруживаетъ всю ихъ великость: вредное во вліяніи писателя есть запоздалое, отсталое, а чтобы оно владычествовало не въ свое время, необходимо, чтобы въ свое время оно было новымъ, живымъ, прекраснымъ и великимъ.

Въ отношеніи къ литературѣ, какъ къ искусству, поэзіи, творчеству, вліяніе Карамзина теперь совершенно исчезло, не оставивъ никакихъ слѣдовъ. Въ этомъ отношеніи литература наша всего ближе къ той зрѣлости и возмужалости, рѣчью о

[1]) Намъ могутъ замѣтить, ссылаясь на собственныя наши слова, что не Пушкинъ, а Крыловъ; но вѣдь Крыловъ былъ только баснописецъ-поэтъ, тогда какъ трудно было бы такимъ же образомъ однимъ словомъ опредѣлить, какой поэтъ былъ Пушкинъ. Поэзія Крылова—поэзія здраваго смысла, житейской мудрости, и для нея скорѣе, чѣмъ для всякой другой поэзіи, можно было найти готовое содержаніе въ русской жизни. Притомъ же самыя лучшія, слѣдовательно самыя народныя басни свои Крыловъ написалъ уже въ эпоху дѣятельности Пушкина и, слѣдовательно, новаго движенія, которое послѣдній далъ русской поэзіи.

которыхъ мы начали эту статью. Такъ называемую *натуральную школу* нельзя упрекнуть въ реторикѣ, разумѣя подъ этимъ словомъ вольное или невольное искаженіе дѣйствительности, фальшивое идеализированіе жизни. Мы отнюдь не хотимъ этимъ сказать, чтобы всѣ новые писатели, которыхъ (въ похвалу имъ или въ осужденіе) причисляютъ къ *натуральной школѣ*, были все геніи или необыкновенные таланты; мы далеки отъ подобнаго дѣтскаго обольщенія. За исключеніемъ Гоголя, который создалъ въ Россіи новое искусство, новую литературу, и котораго геніальность давно уже признана не нами одними и даже не въ одной Россіи только,— мы видимъ въ *натуральной школѣ* довольно талантовъ, отъ весьма замѣчательныхъ до весьма обыкновенныхъ. Но не въ талантахъ, не въ ихъ числѣ видимъ мы собственно прогрессъ литературы, а въ ихъ направленіи, ихъ манерѣ писать. Таланты были всегда, но прежде они *украшали природу, идеализировали дѣйствительность*, т. е. изображали несуществующее, разсказывали о небываломъ; а теперь они воспроизводятъ жизнь и дѣйствительность въ ихъ истинѣ. Отъ этого литература получила важное значеніе въ глазахъ общества. Русская повѣсть въ журналѣ предпочитается переводной, и мало того, чтобы повѣсть была написана русскимъ авторомъ, необходимо, чтобы она изображала русскую жизнь. Безъ русскихъ повѣстей теперь не можетъ имѣть успѣха ни одинъ журналъ. И это не прихоть, не мода, но разумная потребность, имѣющая глубокій смыслъ, глубокое основаніе: въ ней выражается стремленіе русскаго общества къ самосознанію, слѣдовательно, пробужденіе въ немъ нравственныхъ интересовъ, умственной жизни. Уже безвозвратно прошло то время, когда [1]) даже всякая посредственность иностранная казалась выше всякаго таланта русскаго. Умѣя отдавать справедливость чужому, русское общество уже умѣетъ цѣнить и свое, равно чуждаясь какъ хвастливости, такъ и уничиженія. Но если оно болѣе интересуется *хорошею* русскою повѣстью,

[1]) Зачеркнуто: „всякій переводный вздоръ убивалъ оригинальное русское произведеніе, а всякій иностранный авторитетъ давилъ русскую литературную славу“.

нежели *превосходнымъ* иностраннымъ романомъ, въ этомъ виденъ огромный шагъ впередъ съ его стороны. Въ одно и то же время умѣть видѣть превосходство чужого надъ своимъ и все-таки ближе принимать къ сердцу свое, — тутъ нѣтъ ложнаго патріотизма, нѣтъ ограниченнаго пристрастія: тутъ только благородное и законное стремленіе сознать себя...

Натуральную школу обвиняютъ въ стремленіи все изображать съ дурной стороны. Какъ водится, у однихъ это обвиненіе—умышленная клевета, у другихъ—искренняя жалоба. Во всякомъ случаѣ, возможность подобнаго обвиненія показываетъ только то, что натуральная школа, несмотря на ея огромные успѣхи, существуетъ еще недавно, что къ ней не успѣли еще привыкнуть, и что у насъ еще много людей Карамзинскаго образованія, которыхъ реторика имѣетъ свойство утѣшать, а истина—огорчать. Разумѣется, нельзя, чтобы всѣ обвиненія противъ натуральной школы были положительно ложны, а она во всемъ была непогрѣшительно права [1]). Но еслибы ея преобладающее отрицательное направленіе и было односторонностію, и въ этомъ есть своя польза, свое добро: привычка вѣрно изображать отрицательныя явленія жизни дастъ возможность тѣмъ же людямъ или ихъ послѣдователямъ, когда придетъ время, вѣрно изображать и положительныя явленія жизни, не становя ихъ на ходули, не преувеличивая, словомъ, не идеализируя ихъ реторически.

Но внѣ міра собственно беллетристическаго вліяніе Карамзина до сихъ поръ еще очень ощутительно. Это всего лучше доказываетъ такъ называемая партія *славянофильская*. Извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III былъ выше Петра Великаго, а до-петровская Русь лучше Россіи новой.

[1]) Зачеркнуто: „И мы первые готовы согласиться, что ея отрицательное направленіе показываетъ только ея молодость, что она еще слишкомъ молода, не успѣла установиться. По крайней мѣрѣ это можно сказать до извѣстной степени молодымъ писателямъ, идущимъ по пути, указанному Гоголемъ, если не о самомъ Гоголѣ. Но въ самой крайности этого направленія заключается великое добро". — Приведенное мѣсто, написанное само съ нѣсколькими поправками, зачеркнуто, а надъ зачеркнутыми строками надписана новая, сокращенная редакція: „Но еслибы.... добро".

Вотъ источникъ такъ-называемаго славянофильства, которое мы впрочемъ во многихъ отношеніяхъ считаемъ весьма важнымъ явленіемъ, доказывающимъ въ свою очередь, что время зрѣлости и возмужалости нашей литературы близко. Во времена дѣтства литературы всѣхъ занимаютъ вопросы, если даже и важные сами по себѣ, то не имѣющіе никакого дѣльнаго примѣненія къ жизни. Такъ называемое славянофильство безъ всякаго сомнѣнія касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается и какъ оно къ нимъ относится,—это [1]) другое дѣло. Но прежде всего славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и [2]) въ такомъ случаѣ, если вы съ нимъ вовсе не согласны. Славянофиловъ у насъ много, и число ихъ все увеличивается,—фактъ, который тоже говоритъ въ пользу славянофильства. Можно сказать, что вся наша литература, а съ нею и часть публики, если не вся публика, раздѣлилась на двѣ стороны—славянофиловъ и не-славянофиловъ. Много можно сказать въ пользу славянофильства, говоря о причинахъ, вызвавшихъ его явленіе; но, разсмотрѣвши его ближе, нельзя не увидѣть, что существованіе и важность этой литературной котеріи чисто-отрицательныя, что она вызвана и живетъ не для себя, а для оправданія и утвержденія именно той идеи, на борьбу съ которой обрекла себя. Поэтому нѣтъ никакого интереса говорить съ славянофилами о томъ, чего они хотятъ, да и сами они неохотно говорятъ и пишутъ объ этомъ, хотя и не дѣлаютъ изъ этого никакой тайны. Дѣло въ томъ, что положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то туманныхъ, мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ, которыхъ несостоятельность слишкомъ ясно обнаруживается фактами дѣйствительности, всѣми вмѣстѣ и каждымъ порознь. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, что она говоритъ противъ гніющаго будто бы Запада (Запада

[1]) Зачеркнуто: „вопросъ другой, и мы сейчасъ поговоримъ о немъ“.

[2]) Зачеркнуто: „не заслуживая никакой симпатіи, никакого сочувствія“...

славянофилы рѣшительно не понимаютъ, потому что мѣряютъ его на восточный аршинъ); но въ томъ, что они говорятъ противъ русскаго европеизма, а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться хотя на половину, какъ, напримѣръ, что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера, какимъ, къ чести ихъ, отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумками, которые хорошо умѣютъ мыслить по-французски, понѣмецки и по-англійски, но никакъ не умѣютъ мыслить по-русски; и что причина всего этого въ реформѣ Петра Великаго. Все это справедливо [1]) до извѣстной степени. Но нельзя остановиться на признаніи справедливости какого-бы то ни было факта, а должно изслѣдовать его причины, въ надеждѣ въ самомъ злѣ найти и средства къ выходу изъ него. Этого славянофилы не дѣлали и не сдѣлали; но зато они заставили если не сдѣлать, то дѣлать это своихъ противниковъ. И вотъ гдѣ ихъ истинная заслуга. Заснуть въ самолюбивыхъ мечтахъ, о чемъ бы онѣ ни были—о нашей ли народной славѣ, или о нашемъ европеизмѣ,—равно безплодно и вредно, ибо сонъ есть не жизнь, а только грёзы о жизни [2]), и нельзя не сказать спасибо тому, кто прервetъ такой сонъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда изученіе русской исторіи не имѣло такого серьёзнаго характера, какой приняло оно въ послѣднее время. Мы вопрошаемъ и допрашиваемъ прошедшее, чтобы оно объяснило намъ наше настоящее и намекнуло о нашемъ будущемъ. Мы какъ будто испугались за нашу жизнь, за наше значеніе, за наше прошедшее и будущее, и скорѣе хотимъ рѣшить великій вопросъ: *Быть или не быть?*. Тутъ уже дѣло идетъ не о томъ, откуда пришли варяги—съ Запада или съ Юга, изъ-за Балтійскаго или изъ-за Чернаго моря,—а о томъ, проходитъ ли черезъ нашу исторію какая-нибудь живая органическая мысль, и если проходитъ, какая именно; какія наши

[1]) Зачеркнуто: „и со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться“. Надъ зачеркнутымъ написано: „до извѣстной степени“.

[2]) Зачеркнуто: „и слова не есть дѣло, а только пустые звуки“.

отношенія къ нашему прошедшему, отъ котораго мы какъ будто оторваны, и къ Западу, съ которымъ мы какъ будто связаны. И результатомъ этихъ хлопотливыхъ и тревожныхъ изслѣдованій начинаетъ оказываться, что, во-первыхъ, мы не такъ рѣзко оторваны отъ нашего прошедшаго, какъ думали, и не такъ тѣсно связаны съ Западомъ, какъ воображали. Когда русскій бываетъ за-границею, его слушаютъ, имъ интересуются не тогда, какъ онъ истинно-европейски разсуждаетъ о европейскихъ вопросахъ, но когда онъ судитъ о нихъ, какъ русскій, хотя бы по этой причинѣ сужденія его были ложны, пристрастны, ограничены, односторонни. И потому онъ чувствуетъ тамъ необходимость придать себѣ характеръ своей національности и, за неимѣніемъ лучшаго, становится славянофиломъ, хотя на время и притомъ неискренно, чтобы только чѣмъ-нибудь казаться въ глазахъ иностранцевъ. Съ другой стороны, обращаясь къ своему настоящему положенію, смотря на него глазами сомнѣнія и изслѣдованія, мы не можемъ не видѣть, какъ во многихъ отношеніяхъ смѣшно и жалко успокоилъ насъ нашъ русскій европеизмъ на счетъ нашихъ русскихъ недостатковъ, забѣливъ и зарумянивъ, но вовсе не изгладивъ ихъ. И въ этомъ отношеніи поѣздки заграницу чрезвычайно полезны намъ: многіе изъ русскихъ отправляются туда рѣшительными европейцами, а возвращаются оттуда, сами не зная кѣмъ, и по тому самому съ искреннимъ желаніемъ сдѣлаться русскими.—Что же все это означаетъ? Неужели славянофилы правы, и реформа Петра Великаго только лишила насъ народности и сдѣлала междоумками? И неужели они правы, говоря, что намъ надо воротиться къ общественному устройству и нравамъ временъ не то баснословнаго Гостомысла, не то царя Алексѣя Михайловича (на счетъ этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)?..

Нѣтъ, это означаетъ совсѣмъ другое, а именно то, что Россія вполнѣ исчерпала, изжила эпоху преобразованія, что реформа совершила въ ней свое дѣло, сдѣлала для нея все, что могла и должна была сдѣлать, и что настало для Россіи время развиваться самобытно, изъ самой себя. Но миновать,

перескочить, перепрыгнуть, такъ сказать, эпоху реформы и воротиться къ предшествовавшимъ ей временамъ: неужели это значитъ развиваться самобытно? Смѣшно было бы такъ думать уже по одному тому, что это такая же невозможность, какъ и перемѣнить порядокъ годовыхъ временъ, заставивъ за весной слѣдовать зиму, а за осенью—лѣто. Это значило бы еще признать явленіе Петра Великаго, его реформу и послѣдующія событія въ Россіи (можетъ быть до самаго 1812 года,—эпохи, съ которой началась новая жизнь для Россіи), признать ихъ случайными, какимъ-то тяжелымъ сномъ, который тотчасъ исчезаетъ и уничтожается, какъ скоро проснувшійся человѣкъ открываетъ глаза. Но такъ думать сродно господамъ Маниловымъ. Подобныя событія въ жизни народа слишкомъ велики, чтобъ быть случайными, и жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый можетъ давать произвольное направленіе легкимъ движеніемъ весла. Вмѣсто того, чтобъ думать о невозможномъ и смѣшить всѣхъ на свой счетъ самолюбивымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы, гораздо лучше, признавши неотразимую и неизмѣнимую дѣйствительность существующаго, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а не Манилов-скими фантазіями. Не объ измѣненіи того, что̀ совершилось безъ нашего вѣдома и что̀ смѣется надъ нашей волей, должны мы думать, а объ измѣненіи самихъ себя на основаніи уже указаннаго намъ пути высшей насъ волей. Дѣло въ томъ, что пора намъ перестать *казаться* и начать *быть*, пора оставить, какъ дурную привычку, довольствоваться словами и европейскія формы и внѣшности принимать за европеизмъ. Скажемъ болѣе: пора намъ перестать восхищаться европейскимъ потому только, что оно не азіатское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно *человѣческое*, и на этомъ основаніи все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такою же энергіею, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго. Европейскихъ элементовъ такъ много вошло въ русскую жизнь, въ русскіе нравы, что намъ вовсе не нужно безпрестанно обращаться къ Европѣ, чтобъ сознавать наши потребности: и на осно-

ваніи того, что̀ уже усвоено нами отъ Европы, мы достаточно можемъ судить о томъ, что̀ намъ нужно.

Повторяемъ, славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ; но тѣмъ не менѣе ихъ роль чисто отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина ихъ странныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ, хотятъ видѣть плодъ прежде цвѣта и, находя листья безвкусными, объявляютъ плодъ гнилымъ и предлагаютъ огромный лѣсъ, разросшійся на необозримомъ пространствѣ, пересадить на другое мѣсто и приложить къ нему другого рода уходъ. По ихъ мнѣнію, это не легко, но возможно! Они забыли, что новая Петровская Россія такъ же молода, какъ и Сѣверная Америка, что въ будущемъ ей представляется гораздо больше, чѣмъ въ прошедшемъ. Они забыли, что въ разгарѣ процесса часто особенно бросаются въ глаза именно тѣ явленія, которыя по окончаніи процесса должны исчезнуть, и часто не видно именно того, что̀ впослѣдствіи должно явиться результатомъ процесса. Въ этомъ отношеніи Россію нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которыхъ исторія шла діаметрально противоположно нашей, и давно уже дала и цвѣтъ, и плодъ. Безъ всякаго сомнѣнія, русскому легче усвоить себѣ взглядъ француза, англичанина или нѣмца, нежели мыслить самостоятельно, по-русски, потому что то́ готовый взглядъ, съ которымъ равно легко знакомитъ его и наука, и современная дѣйствительность; тогда какъ онъ въ отношеніи къ самому себѣ еще загадка, потому что еще загадка для него значеніе и судьба его отечества, гдѣ все — зародыши, зачатки и ничего опредѣленнаго, развившагося, сформировавшагося. Разумѣется, въ этомъ есть нѣчто грустное, но за то какъ много и утѣшительнаго въ этомъ же самомъ! Дубъ растетъ медленно, зато живетъ вѣка. Человѣку сродно желать скораго свершенія своихъ желаній, но скороспѣлость ненадежна: намъ болѣе, чѣмъ кому другому, должно убѣдиться въ этой истинѣ. Извѣстно, что французы, англичане, нѣмцы такъ національны каждый по своему, что не въ состояніи понимать другъ друга,—

тогда какъ русскому равно доступны и соціальность француза, и практическая дѣятельность англичанина, и туманная философія нѣмца. Одни видятъ въ этомъ наше превосходство передъ всѣми другими народами; другіе выводятъ изъ этого весьма печальныя заключенія о безхарактерности, которую воспитала въ насъ реформа Петра: ибо, говорятъ они, у кого нѣтъ своей жизни, тому легко поддѣлываться подъ чужую, у кого нѣтъ своихъ интересовъ, тому легко понимать чужіе; но поддѣлываться подъ чужую жизнь—не значитъ жить, понять чужіе интересы—не значитъ усвоить ихъ себѣ. Въ послѣднемъ мнѣніи много правды, но не совсѣмъ лишено истины и первое мнѣніе, какъ ни заносчиво оно. Прежде всего мы скажемъ, что мы рѣшительно не вѣримъ въ возможность крѣпкаго политическаго и государственнаго существованія народовъ, лишенныхъ національности, слѣдовательно живущихъ чисто внѣшнею жизнію. Въ Европѣ есть одно такое искусственное государство, склеенное изъ многихъ національностей; но кому же неизвѣстно, что его крѣпость и сила—до поры и времени?... Намъ, русскимъ, нечего сомнѣваться въ нашемъ политическомъ и государственномъ значеніи: изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только мы сложились въ крѣпкое и могучее государство, и какъ до Петра Великаго, такъ и послѣ него, до настоящей минуты, выдержали съ честью не одинъ суровый экзаменъ судьбы, не разъ были на краю гибели, и всегда успѣвали спасаться отъ нея и потомъ являться въ новой и большей силѣ и крѣпости. Въ народѣ, чуждомъ внутренняго развитія, не можетъ быть этой крѣпости, этой силы. Да, въ насъ есть національная жизнь, мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль, — объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать. Наши внуки или правнуки узнаютъ это безъ всякихъ усилій напряженнаго разгадыванія, потому что это слово, эта мысль будетъ сказана ими... Такъ какъ русская литература есть главный предметъ нашей статьи, то въ настоящемъ случаѣ будетъ очень естественно сослаться на ея свидѣтельство. Она существуетъ всего какихъ-нибудь *сто семь лѣтъ*, а между тѣмъ въ ней уже есть нѣсколько произведеній, которыя по-

тому только и интересны для иностранцевъ, что кажутся имъ непохожими на произведенія ихъ литературъ, слѣдовательно, оригинальными, самобытными, т.-е. національно-русскими. Но въ чемъ состоитъ эта русская національность,— этого пока еще нельзя опредѣлить; для насъ пока довольно того, что элементы ея уже начинаютъ пробиваться и обнаруживаться сквозь безцвѣтность и подражательность, въ которыя ввергла насъ реформа Петра Великаго...

Что же касается до многосторонности, съ какою русскій человѣкъ понимаетъ чуждыя ему національности,—въ этомъ заключается равно и его слабая, и его сильная сторона. Слабая—потому, что этой многосторонности, дѣйствительно, много помогаетъ его настоящая независимость отъ односторонности собственныхъ національныхъ интересовъ. Но можно сказать съ достовѣрностію, что эта независимость только *помогаетъ* этой многосторонности; а едва ли можно сказать съ какою-нибудь достовѣрностію, чтобы она *производила* ее. По крайней мѣрѣ намъ кажется, что было бы слишкомъ смѣло приписывать положенію то, что всего болѣе должно приписывать природной даровитости [1]). Не любя гаданій и мечтаній и пуще всего боясь произвольныхъ выводовъ, имѣющихъ только субъективное значеніе [2]), мы не утверждаемъ за непреложное, что русскому народу предназначено выразить въ своей національности [3]) наиболѣе богатое и многостороннее содержаніе, и что въ этомъ заключается причина его удивительной способности воспринимать и усвоивать себѣ все чуждое ему; но смѣемъ думать, что подобная мысль, какъ предположеніе, высказываемое безъ самохвальства и фанатизма, не лишена основанія...

---

[1]) Зачеркнуто: „Иначе только тѣ люди и были бы даровиты, которые чужды внутреннихъ убѣжденій и интересовъ, но дѣйствительный опытъ говоритъ намъ противное“... Далѣе начата была и не кончена еще фраза.

[2]) Послѣднія четыре слова зачеркнуты карандашомъ и передъ „выводовъ“ карандашомъ же чужою рукой вставлено: „личныхъ“. Такъ и было въ журналѣ, а въ собраніи сочиненій эта фраза была такъ: „произвольныхъ, имѣющихъ только субъективное значеніе выводовъ“.

[3]) Здѣсь опять перерывъ въ рукописи: не достаетъ 30-го листа.

Просимъ извиненія у гг. славянофиловъ, если мы приписали имъ что-нибудь такое, чего они не думали или не говорили: если бы они могли упрекнуть насъ въ чемъ-нибудь подобномъ, пусть примутъ это за простую и неумышленную ошибку съ нашей стороны. Каковы бы ни были ихъ понятія или, по нашему, ошибки и заблужденія, мы уважаемъ ихъ источникъ. Мы можемъ сочувствовать всякому искреннему, независимому и благородному, въ его началѣ, убѣжденію, не только не раздѣляя его, но и видя въ немъ діаметральную противоположность нашему убѣжденію. На чьей сторонѣ истина—разсудитъ время—великій и непогрѣшительный судья всѣхъ умственныхъ и теоретическихъ тяжбъ. Журналъ, который теперь одинъ остался органомъ славянофильскаго направленія, объявилъ нѣкогда „непримиримую вражду“ всякому противоположному направленію. Что̀ касается до насъ, имѣя свое опредѣленное направленіе, свои горячія убѣжденія, которыя намъ дороже всего на свѣтѣ, мы тоже готовы защищать ихъ всѣми силами нашими и вмѣстѣ съ тѣмъ противоборствовать всякому противоположному направленію и убѣжденію, но мы хотѣли бы защищать наши мнѣнія съ достоинствомъ, а противоположнымъ противоборствовать съ твердостью и спокойствіемъ, безъ всякой вражды. Къ чему вражда? Кто враждуетъ, тотъ сердится, а кто сердится, тотъ чувствуетъ, что онъ не правъ. Мы имѣемъ самолюбіе до того считать себя правыми въ главныхъ основаніяхъ нашихъ убѣжденій, что не имѣемъ никакой нужды враждовать и сердиться, смѣшивать идеи съ лицами, и вмѣсто благородной и позволенной борьбы мнѣній заводить безполезную и неприличную борьбу личностей и самолюбій... [1]).

На свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно важнаго или неважнаго. Противъ этой истины могутъ спорить только тѣ исключительно теоретическія натуры, которыя до тѣхъ поръ и умны, пока носятся въ общихъ отвлеченностяхъ [2]) а какъ скоро спустятся въ сферу приложеній общаго къ частному, словомъ,—въ міръ

[1]) Далѣе опять начинается рукопись.

[2]) Было: „въ общихъ, отвлеченныхъ построеніяхъ“. Быть можетъ, поправка сдѣлана другою рукой.

дѣйствительности, тотчасъ оказываются сомнительными насчетъ нормальнаго состоянія ихъ мозга. О такихъ людяхъ русская поговорка выражается, что у нихъ *умъ за разумъ зашелъ*, — выраженіе, столько же глубокомысленное, сколько и справедливое, потому что оно не отнимаетъ у людей этого разбора ни ума, ни разсудка, но только указываетъ на ихъ неправильныя, превратныя дѣйствія, словно на два испортившіяся колеса въ машинѣ, которыя дѣйствуютъ одно за другое, вопреки своему назначенію, и этимъ дѣлаютъ всю машину негодною къ употребленію. Итакъ, все на свѣтѣ только относительно важно или неважно, велико или мало, старо или ново. „Какъ, скажутъ намъ, и истина, и добродѣтель — понятія относительныя?“. — Нѣтъ, какъ *понятіе*, какъ *мысль*, онѣ безусловны и вѣчны; но какъ *осуществленіе*, какъ *фактъ* — онѣ относительны. Идея истины и добра признавалась всѣми народами во всѣ вѣка; но что̀ непреложная истина, что̀ добро для одного народа или вѣка, то̀ часто бываетъ ложью или зломъ для другого народа, въ другой вѣкъ. Поэтому безусловный, или абсолютный способъ сужденія есть самый легкій, но зато и самый ненадежный; теперь онъ называется абстрактнымъ или отвлеченнымъ [1]). Ничего нѣтъ легче, какъ опредѣлить, чѣмъ долженъ быть человѣкъ въ нравственномъ отношеніи; но ничего нѣтъ труднѣе, какъ показать, почему вотъ этотъ человѣкъ сдѣлался тѣмъ, что̀ онъ есть, а не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ бы ему, по теоріи нравственной философіи, слѣдовало быть.

Вотъ точка зрѣнія, съ которой мы находимъ признаки зрѣлости современной русской литературы въ явленіяхъ, повидимому самымъ обыкновенныхъ. Присмотритесь, прислушайтесь: о чемъ больше всего толкуютъ наши журналы? — о народности, о дѣйствительности. На что̀ больше всего нападаютъ они? — на романтизмъ, мечтательность, отвлеченность. О нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ много было толковъ и прежде, да не тотъ они имѣли смыслъ, не то значеніе. По-

---

[1]) Зачеркнуто: „Но всего труднѣе судить относительно, потому что для этого нужно знаніе“.

нятіе о „дѣйствительности“ совершенно новое; на „романтизмъ“ прежде смотрѣли, какъ на альфу и омегу человѣческой мудрости, и въ немъ одномъ искали рѣшенія всѣхъ вопросовъ; понятіе о „народности“ имѣло прежде исключительно литературное значеніе, безъ всякаго приложенія къ жизни. Оно, если хотите, и теперь обращается преимущественно въ сферѣ литературы; но разница въ томъ, что литература то теперь сдѣлалась эхомъ жизни. Какъ судятъ теперь объ этихъ предметахъ—вопросъ другой. По обыкновенію, одни лучше, другіе хуже, но почти всѣ одинаково въ томъ отношеніи, что въ рѣшеніи этихъ вопросовъ видятъ какъ будто собственное спасеніе. Въ особенности вопросъ о „народности“ сдѣлался всеобщимъ вопросомъ и проявился въ двухъ крайностяхъ. Одни смѣшали съ народностью старинные обычаи, сохранившіеся теперь только въ простонародьи, и не любятъ, чтобы при нихъ говорили съ неуваженіемъ о курной и грязной избѣ, о рѣдькѣ и квасѣ, даже о сивухѣ; другіе, сознавая потребность высшаго національнаго начала и не находя его въ дѣйствительности, хлопочутъ выдумать свое и неясно, намеками указываютъ намъ на *смиреніе*, какъ на выраженіе русской національности. Съ первыми смѣшно спорить; но вторымъ можно замѣтить, что смиреніе есть въ извѣстныхъ случаяхъ весьма похвальная добродѣтель для человѣка всякой страны, для француза, какъ и для русскаго, для англичанина, какъ и для турка, но что она едва ли можетъ одна составить то, что называется „народностію“. Притомъ же этотъ взглядъ, можетъ быть превосходный въ теоретическомъ отношеніи, не совсѣмъ уживается съ историческими фактами. Удѣльный періодъ нашъ отличается скорѣе гордынею и драчливостію, нежели смиреніемъ. Татарамъ поддались мы совсѣмъ не отъ смиренія (что было бы для насъ не честью, а безчестьемъ, какъ и для всякаго другого народа), а по безсилію, вслѣдствіе раздѣленія нашихъ силъ родовымъ [1]), кровнымъ началомъ, положеннымъ въ основаніе правительственной системы того времени. Іоаннъ Калита былъ хитеръ, а не смиренъ;

[1]) Здѣсь рукопись прерывается: не достаетъ 33 листа.

Симеонъ даже прозванъ былъ „гордымъ“; а эти князья были первоначальниками силы Московскаго царства. Димитрій Донской мечомъ, а не смиреніемъ предсказалъ татарамъ конецъ ихъ владычества надъ Русью. Іоанны III и IV, оба прозванные „грозными“, не отличались смиреніемъ. Только слабый Ѳеодоръ составляетъ исключеніе изъ правила. И вообще какъ-то странно видѣть въ смиреніи причину, по которой ни чтожное Московское княжество сдѣлалось впослѣдствіи сперва Московскимъ царствомъ, а потомъ Россійской имперіей, пріосѣнивъ крыльями двуглаваго орла, какъ свое достояніе, Сибирь, Малороссію, Бѣлоруссію, Новороссію, Крымъ, Бессарабію, Лифляндію, Эстляндію, Курляндію, Финляндію, Кавказъ... Конечно, въ русской исторіи можно найти поразительныя черты смиренія, какъ и другихъ добродѣтелей, со стороны правительственныхъ и частныхъ лицъ; но въ исторіи какого же народа нельзя найти ихъ, и чѣмъ какой-нибудь Людовикъ IX уступаетъ въ смиреніи Ѳеодору Іоанновичу?... Толкуютъ еще о *любви*, какъ о національномъ началѣ, исключительно присущемъ однимъ славянскимъ племенамъ, въ ущербъ гальскимъ, тевтонскимъ и инымъ западнымъ. Эта мысль у нѣкоторыхъ обратилась въ истинную мономанію, такъ что кто-то изъ этихъ „нѣкоторыхъ“ рѣшился даже печатно сказать, что русская земля смочена слезами, а отнюдь не кровью, и что слезами, а не кровью отдѣлались мы не только отъ татаръ, но и отъ нашествія Наполеона.... Не правда ли, что въ этихъ словахъ высокій образецъ ума, зашедшаго за разумъ, вслѣдствіе увлеченія системою, теоріею, несообразною съ дѣйствительностію?... Мы, напротивъ, думаемъ, что любовь есть свойство человѣческой натуры вообще и такъ же не можетъ быть исключительною принадлежностію одного народа и племени, какъ и дыханіе, зрѣніе, голодъ, жажда, умъ, слово.... Ошибка тутъ въ томъ, что относительное принято за безусловное. Завоевательная система, положившая основаніе европейскимъ государствамъ, тотчасъ же породила тамъ чисто-юридическій бытъ, въ которомъ само насиліе и угнетеніе [1])

[1]) Здѣсь вновь начинается рукопись (съ 34 листа).

приняло видъ не произвола, а закона. У славянъ же, напротивъ, господствовалъ обычай, вышедшій изъ кроткихъ и любовныхъ патріархальныхъ отношеній. Но долго ли продолжался этотъ патріархальный бытъ, и что̀ мы знаемъ о немъ достовѣрнаго? Еще до удѣльнаго періода встрѣчаемъ мы въ русской исторіи черты вовсе не любовныя—хитраго вонителя Олега, суроваго вонителя Святослава, потомъ Святополка (убійцу Бориса и Глѣба), дѣтей Владиміра, возставшихъ на своего отца, и т. п. Это, скажутъ, занесли къ намъ варяги и—прибавимъ мы отъ себя—положили этимъ начало искаженію любовнаго патріархальнаго быта. Изъ чего же въ такомъ случаѣ и хлопотать? Удѣльный періодъ такъ же мало періодъ любви, какъ и смиренія; это скорѣе періодъ рѣзни, обратившейся въ обычай. О татарскомъ періодѣ нечего и говорить: тогда лицемѣрное и предательское смиреніе было нужнѣе и любви, и настоящаго смиренія. Уголовные законы, пытки, казни періода Московскаго царства и послѣдующихъ временъ, до самаго царствованія Екатерины Великой, опять посылаютъ насъ искать любви въ до-историческія времена славянъ. Гдѣ жъ тутъ любовь, какъ національное начало? Національнымъ началомъ она никогда и не была, но была человѣческимъ началомъ, поддерживавшимся въ племени его историческимъ, или, лучше сказать, его не-историческимъ положеніемъ. Положеніе измѣнилось, измѣнились и патріархальные нравы, а съ ними исчезла и любовь, какъ бытовая сторона жизни. Ужъ не возвратиться ли намъ къ этимъ временамъ? Почему жъ бы и не такъ, если это такъ же легко, какъ старику сдѣлаться юношею, а юношѣ—младенцемъ?...

Естественно, что подобныя крайности вызываютъ такія же противоположныя крайности. Одни бросились въ фантастическую народность; другіе—въ фантастическій космополитизмъ, во имя человѣчества. По мнѣнію послѣднихъ, національность происходитъ отъ чисто-внѣшнихъ вліяній, выражаетъ собою все, что̀ есть въ народѣ неподвижнаго, грубаго, ограниченнаго, неразумнаго, и діаметрально противополагается всему человѣческому. Чувствуя же, что нельзя отрицать въ народѣ и человѣческаго, противоположнаго, по ихъ мнѣнію,

національному, они раздѣляютъ недѣлимую личность народа на большинство и меньшинство, приписывая послѣднему качества, діаметрально противоположныя качествамъ перваго. Такимъ образомъ, безпрестанно нападая на какой-то *дуализмъ*, который они видятъ всюду, даже тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, они сами впадаютъ въ крайность самаго отвлеченнаго дуализма. Великіе люди, по ихъ понятію, стоятъ внѣ своей національности, и вся заслуга, все величіе ихъ въ томъ и заключается, что они идутъ прямо противъ своей національности, борятся съ нею и побѣждаютъ ее. Вотъ истинно русское и въ этомъ отношеніи рѣзко-національное мнѣніе, которое не могло бы притти въ голову европейцу! Это мнѣніе вытекло прямо изъ ложнаго взгляда на реформу Петра Великаго, который, по общему въ Россіи мнѣнію, будто бы уничтожилъ русскую народность. Это мнѣніе тѣхъ, которые народность видятъ въ обычаяхъ и предразсудкахъ, не понимая, что въ нихъ дѣйствительно отражается народность, но что они одни отнюдь еще не составляютъ народности. Раздѣлить народное и человѣческое на два совершенно-чуждыя, даже враждебныя одно другому начала, значитъ впасть въ самый абстрактный, въ самый книжный дуализмъ.

Что̀ составляетъ въ человѣкѣ его высшую, его благороднѣйшую дѣйствительность?—Конечно то̀, что̀ мы называемъ его духовностію, т.-е. чувство, разумъ, воля, въ которыхъ выражается его вѣчная, непреходящая, необходимая сущность. А что̀ считается въ человѣкѣ низшимъ, случайнымъ, относительнымъ, преходящихъ? — Конечно его тѣло. Извѣстно, что наше тѣло мы съ-издѣтства привыкли презирать, можетъ быть потому именно, что, вѣчно живя въ логическихъ фантазіяхъ, [1]) мы мало его знаемъ. Врачи, напротивъ, больше другихъ уважаютъ тѣло, потому что больше другихъ знаютъ его. Вотъ почему отъ болѣзней чисто-нравственныхъ они лѣчатъ иногда средствами чисто-матеріальными, и наоборотъ [2]).

[1]) Зачеркнуто: „добродушно принимаемыхъ нами за разумную трансцендентальность“.

[2]) Было: „отъ болѣзней, чисто матеріальныхъ, лѣчатъ иногда средствами чисто нравственными, предписывая больному больше физическаго

Изъ этого видно, что врачи, уважая тѣло, не презираютъ души: они только не презираютъ тѣла, уважая душу. Въ этомъ отношеніи они похожи на умнаго агронома, который съ уваженіемъ смотритъ не только на богатство получаемыхъ имъ отъ земли зеренъ, но и на самую землю, которая ихъ произрастила, и даже на грязный, нечистый и вонючій навозъ, который усилилъ плодотворность этой земли.—Вы, конечно, очень цѣните въ человѣкѣ чувство? — Прекрасно! — такъ цѣните же и этотъ кусокъ мяса, который бьется въ его груди, который вы называете сердцемъ [1]) и котораго замедленное или ускоренное біеніе вѣрно соотвѣтствуетъ каждому движенію вашей души.—Вы, конечно, очень уважаете въ человѣкѣ умъ?— Прекрасно!— такъ останавливайтесь же въ благоговѣйномъ изумленіи и передъ массою его мозга, гдѣ происходятъ всѣ умственныя отправленія, откуда по всему организму распространяются черезъ позвоночный хребетъ нити нервъ, которые суть органы ощущеній и чувствъ и которые исполнены какихъ-то до того тонкихъ жидкостей, что онѣ ускользаютъ отъ матеріальнаго наблюденія и не даются умозрѣнію. Иначе вы будете удивляться въ человѣкѣ слѣдствію мимо причины, или—что еще хуже—сочините свои небывалыя въ природѣ причины и удовлетворитесь ими [2]). Психологія, не опирающаяся на физіологію, такъ же несостоятельна, какъ и физіологія, не знающая о существованіи анатоміи. Современная наука не удовольствовалась и этимъ: химическимъ анализомъ хочетъ она проникнуть въ таинственную лабораторію природы, а наблюденіемъ надъ эмбріономъ

движенія и меньше умственныхъ впечатлѣній, совѣтуя ему спокойствіе, порядокъ и ясность въ мысляхъ“.

[1]) Зачеркнуто: „пусть не сердце будетъ исключительнымъ органомъ чувства, и не кровь и процессъ ея обращенія, производящій то біеніе сердца, которое такъ сильно даетъ ощущать себя при всѣхъ сильныхъ нравственныхъ потрясеніяхъ, что это ничего не отнимаетъ у тѣла, а только расширяетъ его значеніе, переводя наше (удивленіе) еще на кровь и на процессъ ея обращенія“.

[2]) Зачеркнуто: „какъ бы ни ругались надъ системою доктора Галя разные фантазеры, ученые и неученые, но ихъ мечтательность безсильна надъ“...

(зародышемъ) прослѣдить *физическій* процессъ *нравственнаго* развитія... [1]) Но это внутренній міръ физіологической жизни человѣка; всѣ его сокровенныя отъ насъ дѣйствія, какъ результатъ, выказываются наружи въ лицѣ, взглядѣ, голосѣ, даже манерахъ человѣка. А между тѣмъ что̀ такое лицо, глаза, голосъ, манеры? Вѣдь это все—тѣло, внѣшность, слѣдовательно все преходящее, случайное, ничтожное, потому что вѣдь все это—не чувство, не умъ, не воля?—такъ, но вѣдь во всемъ этомъ мы *видимъ* и *слышимъ* и чувство, и умъ, и волю. Всего случайнѣе въ человѣкѣ его манеры, потому что онѣ больше всего зависятъ отъ воспитанія, образа жизни, отъ общества, въ которомъ живетъ человѣкъ; но почему же иногда и въ грубыхъ манерахъ мужика чувство ваше угадываетъ добраго человѣка, которому вы смѣло можете довѣриться, и въ то же время изящныя манеры свѣтскаго человѣка заставляютъ васъ иногда невольно остерегаться его? — Сколько на свѣтѣ людей съ душой, съ чувствомъ, но у каждаго изъ нихъ это чувство имѣетъ свой характеръ, свою особенность. Сколько на свѣтѣ умныхъ людей, и между тѣмъ у каждаго изъ нихъ свой умъ. Это не значитъ, чтобы умы людей были разные: въ такомъ случаѣ люди не могли бы понимать другъ друга, но это значитъ, что у самого ума есть своя индивидуальность. Въ этомъ его ограниченность, и поэтому умъ величайшаго генія всегда непзмѣримо ниже ума всего человѣчества; но въ этомъ же и его дѣйствительность, его реальность. Умъ безъ плоти, безъ физіономіи, умъ, не дѣйствующій на кровь и не принимающій на себя ея дѣйствія, есть логическая мечта, мертвый абстрактъ. Умъ—это человѣкъ въ тѣлѣ или, лучше сказать, человѣкъ черезъ тѣло, словомъ, *личность*. Оттого на свѣтѣ столько умовъ, сколько людей, и только у человѣчества одинъ умъ. Посмотрите, сколько нравственныхъ оттѣнковъ въ человѣческой натурѣ: у одного умъ едва замѣтенъ изъ-за сердца, у другого сердце какъ будто помѣстилось въ мозгу; этотъ страшно уменъ и способенъ на дѣло,

[1]) Въ журналѣ вмѣсто этого напечатано: „прослѣдить таинственный процессъ развитія организма“.

да ничего сдѣлать не можетъ, потому что нѣтъ у него воли; а у того страшная воля да слабая голова, и изъ его дѣятельности выходитъ или вздоръ, или зло. Перечесть этихъ оттѣнковъ такъ же невозможно, какъ перечесть различія физіономій: сколько людей, столько и лицъ, и двухъ совершенно схожихъ найти еще менѣе возможно, нежели найти два древесные листка, совершенно схожіе между собою... Когда вы влюблены въ женщину, не говорите, что вы обольщены прекрасными качествами ея ума и сердца: иначе, когда вамъ укажутъ на другую, которой нравственныя качества выше, вы обязаны будете перевлюбиться и оставить первый предметъ своей любви для новаго, какъ оставляютъ хорошую книгу для лучшей. Нельзя отрицать вліянія нравственныхъ качествъ на чувство любви, но когда любятъ человѣка, любятъ его всего, не какъ идею, а какъ живую личность; любятъ въ немъ особенно то, чего не умѣютъ ни опредѣлить, ни назвать. Въ самомъ дѣлѣ какъ бы опредѣлили и назвали вы, напримѣръ, то неуловимое выраженіе, ту таинственную игру его физіономіи, его голоса, словомъ, все то, что составляетъ его особность, что дѣлаетъ его непохожимъ на другихъ, и за что именно—повѣрьте мнѣ—вы больше всего и любите его? Иначе зачѣмъ бы вамъ было рыдать въ отчаяніи надъ трупомъ любимаго вами существа? — Вѣдь съ нимъ не умерло то, что было въ немъ лучшаго, благороднѣйшаго, что называли вы въ немъ духовнымъ и нравственнымъ,— а умерло только грубо-матеріальное, случайное?.. Но объ этомъ-то случайномъ и рыдаете вы горько, потому что воспоминанье о прекрасныхъ качествахъ человѣка не замѣнитъ вамъ человѣка, какъ умирающаго отъ голода не насытитъ воспоминаніе о роскошномъ столѣ, которымъ онъ недавно наслаждался. Я охотно соглашусь съ спиритуалистами, что мое сравненіе грубо, но зато оно вѣрно, а это для меня главное. Державинъ сказалъ:

Такъ! весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, въ потомствѣ будетъ жить [1]).

[1]) Въ печати цитата исправлена: „по смерти станетъ жить“.

Противъ дѣйствительности такого безсмертія нечего сказать, хотя оно и не утѣшитъ людей близкихъ поэту; но что̀ передаетъ поэтъ потомству въ своихъ созданіяхъ, если не свою личность? Не будь онъ личность больше, чѣмъ кто-нибудь, личность по преимуществу, его созданія были бы безцвѣтны и блѣдны. Отъ этого творенія каждаго великаго поэта представляютъ собою совершенно особенный, оригинальный міръ, и между Гомеромъ, Шекспиромъ, Байрономъ, Сервантесомъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Гёте и Жоржъ Зандомъ общаго только то, что всѣ они—великіе поэты...

Но что̀ же эта личность, которая дастъ реальность и чувству, и уму, и волѣ, и генію, и безъ которой все—или фантастическая мечта, или логическая отвлеченность? Я много могъ бы наговорить вамъ объ этомъ, читатели, но предпочитаю лучше откровенно сознаться вамъ, что чѣмъ живѣе созерцаю внутри себя сущность личности, тѣмъ менѣе умѣю опредѣлить ее словами. Это такая же тайна, какъ и жизнь: всѣ ее видятъ, всѣ ощущаютъ себя въ ея сферѣ [1]), и никто не скажетъ вамъ, что̀ она такое. Такъ точно ученые, хорошо зная дѣйствіе и силы дѣятелей природы, каковы электричество, гальванизмъ, магнетизмъ, и потому нисколько не сомнѣваясь въ ихъ существованіи, все-таки не умѣютъ сказать, что̀ они такое. Страннѣе всего, что все, что̀ мы можемъ сказать о личности, ограничивается тѣмъ, что она ничтожна передъ чувствомъ, разумомъ, волею, добродѣтелью, красотою и тому подобными вѣчными и непреходящими идеями; но что безъ нея, преходящаго и случайнаго явленія, не было бы ни чувства, ни ума, ни воли, ни добродѣтели, ни красоты, такъ же, какъ не было бы ни безчувственности, ни глупости, ни безхарактерности, ни порока, ни безобразія...

Что̀ *личность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣка, то̀ *народность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣчества. Другими словами: народности суть личности человѣчества. Безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ

---

[1]) Такъ въ рукописи; въ печати: въ нѣдрахъ.

отношеніи къ этому вопросу я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ, потому что, если первые и ошибаются [1]), то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ какъ такое-то изданіе такой-то логики... Но, къ счастью, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому...

Человѣческое присуще человѣку потому, что онъ—человѣкъ, но оно проявляется въ немъ не иначе, какъ, во-первыхъ, на основаніи его собственной личности и въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ его вмѣстить въ себѣ, а во-вторыхъ, на основаніи его національности. Личность человѣка есть исключеніе другихъ личностей, и по тому самому есть ограниченіе человѣческой сущности; ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни велика была его геніальность, никогда не исчерпаетъ самимъ собою не только всѣхъ сферъ жизни, но даже и одной какой-нибудь ея стороны [2]). Ни одинъ человѣкъ не только не можетъ замѣнить самимъ собою всѣхъ людей (т.-е. сдѣлать ихъ существованіе не нужнымъ), но даже и ни одного человѣка, какъ бы онъ ни былъ ниже его въ нравственномъ или умственномъ отношеніи, но всѣ и каждый необходимы всѣмъ и каждому. На этомъ и основано единство и братство человѣческаго рода. Человѣкъ силенъ и обезпеченъ только въ обществѣ, но, чтобы и общество въ свою очередь было сильно и обезпечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь—*національность*. Она есть самобытный результатъ соединенія людей, но не есть ихъ произведеніе: ни одинъ народъ не создалъ своей національности, какъ не создалъ самого себя. Это указываетъ на кровное, родовое происхожденіе всѣхъ національностей. Чѣмъ ближе

---

[1]) Зачеркнуто: „въ выводѣ, за то правы въ чувствѣ“.

[2]) Послѣ этого въ рукописи зачеркнуто: „Вотъ почему, напримѣръ, всякое отдѣльное искусство (поэзія, музыка, живопись), уже имѣвшее своихъ великихъ геніевъ, тѣмъ не менѣе въ правѣ ожидать ихъ и въ будущемъ. Скажемъ болѣе: такъ какъ всеобщей геніальности не бываетъ, но всякая геніальность болѣе или менѣе спеціальна, то и сила ея состоитъ не въ томъ, что она все, а въ томъ, что она только это. Но...“

человѣкъ или народъ къ своему началу, тѣмъ ближе онъ къ природѣ, тѣмъ болѣе онъ ея рабъ; тогда онъ не человѣкъ, а ребенокъ, не народъ, а племя. Въ томъ и другомъ человѣческое развивается по мѣрѣ ихъ освобожденія отъ естественной непосредственности. Этому освобожденію часто способствуютъ разныя внѣшнія причины; но человѣческое тѣмъ не менѣе приходитъ къ народу не извнѣ, а изъ него же самого, и всегда проявляется въ немъ національно.

Собственно говоря, борьба человѣческаго съ національнымъ есть не больше, какъ реторическая фигура; но въ дѣйствительности ея нѣтъ. Даже и тогда, когда прогрессъ одного народа совершается черезъ заимствованіе у другого, онъ тѣмъ не менѣе совершается національно. Иначе нѣтъ прогресса. Когда народъ поддается напору чуждыхъ ему идей и обычаевъ, не имѣя въ себѣ силы переработывать ихъ, силою [1]) собственной національности, въ собственную же сущность, — тогда онъ гибнетъ политически. На свѣтѣ много людей, извѣстныхъ подъ именемъ „пустыхъ“: они умны чужимъ умомъ, ни о чемъ не имѣютъ своего мнѣнія, а между тѣмъ и учатся, и слѣдятъ за всѣмъ на свѣтѣ. Пустота ихъ въ томъ и состоитъ, что они заимствуютъ цѣликомъ, и ихъ мозгъ не перевариваетъ чужой мысли, а передаетъ ее черезъ языкъ, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ принялъ ее. Это люди безличные, потому что чѣмъ человѣкъ личнѣе, тѣмъ способнѣе обращать чужое въ свое, т.-е. налагать на него отпечатокъ своей личности. Что человѣкъ безъ личности, то народъ безъ національности. Это доказывается тѣмъ, что всѣ націи, игравшія и играющія первыя роли въ исторіи человѣчества, отличались и отличаются наиболѣе рѣзкою національностью. Вспомните евреевъ, грековъ и римлянъ; посмотрите на французовъ, англичанъ, нѣмцевъ. Въ наше время народныя вражды и антипатіи погасли совершенно. Французъ уже не питаетъ ненависти къ англичанину только за то, что онъ — англичанинъ, и наоборотъ. Напротивъ, со дня на день болѣе и болѣе обнаруживается въ наше время

[1]) Такъ въ рукописи; въ печати „самодѣятельностью“.

сочувствіе и любовь народа къ народу. Это утѣшительное, гуманное явленіе есть результатъ просвѣщенія. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы просвѣщеніе сглаживало народности и дѣлало всѣ народы похожими одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Напротивъ, наше время есть по преимуществу время сильнаго развитія національностей. Французъ хочетъ быть французомъ и требуетъ отъ нѣмца, чтобы тотъ былъ нѣмцемъ, и только на этомъ основаніи и интересуется имъ. Въ такихъ точно отношеніяхъ находятся теперь другъ къ другу всѣ европейскіе народы. А между тѣмъ они нещадно заимствуютъ другъ у друга, нисколько не боясь повредить своей національности. Исторія говоритъ, что подобныя опасенія могутъ быть дѣйствительны только для народовъ нравственно-безсильныхъ и ничтожныхъ. Древняя Эллада была наслѣдницею всего предшествовавшаго ей древняго міра. Въ ея составъ вошли элементы египетскіе и финикійскіе, кромѣ основного пелазгическаго. Римляне приняли въ себя, такъ сказать, весь древній міръ, и все-таки остались римлянами, и если пали, то не отъ внѣшнихъ заимствованій, а оттого, что были послѣдними представителями исчерпавшаго всю жизнь свою древняго міра, долженствовавшаго обновиться черезъ христіанство и тевтонскихъ варваровъ. Французская литература долгое время рабски подражала греческой и латинской, наивно грабила ихъ заимствованіями,—и все-таки оставалась національно-французскою. Все отрицательное движеніе французской литературы XVIII в. вышло изъ Англіи; но французы до того умѣли усвоить его себѣ, наложивъ на него печать своей національности, что никто и не думаетъ оспаривать у ихъ литературы чести самобытнаго развитія. Нѣмецкая философія пошла отъ француза Декарта, нисколько не сдѣлавшись отъ этого французскою.

Раздѣленіе народа на противоположныя и враждебныя будто бы другъ другу большинство и меньшинство можетъ быть и справедливо со стороны логики, но рѣшительно ложно со стороны здраваго смысла. Меньшинство всегда выражаетъ собою большинство, въ хорошемъ или въ дурномъ смыслѣ. Еще страннѣе приписать большинству народа только дурныя

качества, а меньшинству—одни хорошія. Хороша была бы французская нація, если бы о ней стали судить по развратному дворянству временъ Людовика XV-го! Этотъ примѣръ указываетъ, что меньшинство скорѣе можетъ выражать собою болѣе дурныя, нежели хорошія стороны національности народа, потому что оно живетъ искусственною жизнію, когда противополагаетъ себя большинству, какъ что-то отдѣльное отъ него и чуждое ему. Это видимъ мы и въ современной намъ Франціи въ лицѣ bourgeoisie,—господствующаго теперь въ ней сословія. Что же касается до великихъ людей—они по преимуществу дѣти своей страны. Великій человѣкъ всегда національненъ, какъ его народъ, ибо онъ потому и великъ, что представляетъ собою свой народъ. Борьба генія съ народомъ не есть борьба человѣческаго съ національнымъ, а просто на просто—новаго со старымъ, идеи съ эмпиризмомъ, разума съ предразсудками. Масса всегда живетъ привычкою и разумнымъ, истиннымъ и полезнымъ считаетъ только то, къ чему привыкла. Она защищаетъ съ остервененіемъ то *старое*, противъ котораго вѣкомъ или менѣе назадъ съ остервененіемъ же боролась она, какъ противъ *новаго*. Противодѣйствіе массы генію необходимо: это съ ея стороны экзаменъ генію; если онъ возьметъ свое, ни на что несмотря, значитъ—онъ точно геній, т.-е. въ самомъ себѣ носитъ свое право дѣйствовать на судьбы своего отечества. Иначе всякій резонёръ, всякій мечтатель, всякій философъ, всякій маленькій великій человѣкъ сталъ бы обходиться съ народомъ, какъ съ лошадью, направляя его по волѣ своихъ прихотей и фантазій то въ ту, то въ другую сторону...

Нѣтъ никакой необходимости раздѣляться народу на самого себя, чтобы доставить себѣ источникъ новыхъ идей. Источникъ всего новаго есть старое; по крайней мѣрѣ старымъ приготовляется новое. Въ геніи не столько поражаетъ находчивость новаго, сколько смѣлость противопоставить его старому и произвести между ними борьбу на смерть. Необходимость нововведеній въ Россіи чувствовали еще предшественники Петра; она указывалась настоящимъ положеніемъ государства; но произвести реформу могъ только Петръ. Для

этого ему вовсе не нужно было предполагать себя во враждебныхъ отношеніяхъ къ своему народу, но, напротивъ, нужно было знать и любить его, сознавать свое кровное единство съ нимъ. Что̀ въ народѣ безсознательно живетъ какъ возможность, то въ геніи является какъ осуществленіе, какъ дѣйствительность. Народъ относится къ своимъ великимъ людямъ, какъ почва къ растеніямъ, которыя производитъ она. Тутъ единство, а не раздѣленіе, не двойственность. И, вопреки *силлогистамъ* (новое слово!), для великаго поэта нѣтъ большей чести, какъ быть въ высшей степени національнымъ, потому что иначе онъ и не можетъ быть великимъ. То̀, что̀ называютъ резонёры *человѣческимъ*, противополагая его *національному*, есть въ сущности *новое*, непосредственно и логически слѣдующее изъ *стараго*, хотя бы оно и было чистымъ его отрицаніемъ. Когда крайность какого-нибудь принципа доводится до нелѣпости, изъ нея одинъ естественный путь—переходъ въ противоположную крайность. Это въ натурѣ и человѣка, и народовъ. Слѣдовательно, источникъ всякаго прогресса, всякаго движенія впередъ заключается не въ двойственности народовъ, а въ человѣческой натурѣ, такъ же, какъ въ ней заключается и источникъ уклоненій отъ истины, коснѣнія и неподвижности.

Важность теоретическихъ вопросовъ зависитъ отъ ихъ отношенія къ дѣйствительности. То, что̀ для насъ, русскихъ, еще важные вопросы, давно уже рѣшено въ Европѣ, давно уже составляетъ тамъ простыя истины жизни, въ которыхъ никто не сомнѣвается, о которыхъ никто не споритъ, въ которыхъ всѣ согласны. И—что̀ всего лучше—эти вопросы рѣшены тамъ самою жизнію, или если теорія и имѣла участіе въ ихъ рѣшеніи, то при помощи дѣйствительности.—Но это нисколько не должно отнимать у насъ смѣлости и охоты заниматься рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, потому что пока не рѣшимъ мы ихъ сами собою и для самихъ себя, намъ не будетъ никакой пользы въ томъ, что они рѣшены въ Европѣ. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы тѣ же,

да не тѣ, и требуютъ другого рѣшенія. Теперь Европу занимаютъ новые великіе вопросы. Интересоваться ими, слѣдить за ними намъ можно и должно, ибо ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми. Но въ то же время для насъ было бы вовсе безплодно принимать эти вопросы, какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что̀ примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ, и мы стали бы играть роль донъ-Кихотовъ, горячась изъ нихъ [1]). Этимъ мы [2]) заслужили бы скорѣе насмѣшки европейцевъ, нежели ихъ уваженіе. У себя, въ себѣ, вокругъ себя, вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ, и ихъ рѣшенія. Это направленіе будетъ плодотворно, если и не будетъ блестяще. И начатки этого направленія видимъ мы въ современной русской литературѣ, а въ нихъ—близость ея зрѣлости и возмужалости. Въ этомъ отношеніи литература наша дошла до такого положенія, что ея успѣхи въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодовитѣе будетъ ея развитіе. Какъ бы то ни было, но если она еще не достигла своей зрѣлости, она уже нашла, нащупала, такъ сказать, прямую дорогу къ ней,—а это великій успѣхъ съ ея стороны.

Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ признаковъ зрѣлости современной русской литературы—это роль, которую играетъ въ ней стихотворная поэзія. Бывало, стихи и стишки составляли отраду и утѣшеніе нашей публики. Ихъ читали, перечитывали, учили наизусть, покупали, не жалѣя денегъ, или переписывали въ тетради. Новая поэма въ стихахъ, отрывокъ изъ поэмы, новое стихотвореніе, появившееся въ журналѣ или альманахѣ,—все это пользовалось привилегіею производить шумъ, толки, восторги, споры и т. п. Стихотворцы являлись

---

[1]) Въ печати: „изъ него“.

[2]) Перерывъ въ рукописи: не достаетъ 45 листа.

безъ счету, росли, какъ грибы послѣ дождя. Теперь не то. Стихи играютъ второстепенную въ сравненіи съ прозою роль. Ихъ читаютъ будто нехотя, едва замѣчаютъ, хладнокровно похваливаютъ хорошее и ничего не говорятъ о посредственномъ. Стихотворцевъ, противъ прежняго, стало теперь несравненно меньше. Изъ этого многіе заключили, будто вѣкъ поэзіи миновался для русской литературы, что поэзія скрылась отъ насъ чуть ли не навсегда. Мы такъ, напротивъ, видимъ [1]) въ этомъ скорѣе торжество, нежели упадокъ русской поэзіи. Что̀ поколебало, а потомъ и вовсе изгнало манію стихописанія и стихочтенія?—Прежде всего появленіе Гоголя, потомъ появленіе въ печати посмертныхъ сочиненій Пушкина и, наконецъ, явленіе Лермонтова. Поэтическую дѣятельность Пушкина можно раздѣлить на два періода: въ первомъ она является прекрасною, но еще не глубокою, не установившеюся, еще доступною для копированія и подражанія; во второмъ мы видимъ ее на неприступной высотѣ художественной зрѣлости, глубины, могущества; тутъ уже нельзя копировать ее, нельзя подражать ей. Талантъ Лермонтова съ перваго же своего дебюта обратилъ на себя всеобщее вниманіе, отбилъ у всѣхъ и у всякаго охоту подражать ему. Послѣ этого доступъ къ поэтической славѣ сдѣлался очень труденъ, такъ что талантъ, который прежде могъ бы играть блестящую роль, теперь долженъ ограничиться болѣе скромнымъ положеніемъ. Это значитъ, что вкусъ публики къ стихамъ сдѣлался разборчивѣе, требованія строже: а это, конечно, успѣхъ, а не упадокъ вкуса. Теперь нуженъ новый Пушкинъ, новый Лермонтовъ, чтобы книжка стихотвореній привела въ восторгъ всю публику, въ движеніе—всю литературу. Но уже теперь сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ для господъ поэтовъ обращать на себя вниманіе или пріобрѣтать славу или извѣстность хоть на волосъ выше той мѣры, въ какой они дѣйствительно заслуживаютъ, по своему таланту, вниманія, славы или извѣстности. Талантъ теперь всегда будетъ оцѣненъ, и его успѣхъ уже не зависитъ ни отъ покровительства, ни отъ преслѣдо-

[1]) Здѣсь опять начинается рукопись (съ 46 листа).

ванія журналовъ (если еще чѣмъ могутъ они повредить ему, такъ развѣ молчаніемъ, но уже не похвалами и не бранью); онъ будетъ замѣченъ и оцѣненъ, но не иначе, какъ по мѣрѣ его истиннаго достоинства—ни больше, ни меньше.

Въ прошломъ 1846 году вышли стихотворенія гг. *Григорьева, Полонскаго, Лизандера, Плещеева*, г-жи Юліи *Жадовской, Троянъ и Ангелица* г. Вельтмана—что-то въ родѣ дѣтской сказки не то въ стихахъ, не то въ мѣрной прозѣ; *Слово о Полку Игоря*, передѣланное г. Минаевымъ на поэму во вкусѣ не древности, не старины, а того недавняго времени, когда была мода на поэмы. Это въ сущности не больше, какъ распространеніе или разжиженіе довольно бойкими стихами довольно короткаго и сжатаго *Слова о Полку Игоревомъ*. Мы рады будемъ, если попытка г. Минаева понравится публикѣ; но что̀ до насъ собственно касается, намъ такъ нравится *Слово о Полку Игоревомъ* въ его настоящемъ видѣ, что мы не можемъ безъ непріятнаго чувства смотрѣть на его передѣлки. Намъ кажется, что его вовсе не нужно ни измѣнять, ни переводить, ни перелагать; но довольно замѣнить въ немъ слишкомъ обветшалыя и непонятныя слова болѣе новыми и понятными, хотя и взятыми же изъ народнаго языка. Мы назвали стихи г. Минаева бойкими; прибавимъ къ этому, что они еще столько же фразисты, сколько и восторженны, и что въ нихъ больше реторики, нежели поэзіи. г. Минаевъ—энтузіастическій поклонникъ *Слова о Полку Игоревомъ;* въ его глазахъ оно чуть ли не выше всей русской поэзіи отъ Ломоносова до Лермонтова включительно. Это изъясняетъ онъ въ послѣсловіи къ стихотворному труду своему, которое носитъ слѣдующее наивно-семинарское названіе: „Для любознательныхъ отроковицъ и юношей“.

Стихотворенія г-жи Юліи Жадовской были превознесены почти всѣми нашими журналами. Дѣйствительно, въ этихъ стихотвореніяхъ нельзя отрицать чего-то въ родѣ поэтическаго таланта. Жаль только, что источникъ вдохновенія этого таланта не жизнь, а мечта, и что поэтому онъ не имѣетъ никакого отношенія къ жизни и бѣденъ поэзіею. Это, впрочемъ, выходитъ изъ отношеній г-жи Жадовской къ обществу, какъ жен-

щины. Вотъ стихотвореніе, которое вполнѣ объясняетъ это положеніе:

Меня гнететъ тоски недугъ;
Мнѣ скучно *въ этомъ мірѣ*, другъ;
Мнѣ надоѣли сплетни, вздоръ—
Мужчинъ ничтожный разговоръ,
Смѣшной, нелѣпый женщинъ толкъ,
Ихъ выписные бархатъ, шолкъ,
Ума и сердца пустота
И накладная красота.
Мірскихъ суетъ я не терплю,
Но Божій міръ душой люблю,
Но вѣчно будутъ милы мнѣ—
И звѣздъ мерцанье въ вышинѣ,
И шумъ развѣсистыхъ деревъ,
И зелень бархатныхъ луговъ,
И водъ прозрачная струя,
И въ рощѣ тьсни соловья.

Нужно слишкомъ много смѣлости и геронзма, чтобы женщина, такимъ образомъ отстраненная или отстранившаяся отъ общества, не заключилась въ ограниченный кругъ мечтаній, но ринулась бы въ жизнь для борьбы съ нею, если не для наслажденія, котораго возможности не видитъ въ ней. Г-жа Жадовская предпочла этому трудному шагу безмятежное смотрѣніе на небо и звѣзды. Почти въ каждомъ своемъ стихотвореніи не спускаетъ она глазъ съ неба и звѣздъ, но новаго ничего тамъ не замѣтила. Это не то, что Леверье, который открылъ тамъ планету *Нептунъ*, до него никѣмъ не знаемую. Леверье больше поэтъ, чѣмъ г-жа Жадовская, хоть онъ и не пишетъ стиховъ. Охотно согласимся съ тѣми, кто найдетъ наше сближеніе неумѣстнымъ или натянутымъ, но все-таки скажемъ, что смотрѣть на небо и не видѣть въ немъ ничего, кромѣ общихъ фразъ съ риѳмами или безъ риѳмъ— плохая поэзія! Да и что путнаго можетъ увидѣть въ небѣ поэтъ нашего времени, если онъ совершенно чуждъ самыхъ общихъ физическихъ и астрономическихъ понятій и не знаетъ, что этотъ голубой куполъ, плѣняющій его глаза, не существуетъ въ дѣйствительности, но есть произведеніе его же собственнаго зрѣнія, ставшаго центромъ видимой имъ сфери-

ческой окружности; что тамъ на высотѣ, куда ему такъ хочется, и пусто, и холодно, и нѣтъ воздуха для дыханія, что отъ звѣзды до звѣзды и въ тысячу лѣтъ не долетишь на лучшемъ аэростатѣ... То ли дѣло земля!—на ней намъ и свѣтло, и тепло, на ней все наше, все близко и понятно намъ, на ней наша жизнь и наша поэзія... Зато кто отворачивается отъ нея, не умѣя понимать ее, тотъ не можетъ быть поэтомъ и можетъ ловить въ холодной высотѣ однѣ холодныя и пустыя фразы...

Изъ поименованныхъ нами стихотворныхъ книжекъ, вышедшихъ въ прошломъ году, замѣчательнѣе другихъ *Стихотворенія Аполлона Григорьева*. Въ нихъ, по крайней мѣрѣ, есть хоть блестки *дѣльной* поэзіи, т.-е. такой поэзіи, которою не стыдно заниматься, какъ дѣломъ. Жаль, что этихъ блестокъ немного: ими обязанъ былъ г. Григорьевъ вліянію на него Лермонтова; но это вліяніе исчезаетъ въ немъ все больше и больше и переходитъ въ самобытность, которая вся заключается въ туманно-мистическихъ фразахъ, при чтеніи которыхъ невольно приходитъ на память эпиграмма Дмитріева:

Ужъ подлинно Бибрусъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ бо его никто не разумѣлъ.

Вотъ самобытность, которая не стоитъ даже подражательности!

Но истиннымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы вообще было вышедшее въ прошломъ году изданіе стихотвореній Кольцова. Несмотря на то, что эти стихотворенія всѣ были уже напечатаны и прочтены въ альманахахъ и журналахъ,—они производятъ впечатлѣніе новости, потому именно, что собраны вмѣстѣ и даютъ читателю понятіе о всей поэтической дѣятельности Кольцова, представляя собою нѣчто цѣлое. Эта книжка—капитальное, классическое пріобрѣтеніе русской литературы, не имѣющее ничего общаго съ тѣми эфемерными явленіями, которыя, даже и не будучи лишены относительныхъ достоинствъ, перелистываются, какъ новость, для того, чтобы быть потомъ забытыми. Въ наше время стихотворный талантъ ни почемъ—вещь очень обыкновенная; чтобы онъ чего-нибудь стоилъ, ему нужно быть не просто талан-

томъ, но еще большимъ талантомъ, вооруженнымъ самобытною мыслію, горячимъ сочувствіемъ къ жизни, способностію глубоко понимать ее. Благодаря толкамъ журналовъ, нѣкоторые маленькіе таланты кое-какъ поняли это по своему и стали на заглавныхъ листкахъ своихъ книжекъ ставить эпиграфы, во свидѣтельство, что ихъ поэзія отличается современнымъ направленіемъ, да еще латинскіе, въ родѣ слѣдующаго: Homo sum, et nihil humani a me alienum, puto. Но ни ученость, ни образованіе, ни латинскіе эпиграфы, ни даже дѣйствительное знаніе латинскаго языка не дадутъ человѣку того, чего не дала ему природа, и такъ называемое „современное направленіе“ поэтовъ извѣстнаго разряда всегда будетъ только „плѣнной мысли раздраженіемъ“...

Вотъ отчего полуграмотный прасолъ Кольцовъ, безъ науки и образованія, нашелъ средство сдѣлаться необыкновеннымъ и самобытнымъ поэтомъ. Онъ сдѣлался поэтомъ, самъ не зная какъ, и умеръ съ искреннимъ убѣжденіемъ, что если ему и удалось написать двѣ, три порядочныя пьески, все-таки онъ былъ поэтъ посредственный и жалкій... Восторги и похвалы друзей не много дѣйствовали на его самолюбіе... Будь онъ живъ теперь, онъ въ первый разъ вкусилъ бы наслажденіе увѣрившагося въ самомъ себѣ достоинства; но судьба отказала ему въ этомъ законномъ вознагражденіи за столько мукъ и сомнѣній...

Такъ какъ мы не можемъ сказать о поэзіи Кольцова ничего, кромѣ того, что́ уже высказано объ этомъ предметѣ въ статьѣ: *О жизни и сочиненіяхъ Кольцова*, вошедшей въ составъ изданія его сочиненій, то и отсылаемъ къ ней тѣхъ, которые не читали ея, но хотѣли бы знать наше мнѣніе о талантѣ Кольцова и его значеніи въ русской литературѣ [1]).

Изъ стихотворныхъ произведеній, появившихся не отдѣльно, а въ разныхъ изданіяхъ прошлаго года, замѣчательны: *Помѣщикъ*, разсказъ (въ *Петербургскомъ Сборникѣ*), и *Андрей*, поэма (въ *Отечественныхъ Запискахъ*) г. Тургенева; *Машенька*, поэма г. Майкова (въ *Петербургскомъ Сборникѣ*);

---

[1]) Дальше перерывъ въ рукописи: не достаетъ 51 листа.

Макбетъ Шекспира, переводъ г. Кронеберга стихами и прозою. Замѣчательныхъ мелкихъ стихотвореній въ прошломъ году, какъ и вообще въ послѣднее время, было очень мало. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ гг. Майкову, Тургеневу и Некрасову. О стихотвореніяхъ послѣдняго мы могли бы сказать болѣе, если бы этому рѣшительно не препятствовали его отношенія къ *Современнику*...

Кстати о стихотворныхъ переводахъ классическихъ произведеній. Г. А. Григорьевъ перевелъ Софоклову *Антигону* (*Библіотека для чтенія*, № 8). За многими изъ нашихъ литераторовъ водится замашка говорить съ таинственною важностію о вещахъ давнымъ давно извѣстныхъ и приниматься съ самоувѣренностію за совершенно чуждую имъ работу. Г. Григорьевъ объявляетъ въ небольшомъ предисловіи къ своему переводу, что онъ со временемъ „изложитъ свой взглядъ на греческую трагедію“, взглядъ, „особенное начало котораго есть, *впрочемъ*, непосредственная связь ея съ ученіемъ древнихъ мистерій“. Да это знаютъ дѣти въ низшихъ классахъ гимназій! Вотъ, напримѣръ, идея, что въ *одной* „Антигонѣ“ является борьба двухъ началъ человѣческой жизни—*личнаго* права и долга противъ *общаго* права и долга, и что, слѣдовательно, „въ *Антигонѣ* „изъ-за древнихъ формъ вѣетъ предчувствіемъ иной жизни“ — эта идея принадлежитъ исключительно Григорьеву, и мы охотно готовы оставить ее за нимъ. Что̀ касается до самой *Антигоны*, то едва ли Софоклъ—*аттическая пчела* — узналъ бы себя въ этомъ торопливомъ, исполненномъ претензій и крайне невѣрномъ переводѣ Григорьева. Величавый древній сенаръ (шестистопный ямбъ) превратился въ какую-то рубленую, неправильную прозу, напоминающую новѣйшія „драматическія представленія“ нашихъ доморощенныхъ драматурговъ; мелодическіе хоры являются пустозвоннымъ наборомъ словъ, часто лишенныхъ всякаго смысла; о древнемъ колоритѣ, характеристикѣ каждаго отдѣльнаго лица нѣтъ и помина [1]). Спрашивается, для чего и для

[1]) Нечего говорить о безчисленныхъ промахахъ; по мнѣнію Григорьева, А′ресъ (Марсъ) должно выговаривать Арѣсъ, и пр.

кого трудился Григорьевъ? Развѣ для того, чтобы отбить у насъ и безъ того не слишкомъ сильную охоту къ классической старинѣ, съ которою онъ такъ необдуманно обошелся?... [1])

По части беллетристической прозы отдѣльными изданіями вышли въ прошломъ году только два сочиненія: *Брынскій лѣсъ, эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго*, романъ г. Загоскина, и вторая часть *Петербургскихъ Вершинъ*, г. Буткова.

Новый романъ Загоскина отличается всѣми, какъ дурными, такъ и хорошими сторонами его прежнихъ романовъ. Отчасти это новое, не помнимъ уже которое счетомъ, подражаніе Загоскина своему первому роману — *Юрію Милославскому*. Но герой послѣдняго романа еще безцвѣтнѣе и безличнѣе, нежели герой перваго. О героинѣ нечего и говорить: это вовсе не женщина, а тѣмъ менѣе русская женщина конца XVII столѣтія. По своей завязкѣ *Брынскій лѣсъ* напоминаетъ сантиментальные романы и повѣсти прошлаго вѣка. Стрѣлецкій сотникъ Лёвшинъ *романически* влюбляется въ какую-то неземную дѣву, съ которой сводитъ его судьба на постояломъ дворѣ. Изъ первой же части романа узнаете вы, что у боярина Буйносова пропала малолѣтняя дочь въ Брынскомъ лѣсу, гдѣ онъ остановился проѣздомъ отдохнуть съ своею холопскою свитою, состоявшею человѣкъ изъ пятидесяти. Узнавши это, вы сейчасъ догадываетесь, что идеальная дѣва, плѣнившая Лёвшина, есть дочь Буйносова, а вмѣстѣ съ тѣмъ узнаёте, что̀ будетъ далѣе въ романѣ и чѣмъ онъ кончится. Любовь двухъ голубковъ высказывается избитыми фразами дюжинныхъ романовъ прошлаго вѣка,—фразами, которыя ни коимъ образомъ не могли бы войти въ голову русскаго человѣка послѣдней половины XVII столѣтія, когда еще не появлялась и знаменитая книжица, рекомая: *Приклады, како пишутся всякіе комплименты, и пр.* [2]). Къ слабымъ сторонамъ романа принадлежитъ

[1]) Здѣсь опять начинается рукопись (52-й листъ).

[2]) Въ печати заглавіе это дано въ полномъ видѣ: „Приклады, како пишутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ, т.-е. писанія отъ потентатовъ къ потентатамъ, поздравительныя и сожалѣтельныя и иныя; такожде между сродниковъ и пріятелей“.

и его направленіе, происходящее отъ охоты автора приходить въ восторгъ отъ всякихъ старинныхъ обычаевъ и нравовъ, даже самыхъ нелѣпыхъ, невѣжественныхъ и варварскихъ, и ими, кстати и некстати, колоть глаза современнымъ обычаямъ и нравамъ. Впрочемъ, это недостатокъ не важный: гдѣ авторъ рисуетъ старину неправдоподобно, невѣрно, слабо, тамъ онъ, разумѣется, не производитъ на читателя никакого впечатлѣнія, кромѣ скуки; тамъ же, гдѣ онъ изображатъ *доброе старое время* въ его истинномъ видѣ, какъ писатель съ талантомъ, — тамъ онъ всегда достигаетъ результата, совершенно противоположнаго тому, котораго добивается, т. е. разубѣждаетъ читателя именно въ томъ, въ чемъ хочетъ его убѣдить, и наоборотъ. И это лучшія страницы романа, написанныя съ замѣчательнымъ талантомъ и отличающіяся большимъ интересомъ, какъ, напр., картина Земскаго приказа и достойнаго подьяка, Ануфрія Трифоныча; разсказъ приказчика Буйносова о пропажѣ его дочери въ глазахъ семи нянекъ и полусотни челядинцевъ, а главное—картина третейскаго суда на татарскій манеръ, — суда, гдѣ, въ лицѣ боярина Курадавлева и пришедшихъ къ нему судиться двухъ мужиковъ, выказывается вся прелесть старинныхъ нравовъ. Къ числу хорошихъ сторонъ новаго романа Загоскина должно отнести еще вообще не дурно, а мѣстами и прекрасно очерченные характеры раскольниковъ: Андрея Поморянина, старца Пафнутія, отца Филиппа и Волосатаго старца, и боярина Курадавлева, добровольнаго мученика мѣстнической спѣси. Но всѣхъ ихъ лучше обрисованъ Андрей Поморянинъ. Нельзя не пожалѣть, что Загоскинъ занимаетъ въ своемъ романѣ вниманіе читателя больше безцвѣтною и скучною любовью своего героя, нежели картинами нравовъ и историческихъ событій этой интересной эпохи. Языкъ новаго романа Загоскина, какъ и всѣхъ прежнихъ его романовъ, вездѣ ясенъ, простъ, плавенъ, мѣстами одушевленъ и живъ.

Вторая книга *Петербургскихъ Вершинъ* г. Буткова показалась намъ гораздо лучше первой, хотя и первую мы не нашли дурною. По нашему мнѣнію, у г. Буткова нѣтъ таланта для романа и повѣсти, и онъ очень хорошо дѣлаетъ,

оставаясь всегда въ предѣлахъ, имъ же созданнаго особеннаго [1]) рода дагерротипическихъ разсказовъ и очерковъ. Это не творчество, не поэзія, но въ этомъ есть свое творчество, своя поэзія. Разсказы и очерки г. Буткова относятся къ роману и повѣсти, какъ статистика къ исторіи, какъ дѣйствительность къ поэзіи. Въ нихъ мало фантазіи, зато много ума и сердца; мало юмору, зато много иронiи и остроумія, источникъ которыхъ симпатичная душа. Можетъ быть талантъ г. Буткова одностороненъ и не отличается особеннымъ объемомъ, но дѣло въ томъ, что можно имѣть талантъ и многостороннѣе, и больше таланта г. Буткова—и напоминать намъ о существованіи то того, то другого, еще бо́льшаго таланта; тогда какъ талантъ г. Буткова никого не напоминаетъ—онъ совершенно самъ по себѣ. Онъ никому не подражаетъ, и никто не могъ бы безнаказанно подражать ему. Вотъ почему особенно любуемся мы талантомъ г. Буткова и уважаемъ его. Разсказы, очерки, анекдоты—называйте ихъ, какъ хотите—г. Буткова представляютъ собой какой-то особенный родъ литературы, доселѣ небывалый.

Съ большимъ удовольствіемъ замѣтили мы, что въ этой второй книжкѣ г. Бутковъ рѣже впадаетъ въ каррикатуру, меньше употребляетъ странныхъ словъ, что языкъ сталъ точнѣе, опредѣленнѣе, а содержаніе еще болѣе прониклось мыслію и истиною, чѣмъ было все это въ первой книжкѣ. Это значитъ идти впередъ. Отъ души желаемъ, чтобы третья книжка *Петербурскихъ Вершинъ* поскорѣе вышла.

Обращаясь къ замѣчательнымъ произведеніямъ беллетристической прозы, являвшимся въ сборникахъ и журналахъ прошлаго года, — взглядъ нашъ прежде всего встрѣчаетъ *Бѣдныхъ Людей*, романъ, вдругъ доставившій большую извѣстность до того времени совершенно неизвѣстному въ литературѣ имени. Впрочемъ объ этомъ произведеніи было такъ много говорено во всѣхъ журналахъ, что новые подробные толки о немъ уже не могутъ быть интересны для публики.

---

[1]) Въ рукописи четыре послѣднія слова зачеркнуты и чужою рукой исправлено: свойственнаго ему одному.

И потому мы не будемъ слишкомъ распространяться объ этомъ предметѣ [1]). Сила, глубина и оригинальность таланта г. Достоевскаго была признана тотчасъ же всѣми, и — что̀ еще важнѣе — публика тотчасъ же обнаружила ту неумѣренную требовательность въ отношеніи къ таланту г. Достоевскаго и ту неумѣренную нетерпимость къ его недостаткамъ, которыя имѣетъ свойство возбуждать только необыкновенный [2]) талантъ. Почти всѣ единогласно нашли въ *Бѣдныхъ Людяхъ* г. Достоевскаго способность утомлять читателя, даже восхищая его, и приписали это свойство одни—растянутости, другіе—неумѣренной плодовитости. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что еслибы *Бѣдные Люди* явились хотя десятою долею въ меньшемъ объемѣ, и авторъ имѣлъ бы предусмотрительность поочистить свой романъ отъ излишнихъ повтореній однихъ и тѣхъ же фразъ и словъ,—это произведеніе явилось бы безукоризненно-художественнымъ. Во второй книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* г. Достоевскій вышелъ на судъ заинтересованной имъ публики со вторымъ своимъ романомъ—*Двойникъ. Приключеніе господина Голядкина*. Хотя первый дебютъ молодого писателя уже достаточно угладилъ ему дорогу къ успѣху, однако должно сознаться, что *Двойникъ* не имѣлъ никакого успѣха въ публикѣ. Если еще нельзя на этомъ основаніи осудить второе произведеніе г. Достоевскаго, какъ неудачное, и еще менѣе, какъ неимѣющее никакихъ достоинствъ,—то нельзя также и признать судъ публики вовсе [3]) неосновательнымъ. Въ *Двойникѣ* авторъ обнаружилъ огромную [4]) силу творчества; характеръ героя принадлежитъ къ числу самыхъ глубокихъ и

---

[1]) Зачеркнуто: „необыкновенный талантъ г. Достоевскаго, талантъ глубокій... Въ русской литературѣ еще не было примѣра такъ скоро, такъ быстро сдѣланной славы, какъ слава г. Достоевскаго“. Послѣдняя фраза нѣсколько измѣнена: „... такого быстраго успѣха, какой имѣлъ (имелъ) г. Достоевскій при *первомъ* своемъ появленіи“. Поправка эта сдѣлана была чужою рукой.

[2]) Чужою рукой исправлено: „сильный“.

[3]) Это слово въ рукописи зачеркнуто, но, судя по черниламъ и ближайшимъ поправкамъ,—чужою рукой.

[4]) Въ рукописи: „огромную“ зачеркнуто и чужою рукой написано: „замѣчательную“, какъ и напечатано въ журналѣ.

смѣлыхъ концепцій, какими только можетъ похвалиться русская литература [1]); ума и [2]) истины въ этомъ произведеніи бездна, художественнаго мастерства тоже [3]); но вмѣстѣ съ этимъ тутъ видно страшное неумѣнье владѣть и распоряжаться экономически избыткомъ собственныхъ силъ. Все, что въ *Бѣдныхъ Людяхъ* было извинительными для первадо опыта недостатками, въ *Двойникѣ* явилось чудовищными недостатками, и это все заключается въ одномъ: въ неумѣньѣ автора, слишкомъ богатаго силами таланта [4]), опредѣлять разумную мѣру и границы художественному развитію задуманной имъ идеи [5]). Попробуемъ объяснить нашу мысль примѣромъ. Гоголь такъ глубоко и живо концепировалъ идею характера Хлестакова, что легко бы могъ сдѣлать его героемъ еще цѣлаго десятка комедій [6]), въ которыхъ Иванъ Александровичъ являлся бы вѣрнымъ самому себѣ, хотя и совершенно въ новыхъ положеніяхъ: какъ женихъ, мужъ, отецъ семейства, помѣщикъ, старикъ и т. д. Эти комедіи, нѣтъ сомнѣнія, были бы такъ же превосходны, какъ и *Ревизоръ*, но уже такого, какъ онъ, успѣха имѣть не могли бы, а скорѣе бы наскучили, нежели нравились, потому что все уха да уха, хотя бы и *Демья-*

---

[1]) Въ рукописи вмѣсто зачеркнутой фразы:—„принадлежитъ... русская литература“—исправлено чужою рукою: „концепированъ глубоко и смѣло“. Такъ и въ печати.

[2]) Слова: „ума и“ зачеркнуты въ рукописи и не вошли въ текстъ „Современника“.

[3]) Слово: „бездна“ зачеркнуто въ рукописи и вмѣсто него чужою рукою надписано: „много“; такъ и въ печати. Слова: „художественнаго мастерства тоже“ въ рукописи зачеркнуты, въ „Современникѣ“ не напечатаны, но въ собраніи сочиненій возстановлены.

[4]) Въ рукописи слова: „въ неумѣньѣ... таланта“ зачеркнуты и чужою рукой надписано: „въ неумѣньѣ автора“; такъ и напечатано въ „Современникѣ“. Въ собраніи сочиненій фраза не вполнѣ возстановлена.

[5]) Въ рукописи зачеркнута неконченная фраза: „Излишнее повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ и словъ тутъ недостатокъ второстепенный, неизбѣжно вытекающій изъ перваго и притомъ...“

[6]) Въ рукописи зачеркнута неконченная фраза: еще цѣлаго десятка—„такихъ же превосходныхъ, какъ и *Ревизоръ* комедій, въ каждой изъ нихъ выводя Хлестакова въ новомъ положеніи. Во всѣхъ этихъ десяти новыхъ комедіяхъ Хлестаковъ, выведенный въ различныхъ положеніяхъ и постепенностяхъ возраста, до глубокой старости“...

нова, пріѣдается. Какъ скоро поэтъ выразилъ своимъ произведеніемъ идею, его дѣло сдѣлано, и онъ долженъ оставить въ покоѣ эту идею, подъ опасеніемъ наскучить ею. Другой примѣръ на тотъ же предметъ: что́ можетъ быть лучше двухъ сценъ, выключенныхъ Гоголемъ изъ его комедіи, какъ замедлявшихъ ея теченіе? Сравнительно, онѣ не уступаютъ въ достоинствѣ ни одной изъ остальныхъ сценъ комедіи: почему же онъ выключилъ ихъ?—Потому, что онъ въ высшей степени обладаетъ тактомъ художественной мѣры и не только знаетъ, съ чего начать и гдѣ остановиться, но и умѣетъ развить предметъ ни больше, ни меньше того, сколько нужно. Мы знаемъ, что г. Достоевскій выключилъ изъ *Двойника* одну прекрасную сцену, чувствуя самъ, что его романъ вышелъ ужъ черезъ чуръ длиненъ, и мы убѣждены, что если бы онъ укоротилъ его по крайней мѣрѣ цѣлою третью, не жалѣя выкидывать хорошаго, тогда успѣхъ его былъ бы другой [1]). Но въ *Двойникѣ* есть еще и другой существенный недостатокъ: это его фантастическій колоритъ. Фантастическое въ наше время можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находиться въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ *Двойника* оцѣнили только немногіе диллетанты искусства, для которыхъ литературныя произведенія составляютъ предметъ не одного наслажденія, но и изученія. Публика же состоитъ не изъ диллетантовъ, а изъ обыкновенныхъ читателей, которые читаютъ только то̀, что́ имъ непосредственно нравится, не разсуждая, почему имъ это нравится, и тотчасъ закрываютъ книгу, какъ скоро она начинаетъ ихъ утомлять, тоже не давая себѣ отчета, почему она имъ не по вкусу. Произведеніе, которое нравится знатокамъ и не нравится большинству, можетъ имѣть свои достоинства, но истинно хорошее произведеніе есть то, которое нравится обѣимъ сторонамъ, или по крайней мѣрѣ, нравясь первой, читается и второю; Гоголь не всѣмъ нравился, да прочли-то его всѣ....

[1]) Исправлено чужою рукой: „Мы убѣждены, что еслибъ Достоевскій укоротилъ своего *Двойника* по крайней мѣрѣ цѣлою третью, повѣсть его могла бы имѣть успѣхъ“.

Въ десятой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ появилось третье произведеніе г. Достоевскаго, повѣсть *Господинъ Прохарчинъ*, которая всѣхъ почитателей таланта г. Достоевскаго привела въ непріятное изумленіе. Въ ней сверкаютъ яркія искры большого [1]) таланта, но въ такой густой темнотѣ, что ихъ свѣтъ ничего не даетъ разсмотрѣть читателю... Сколько намъ кажется, не вдохновеніе, не свободное и наивное творчество породило эту странную повѣсть, а что-то въ родѣ... какъ бы это сказать?—не то умничанья, не то претензіи... Можетъ быть мы и ошибаемся, но почему жъ бы въ такомъ случаѣ быть ей такою вычурною, манерною, непонятною, какъ будто бы какое-нибудь истинное, но странное и запутанное происшествіе, а не поэтическое созданіе? [2]) Въ искусствѣ не должно быть ничего темнаго и непонятнаго; его произведенія тѣмъ и выше такъ называемыхъ „истинныхъ происшествій“, что поэтъ освѣщаетъ пламенникомъ своей фантазіи всѣ сердечные изгибы своихъ героевъ, всѣ тайныя причины ихъ дѣйствій, снимаетъ съ разсказываемаго имъ событія все случайное, представляя нашимъ глазамъ одно необходимое, какъ неизбѣжный результатъ достаточной причины. Мы не говоримъ уже о замашкѣ автора часто повторять какое-нибудь особенно удавшееся ему выраженіе (какъ, напримѣръ: *Прохарчинъ мудрецъ!)* и тѣмъ ослаблять силу его впечатлѣнія: это уже недостатокъ второстепенный и, главное, поправимый [3]). Замѣтимъ мимоходомъ, что у Гоголя нѣтъ

[1]) Слова: „яркія“, „большого“—зачеркнуты, но, повидимому, не самимъ Бѣлинскимъ, какъ можно думать по другимъ поправкамъ.

[2]) Вся эта фраза была сильно измѣнена чужою рукой опять въ смыслѣ усиленія неблагопріятнаго отзыва о Достоевскомъ. Здѣсь возстановленъ первоначальный текстъ.

[3]) Въ рукописи эта фраза исправлена чужою рукой такъ: ...силу его впечатлѣнія; „не говоримъ также о безпрестанно встрѣчающихся и совершенно натянутыхъ фразахъ, въ родѣ: *гвоздыревый* ты человѣкъ, *тузовый* ты человѣкъ и т. д.; это уже недостатки второстепенные и, главное, исправимые“. Такъ и напечатано въ „Современникѣ“, но въ собраніи сочиненій возстановленъ текстъ Бѣлинскаго. Кромѣ того, въ журналѣ совсѣмъ опущены двѣ послѣдующія фразы, до конца абзаца; въ рукописи онѣ зачеркнуты, очевидно, чужою рукой.

такихъ повтореній. Конечно мы не въ правѣ требовать отъ произведенія Достоевскаго совершенства произведеній Гоголя; но тѣмъ не менѣе думаемъ, что большому таланту весьма полезно пользоваться примѣромъ еще бо́льшаго.

Къ замѣчательнымъ произведеніямъ легкой литературы прошлаго года принадлежатъ помѣщенныя въ *Отечественныхъ Запискахъ* повѣсти: *Небывалое въ былом*ъ, *или былое въ небывалом*ъ Луганскаго, и *Деревня* г. Григоровича. Оба эти произведенія имѣютъ между собою то общее свойство, что они интересны не какъ повѣсти, а какъ мастерскіе физіологическіе очерки бытовой стороны жизни. Мы не скажемъ, чтобы собственно повѣсть Луганскаго не имѣла интереса; мы хотимъ только сказать, что она гораздо интереснѣе своими отступленіями и аксессуарами, нежели своей романическою завязкою. Такъ, напримѣръ, превосходная картина избы съ рѣзными окнами, въ сравненіи съ малороссійскою хатою, лучше всей повѣсти, хотя входитъ въ нее только эпизодомъ и ничѣмъ внутренно не связана съ сущностію ея содержанія. Вообще въ повѣстяхъ Луганскаго всего интереснѣе подробности, и *Небывалое въ былом*ъ *или былое въ небывалом*ъ въ особенности богато интересными частностями, помимо общаго интереса повѣсти, которая служитъ тутъ только рамкою, а не картиною, средствомъ, а не цѣлью. Объ этомъ можно было бы сказать больше, но какъ мы скоро будемъ имѣть случай высказать наше мнѣніе о всей литературной дѣятельности казака Луганскаго, то пока и ограничимся этими немногими строками.

О г. Григоровичѣ мы теперь же скажемъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ повѣсти, но есть замѣчательный талантъ для тѣхъ очерковъ общественнаго быта, которые теперь получили въ литературѣ названіе *физіологическихъ*. Но онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей *Деревни* повѣсть, и отсюда вышли всѣ недостатки его произведенія, которыхъ онъ легко бы могъ миновать, если бы ограничился безсвязными внѣшнимъ образомъ, но дышущими одной мыслью картинами деревенскаго быта крестьянъ. Неудачна также и его попытка заглянуть во внутренній міръ героини его повѣсти, и вообще

изъ его Акулины вышло лицо довольно безцвѣтное и неопредѣленное, именно потому, что онъ старался сдѣлать изъ нея особенно интересное лицо. Къ недостаткамъ повѣсти принадлежатъ также и натянутыя, изысканныя и вычурныя мѣстами описанія природы. Но что̀ касается собственно до очерковъ крестьянскаго быта, это блестящая сторона произведенія г. Григоровича. Онъ обнаружилъ тутъ много наблюдательности и знанія дѣла, и умѣлъ выказать то и другое въ образахъ простыхъ, истинныхъ, вѣрныхъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Его *Деревня*—одно изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній прошлаго года [1]).

Статья Луганскаго: *Русскій Мужикъ*, явившаяся въ третьей части *Новоселья*, исполнена глубокаго значенія, отличается необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія и вообще принадлежитъ къ лучшимъ физіологическимъ очеркамъ этого писателя, котораго необыкновенный талантъ не имѣетъ себѣ соперниковъ въ этомъ родѣ литературы [2]).

Съ шестой книжки *Библіотеки для Чтенія* тянется романъ г. Вельтмана: *Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго*, который еще не кончился послѣднею книжкою этого журнала за прошлый годъ. Г. Вельтманъ обнаружилъ въ новомъ своемъ романѣ едва ли еще не больше таланта, нежели въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ же самый недостатокъ умѣнія распоряжаться своимъ талантомъ. Въ его *Приключеніяхъ* толпится страшное множество лицъ, изъ которыхъ многія очеркнуты съ необыкновеннымъ мастерствомъ; много поразительно вѣрныхъ картинъ современнаго русскаго быта, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть лица неестественныя, положенія натянутыя, и слишкомъ запутанные узлы событій разрѣшаются посредствомъ deus ex ma-

---

1) Послѣдняя фраза въ рукописи зачеркнута чернилами, но затѣмъ она возстановлена отмѣткою карандашомъ. Она была напечатана и въ „Современникѣ“.

2) Первоначально эти замѣчанія о „Русскомъ мужикѣ“ Луганскаго, Бѣлинскій хотѣлъ вставить выше, туда, гдѣ онъ говоритъ о „Небываломъ въ быломъ“ того же автора, но затѣмъ написалъ эти замѣчанія отдѣльно послѣ отзыва о „Деревнѣ“ Д. В. Григоровича.

china. Все, что̀ есть прекраснаго въ этомъ романѣ, принадлежитъ таланту г. Вельтмана, который безспорно одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ талантовъ нашего времени; а все, что̀ составляетъ слабыя стороны *Приключеній*, вышло изъ намѣреннаго желанія г. Вельтмана доказать превосходство старинныхъ нравовъ передъ нынѣшними. Странное направленіе! Мы нисколько не принадлежимъ къ безусловнымъ почитателямъ современныхъ нравовъ русскаго общества, не менѣе всякаго другого видимъ ихъ странности и недостатки [1]) и желаемъ ихъ исправленія. Какъ и у славянофиловъ, у насъ есть свой идеалъ нравовъ, во имя котораго мы желали бы ихъ исправленія; но нашъ идеалъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ, на основаніи настоящаго. Впередъ итти можно, назадъ—нельзя, и что̀ бы ни привлекало насъ въ прошедшемъ, оно прошло безвозвратно. Мы готовы согласиться, что молодые купчики, которые кутятъ на новый ладъ и лучше умѣютъ проматывать нажитое отцами, нежели пріобрѣтать сами, — мы согласны, что они страннѣе и нелѣпѣе своихъ отцовъ, которые упорно держатся старины. Но мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы ихъ отцы не были странны и нелѣпы [2]). Молодыя поколѣнія даже купчиковъ выражаютъ собою переходное состояніе своего сословія, переходное отъ худшаго къ лучшему, но это лучшее окажется хорошимъ только какъ результатъ перехода, а какъ процессъ перехода оно разумѣется скорѣе хуже, нежели лучше стараго. Дѣйствуйте на исправленіе нравовъ сатирою, или—что лучше всякой сатиры—вѣрнымъ ихъ изображеніемъ; но дѣйствуйте не во имя отжившихъ нравовъ, а во имя разума и здраваго смысла, не во имя мечтательнаго и невозможнаго обращенія къ прошедшему, а во имя возможнаго развитія будущаго изъ настоящаго. Пристрастіе, къ чему бы оно ни прилагалось—къ старинѣ или новизнѣ, всегда мѣшаетъ достиженію цѣли, потому что невольно вводитъ въ ложь человѣка, самаго страст-

[1]) Первоначально было: „и не менѣе всякаго славянофила видимъ, что̀ есть въ нихъ страннаго, противорѣчиваго, уродливаго“.

[2]) Далѣе зачеркнуто: „Притомъ переходное время всегда столько же дурно, сколько необходимо“.

наго къ истинѣ и дѣйствующаго по самому благородному убѣжденію. Это и сбылось съ г. Вельтманомъ въ его новомъ романѣ. Онъ придалъ безнравственнымъ лицамъ своего романа такой колоритъ, какъ будто они безнравственны по милости новыхъ нравовъ, а живи-де они въ Кошихинскія времена, то были бы отличнѣйшими людьми. По крайней мѣрѣ мы считаемъ себѣ въ правѣ сдѣлать подобное заключеніе изъ того, что авторъ нигдѣ и не думаетъ маскировать своей симпатіи къ старинѣ, своей антипатіи къ новизнѣ. Такъ, напримѣръ, повинуясь истинѣ, онъ безпристрастно показалъ естественныя причины страшнаго богатства купчины Захолустьева, но въ то же время счелъ за необходимое противопоставить ему Селифонта Михѣича, который тоже страшно разбогатѣлъ, но честностью и порядкомъ, а главное потому, что „жилъ по старому русскому обычаю“. Желали бы мы знать, что̀ бы наши купцы сказали объ этой утопіи честнаго благопріобрѣтенія огромнаго имѣнія... По мнѣнію г. Вельтмана, русскій человѣкъ, имѣющій несчастіе знать французскій языкъ, есть человѣкъ погибшій... Какихъ, подумаешь, не бываетъ предразсудковъ у людей съ умомъ и талантомъ!..

Герой романа, *Дмитрицкій*—нѣчто вродѣ Ваньки Каина новыхъ временъ, или того, что французы называютъ chevalier d'industrie, лицо очень возможное и вообще мастерски очерченное авторомъ. Зато героиня, Саломея Петровна, которой выпала невыгодная роль представительницы и жертвы новѣйшихъ нравовъ и знанія французскаго языка,—лицо совершенно сказочное. Сначала она является жеманницею, холодною лицемѣркою, до пошлости неискусною актрисою, а потомъ самою страстною женщиною, какую только можно вообразить. Дѣйствіе романа презапутанное, въ немъ столько эпизодовъ, сколько лицъ, а лицамъ, какъ мы сказали, счету нѣтъ. Какъ только является новое лицо, авторъ безъ церемоніи бросаетъ героя и героиню и начинаетъ разсказывать читателю исторію этого новаго лица, со дня его рожденія, а иногда и со дня рожденія его родителей, по день его появленія въ романѣ. Большая часть изъ этихъ вводныхъ лицъ изображены или очеркнуты съ большимъ искусствомъ. Ходъ

романа очень интересенъ, въ событіяхъ много истины, но въ то же время и много невѣроятностей. Когда автору нѣтъ средства естественно развязать узелъ завязки или завязать новый, у него сейчасъ является deus ex machina. Таково, напр., похищеніе Саломеи холопами Филиппа Савича, помѣщика Кіевской губерніи—самая невѣроятная романтическая натяжка, на какую только когда-либо рѣшался писатель съ талантомъ. Такихъ сказочныхъ невѣроятностей особенно много въ событіяхъ жизни Дмитрицкаго; ему все удается, онъ всегда выходитъ съ выгодой для себя изъ самаго затруднительнаго, самаго невыгоднаго положенія. Пріѣзжаетъ въ Москву безъ бумагъ, съ однимъ червонцемъ, останавливается въ гостинницѣ, пьетъ, ѣстъ на широкую ногу, и вдругъ судьба посылаетъ ему литературщика, который принялъ его за литератора, занимавшаго еще вчера этотъ же самый номеръ гостинницы, везетъ его къ себѣ, предлагаетъ у себя квартиру, даетъ денегъ. Все это дѣлается *по щучью велѣнью, а по моему прошенью*, и доказываетъ, что у г. Вельтмана больше таланта для частностей и подробностей, нежели для созданія чего-нибудь цѣлаго, больше наклонности къ сказкѣ, нежели къ роману, и что системы и теоріи много дѣлаютъ вреда его замѣчательному таланту....

Упомянувши еще о *Венгерцахъ*, физіологическомъ очеркѣ, въ *Финскомъ Вѣстникѣ*, мы окончимъ нашъ перечень всего особенно замѣчательнаго, что̀ явилось въ прошломъ году по части изящной словесности. Перечень этотъ вышелъ не великъ [1]); обо многомъ мы не хотимъ упоминать вовсе не потому, чтобы во всемъ, о чемъ умалчиваемъ, видѣли мы одно дурное и ничего хорошаго, но потому, что считали нужнымъ говорить только объ особенно замѣчательномъ.

По примѣру *Петербургскаго Сборника* въ Москвѣ изданъ

---

[1]) Это произошло частію оттого, что множество замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній, особенно повѣстей, должно бы было появиться въ прошломъ году въ одномъ огромномъ сборникѣ, предполагавшемся къ изданію. Но по случаю *Современника* литераторъ, предпринимавшій изданіе огромнаго сборника, счелъ за лучшее оставить свое предпріятіе и передать *Современнику* собранныя имъ статьи.

былъ *Московскій литературный и ученый Сборникъ*, который, несмотря на свое славянофильское направленіе, заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ статей, изъ которыхъ особенно замѣчательна умнымъ содержаніемъ и мастерскимъ изложеніемъ статья „Тарантасъ“, подписанная буквами М. З. К. [1]).

Воспоминанія Ѳаддея Булгарина (Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни), не принадлежа собственно ни къ ученой, ни къ поэтической, но къ такъ называемой легкой литературѣ, есть книга во многихъ отношеніяхъ интересная и замѣчательная. По поводу недавно вышедшей третьей части этого сочиненія мы ниже выскажемъ наше о немъ мнѣніе, а пока ограничимся однимъ упоминовеніемъ.

Къ числу такого же рода произведеній отнесли бы мы и *Записки Доктора*, сочиненіе г. Малиновскаго, если бы эти записки больше были вѣрны своей прекрасной цѣли и больше походили на записки, нежели на мелодраму въ формѣ неудавшагося романа, написаннаго безъ таланта, безъ умѣнія и такту.

Отъ чисто-литературныхъ произведеній переходя къ сочиненіямъ ученаго или серьёзнаго содержанія, начнемъ съ того, что̀ сдѣлано было въ прошломъ году по части русской исторіи. Скажемъ здѣсь кстати, что въ *Современникѣ* будетъ обращено особенное вниманіе на этотъ предметъ. Кромѣ статей по части русской исторіи, журналъ нашъ, не обѣщая своимъ читателямъ полной библіографіи по другимъ частямъ, будетъ представлять отзывы обо всемъ, что̀ будетъ являться сколько-нибудь замѣчательнаго по части русской исторіи [2])...

Исторія русской словесности, преимущественно древней— XXXIII публичныя лекціи г. Шевырева (доселѣ вышло двѣ части), принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ ученой

---

1) Этотъ абзацъ, имѣющійся въ рукописи и въ „Современникѣ“, пропущенъ въ собраніи сочиненій.

2) Слѣдующее за тѣмъ въ этой статьѣ 1-го № „Современника“ 1847 г. о русской исторической литературѣ (стр. 41—52) написано К. Д. Кавелинымъ и помѣщено во второй части „Собранія его сочиненій“, стр. 299—315; изданіе 1897 г. т. I, стр. 745—760 (въ перепечаткѣ пропущены два послѣднихъ абзаца замѣтокъ Кавелина).

русской литературы прошлаго года. Въ этомъ сочиненіи авторъ обнаружилъ короткое знакомство съ источниками, обширную начитанность, словомъ,—эрудицію, которая сдѣлала бы честь самому кропотливому нѣмецкому гелертеру. При этомъ оно отличается глубокимъ и искреннимъ убѣжденіемъ, самою наивною добросовѣстностью, которыя однакожъ не помѣшали трудолюбивому и почтенному профессору представлять факты въ самомъ неистинномъ видѣ. Это странное явленіе будетъ очень понятно, если взять въ соображеніе, какую ужасную силу имѣетъ надъ здравомысліемъ человѣка духъ системы, обаяніе готовой идеи, еще прежде изученія фактовъ принятой за непреложно-истинную. Вотъ причина, почему г. Шевыревъ въ духовныхъ сочиненіяхъ древней и старой Руси непремѣнно хочетъ видѣть произведенія народной словесности, а въ русскомъ сказочномъ витязѣ Ильѣ Муромцѣ находитъ что-то общее съ Сидомъ, рыцарственнымъ героемъ національныхъ испанскихъ романсовъ... Вѣдь ученый и трудолюбивый Венелинъ находилъ же Атиллу славяниномъ, а въ Меровингахъ франкскихъ видѣлъ славянскихъ „мировыхъ“ или „міровыхъ“—не помнимъ, право... Это доказываетъ, что господа ученые, платя дань человѣческой слабости, бываютъ подвержены такимъ же странностямъ, какъ и самые простые, вовсе безграмотные люди. Можетъ-быть это происходитъ оттого, что они, какъ говоритъ простой народъ, *зачитываются* и у нихъ умъ за разумъ заходитъ; можетъ быть, это происходитъ и отъ другихъ причинъ—не знаемъ; но знаемъ только то, что духъ системы и доктрины имѣетъ удивительное свойство омрачать и фанатизировать даже самые свѣтлые умы... Впрочемъ книга г. Шевырева, внѣ своего славянофильскаго направленія, имѣетъ много достоинствъ, какъ памятникъ примѣрнаго трудолюбія и добросовѣстной, хотя и односторонней, учености. Болѣе всего важны примѣчанія, которыми снабжена она и куда высланы авторомъ самые интересные факты, которые съ особеннымъ упорствомъ отказались свидѣтельствовать въ пользу любимыхъ идей его. Замѣчательна еще книга г. Шевырева и тѣмъ, что подала поводъ къ четыремъ прекраснымъ критическимъ статьямъ (въ *Отечественныхъ*

Записках №№ 5 и 12, въ *Библіотекѣ для Чтенія* и *Финскомъ Вѣстникѣ*).

Къ числу блистательнѣйшихъ пріобрѣтеній по части учебной русской литературы вообще, а не одного прошлаго года, принадлежитъ вышедшее въ прошломъ году второе отдѣленіе второй части *Руководства ко Всеобщей Исторіи*, сочиненіе профессора Лоренца. Этою книжкою заключается средняя исторія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія и окончанія этого превосходнаго труда.

Исторія консульства и имперіи Тьера появилась въ двухъ переводахъ. Вышла шестая часть *Всемірной Исторіи* Беккера.

Нравы, обычаи и памятники всѣхъ народовъ земного шара, изданіе гг. Семена и Стойковича, превосходными иллюстрированными картинами и политипажами и вообще типографскимъ изяществомъ затмило собою всѣ когда-либо являвшіяся въ Россіи такъ называемыя великолѣпныя и роскошныя изданія. Содержаніе книги соотвѣтствуетъ ея внѣшнему достоинству и—что̀ даетъ ей особенную важность—есть не переводъ, а почти оригинальный трудъ двухъ русскихъ литераторовъ, которые, пользуясь иностранными источниками, умѣли придать ему достоинство одушевленнаго одною идеею сочиненія. Въ вышедшей книгѣ содержится описаніе Индустана, сдѣланное [1]) Тютчевымъ, и Заганскаго полуострова, сдѣланное Стойковичемъ. Во второй книгѣ издатели обѣщаютъ описаніе Китая и Японіи.

Въ журналахъ прошлаго года было очень много интересныхъ статей ученаго содержанія, оригинальныхъ и переводныхъ. Изъ первыхъ въ особенности можно указать на: седьмое и восьмое *Письма объ изученіи природы* Искандера; *Кочующіе и осѣдло-живущіе въ Астраханской губерніи инородцы* барона Ѳ. А. Бюллера; *Европейскія желѣзныя дороги въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ* (въ *Отечественныхъ Запискахъ*), *Нога и рука человѣка* С. С. Куторги (въ *Библіотекѣ для чтенія*); *Жизнь и нравы змѣй; Жизнь и нравы пауковъ* Ушакова (въ *Финскомъ Вѣстникѣ*). Изъ переводныхъ статей особенно за-

[1]) Въ рукописи здѣсь перерывъ: не достаетъ 68 листа.

мѣчательна — *Оливеръ Кромвель* (въ *Отечественныхъ Запискахъ*). Знаменитое ученое твореніе Гумбольдта было переведено въ *Отечественныхъ Запискахъ* подъ именемъ *Космоса*, а въ *Библіотекѣ для Чтенія* — подъ именемъ *Козмоса*. Нельзя не отдать справедливости обоимъ журналамъ за ихъ поспѣшность познакомить русскую публику съ произведеніемъ великаго ученаго, столь важнымъ по предмету и написаннымъ популярно: но едва ли оба журнала достигли своей цѣли. Популярность изложенія Гумбольдта чисто-нѣмецкая, слѣдовательно вполнѣ доступная только людямъ, спеціально занимающимся естественными науками и астрономіей. Въ этомъ отношеніи гораздо полезнѣе перевода обоихъ журналовъ была статья въ *Сѣверной Пчелѣ* (№№ 175—180): *Александръ Гумбольдтъ и его Вселенная (Kosmos)*. Не знаемъ, откуда переведена или кѣмъ написана она, но непосвященныхъ въ таинства науки она знакомитъ съ книгой Гумбольдта больше и лучше, нежели переводы этой книги въ обоихъ журналахъ.

Въ *Финскомъ Вѣстникѣ* переводится знаменитое твореніе Тьери: *Завоеваніе Англіи норманнами*. Это сочиненіе, конечно, не ново вездѣ, кромѣ Россіи, и оттого мысль *Финскаго Вѣстника* перевесть его заслуживаетъ похвалы и благодарности.

Въ послѣднее время много стало появляться [1]) книгъ, брошуръ и статей по спеціальнымъ предметамъ. Конечно, истинно хорошихъ между ними еще мало, но всѣ онѣ важны, какъ свидѣтельство дѣльнаго направленія литературы. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ году вышли весьма замѣчательныя книги, которыя мы только поименуемъ, такъ какъ о нихъ было уже много говорено въ журналахъ: первая книга *Записокъ Русскаго Географическаго Общества*; третья часть *Исторіи смутнаго времени* г. Бутурлина; *Объ источникахъ и употребленіи статистическихъ свѣдѣній* г. Журавскаго; *Нижегородская ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ* г. Мельникова, и пр. Особенно пріятно видѣть, что

[1]) Здѣсь опять начинается рукопись (листъ 69-й).

появляется довольно много книгъ, брошуръ и статей, касающихся не только сельскаго хозяйства въ его техническомъ значеніи, но и быта того многочисленнаго класса людей, который играетъ такую великую роль въ отношеніи къ сельскому хозяйству, какъ живая и разумная производящая сила. Особенно заслуживаетъ вниманія въ № 103 *Московскихъ Вѣдомостей* превосходная статья С. А. Маслова—*Жаръ и жатва хльба (Лѣтнія замѣтки въ Московской губерніи)*. Эта замѣчательная статья, за которую почтеннаго автора благословитъ всякій другъ человѣчества, была перепечатана почти во всѣхъ журналахъ, издающихся отъ правительственныхъ вѣдомствъ.

Мы не упомянули о нѣсколькихъ замѣчательныхъ книгахъ, показавшихся въ концѣ прошлаго года, для того, чтобы начать съ нихъ отдѣлъ Критики и Библіографіи *Современника*. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ отдѣлѣ нашего журнала. Почти во всѣхъ другихъ журналахъ критика составляетъ особый отъ библіографіи отдѣлъ. Пишущій эти строки семилѣтнимъ тяжкимъ опытомъ дозналъ невыгоду такого раздѣленія. Подъ критикой разумѣется статья извѣстнаго объема и даже особеннаго отъ рецензіи тона. Замѣчательныхъ книгъ, подлежащихъ вѣдомству серьёзной критики, у насъ выходитъ такъ мало, что обязанность писать по критикѣ каждый мѣсяцъ поневолѣ дѣлается чѣмъ-то вродѣ тяжелой поставки; ибо много замѣчательнаго печатается въ журналахъ. Поэтому представляя отчеты наши публикѣ о всѣхъ болѣе или менѣе примѣчательныхъ явленіяхъ русской литературы, мы не будемъ нисколько заботиться, что̀ выйдетъ изъ нашего разбора—критика или рецензія. Пусть сами читатели наши рѣшаютъ это, каждый по своему вкусу и разумѣнію. Этимъ мы надѣемся доставить имъ услугу, избавивъ журналъ нашъ отъ балласта многословія и надутости, неизбѣжнаго иногда при двойномъ раздѣленіи критики на большую, или собственно критику, и малую, или рецензію. Критика наша, какъ мы сказали выше, будетъ обращать вниманіе на всѣ сколько нибудь замѣчательныя сочиненія по части русской исторіи; затѣмъ, болѣе всего обратитъ свое вниманіе

на произведенія чисто литературныя; но въ отношеніи к. къ нимъ мы не обѣщаемъ полной библіографіи, ибо о книгахъ ничтожныхъ даже отрицательно, по нашему мнѣнію, не стóитъ труда ни писать, ни читать. Мы даже будемъ считать нашей обязанностью, изъ уваженія къ публикѣ и къ самимъ себѣ, проходить молчаніемъ дюжинныя произведенія дюжинныхъ писакъ, которые успѣли уже пріобрѣсти себѣ позорную извѣстность, которые, думая вѣрно изображать жизнь, какъ она есть, вмѣсто этого изображаютъ вѣрно только себя, такъ какъ они есть, т.-е. во всемъ величіи ихъ претензій, ограниченности, бездарности, пошлости и слабоумія [1]). Съ другой стороны, чуждые всякихъ притязаній на энциклопедическую многосторонность познаній, мы не будемъ ничего говорить о спеціальныхъ сочиненіяхъ, какъ бы ни были они замѣчательны, если они выходятъ изъ круга нашихъ занятій [2]). О книгахъ легкихъ и незначительныхъ будетъ у насъ говориться въ фельетонѣ *Современника*, въ отдѣлѣ смѣси, и отъ времени до времени прилагаться къ его книжкамъ полные библіографическіе списки всѣхъ, безъ исключенія, выходящихъ въ Россіи книгъ на русскомъ языкѣ, съ обозначеніемъ типографіи, формата, числа страницъ и даже по возможности цѣнъ.

---

[1]) Въ рукописи конецъ послѣдней фразы зачеркнутъ и замѣненъ слѣдующею фразой, написанною другими чернилами и другою рукой: „печатно неоспоримо доказавъ бездарность свою и слабоуміе“. Такъ и напечатано было въ „Современникѣ“ съ пропускомъ послѣдняго слова. Подлинный текстъ возстановленъ былъ въ собраніи сочиненій.

[2]) Далѣе въ рукописи зачеркнуто: „Конечно, легко отвести въ своемъ журналѣ уголъ для сельскаго хозяйства, помѣщая въ немъ чужія статьи, и отдавать, тоже чужими руками, критическіе отчеты о книгахъ по этой части; но и для этого самому издателю необходимо знать о сельскомъ хозяйствѣ что нибудь побольше того, что хлѣбъ родится на землѣ, а не на водѣ: иначе онъ поневолѣ будетъ въ рукахъ у своихъ сотрудниковъ и будетъ безъ вины виноватъ въ ихъ промахахъ или, пожалуй и мистификаціи, а публика въ этомъ отдѣлѣ его журнала будетъ видѣть только балластъ... Съ своей стороны мы приняли за правило меньше обѣщать, но лучше исполнять“.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА, ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Поэма Н. Гоголя. Изданіе второе. Москва. 1846.

Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ входить въ подробныя объясненія о *Мертвыхъ Душахъ*, тѣмъ болѣе, что это мы непремѣнно сдѣлаемъ въ скоромъ времени, представивъ читателямъ *Современника*, можетъ быть, не одну статью вообще о сочиненіяхъ Гоголя и о *Мертвыхъ Душахъ* въ особенности. Теперь же скажемъ коротко, что, по нашему крайнему разумѣнію и искреннему, горячему убѣжденію, *Мертвыя Души* стоятъ выше всего, что́ было и есть въ русской литературѣ [1]), ибо въ нихъ глубокость живой общественной идеи неразрывно сочеталась съ безконечною художественностью ббразовъ, и этотъ романъ, почему-то названный авторомъ поэмою, представляетъ собою произведеніе, столько же національное, сколько и высоко-художественное. Въ немъ есть свои недостатки важные и неважные. Къ послѣднимъ относимъ мы неправильности въ *языкѣ*, который вообще составляетъ столько же слабую сторону таланта Гоголя, сколько его *слогъ* (стиль) составляетъ сильную сторону его таланта. Важные же недостатки романа *Мертвыя Души* находимъ мы почти вездѣ, гдѣ изъ поэта, изъ художника силится авторъ

---

1) Въ рукописи эта фраза такъ, какъ мы ее печатаемъ, безъ поправокъ, но въ „Современникѣ“ напечатано иначе: „*Мертвыя Души* стоятъ весьма высоко въ русской литературѣ“. Такъ и въ собраніи сочиненій.

стать какимъ-то пророкомъ [1]) и впадаетъ въ нѣсколько надутый и напыщенный лиризмъ... Къ счастію, число такихъ лирическихъ мѣстъ незначительно въ отношеніи къ объему всего романа, и ихъ можно пропускать при чтеніи, ничего не теряя отъ наслажденія, доставляемаго самимъ романомъ.

Но, къ несчастію, эти мистико-лирическія выходки въ *Мертвыхъ Душахъ* были не простыми случайными ошибками со стороны ихъ автора, но зерномъ можетъ быть совершенной утраты его таланта для русской литературы... Все болѣе и болѣе забывая свое значеніе художника, принимаетъ онъ тонъ глашатая какихъ-то великихъ истинъ, которыя въ сущности отзываются ничѣмъ инымъ, какъ парадоксами человѣка, сбившагося съ своего настоящаго пути ложными теоріями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта. Такъ напримѣръ, въ прошломъ году появилась статья Гоголя о переводѣ *Одиссеи* Жуковскимъ, до того исполненная парадоксовъ, высказанныхъ съ превыспренними претензіями на пророческій тонъ, что одинъ бездарный писака нашелъ себя въ состояніи написать по этому поводу статью, грубую и неприличную по тону, но справедливую и основательную,—въ опроверженіе парадоксовъ статьи Гоголя. Это опечалило всѣхъ друзей и почитателей таланта Гоголя и обрадовало всѣхъ враговъ его. Но исторія не кончилась этимъ. Второе изданіе *Мертвыхъ Душъ* явилось съ предисловіемъ, которое... которое... которое испугало насъ еще больше знаменитой въ лѣтописяхъ русской литературы статьи объ Одиссеѣ... Это предисловіе внушаетъ живыя опасенія за авторскую славу въ будущемъ (въ прошедшемъ она непоколебимо прочна) творца *Ревизора* и *Мертвыхъ Душъ*; оно грозитъ русской литературѣ новой великой потерею прежде времени... Предисловіе это странно само по себѣ, но его тонъ... C'est le ton qui fait la musique, говорятъ французы... Въ этомъ тонѣ столько неумѣреннаго смиренія и самоотрицанія, что они невольно заставляютъ читателя предполагать тутъ чувства совершенно противоположныя....

---

[1]) Такъ въ рукописи, безъ поправки. Въ печати: „прорицателемъ“.

„Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, *почтенъ* ли ты высшимъ чиномъ (,) или человѣкъ простого сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ.“

Вы думаете, это начало предисловія къ „Путешествію Московскаго купца Трифона Коробейникова съ товарищами въ Іерусалимъ, Египетъ и Синайской горѣ, предпріятое по особливому соизволенію государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича въ 1583 году“?—Нѣтъ, ошибаетесь: это начало предисловія ко второму изданію поэмы: *Мертвыя Души*... Но далѣе—

„Въ книгѣ, которая передъ тобой, которую *вѣроятно* ты уже прочелъ [1]) въ ея первомъ изданіи, изображенъ человѣкъ, взятый изъ нашего же государства. Ѣздитъ онъ по нашей Русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, отъ *благородныхъ* до *простыхъ*. Взятъ онъ больше за тѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также за тѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; *лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ*. Въ книгѣ этой многое описано не вѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что̀ дѣлается въ нашей землѣ. Притомъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ что на каждой страницѣ есть что̀ поправить: *я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги такимъ дѣломъ*. Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и *жизни высокой* (?), и какою бы ничтожной ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія,—я прошу тебя это сдѣлать. А ты, читатель невысокаго образованія и простого званія, *не считай себя такимъ невѣжею* [2]), чтобы ты не могъ меня чему-нибудь поучить“. И пр.

Вслѣдствіе всего этого скромный авторъ нашъ проситъ

---

[1]) Авторъ не шутя думаетъ, что его книгу прочли даже люди простого сословія... Ужъ не думаетъ ли онъ, что нарочно для нея выучились они грамотѣ и пустились въ литературу?...

[2]) Вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать—*невѣждою*. Замѣчательно, какъ умѣетъ онъ ободрять простыхъ людей, чтобъ они не пугались его величія...

всѣхъ и каждаго „дѣлать свои замѣтки сплошь на всю его книгу, не пропуская ни одного мѣста ея“, и „читать ее не иначе, какъ взявши въ руки перо и положивши листъ почтовой бумаги“, а потомъ пересылать къ нему свои замѣтки. Итакъ, мы не можемъ теперь вообразить себѣ всѣхъ русскихъ людей иначе, какъ сидящихъ передъ раскрытою книгою *Мертвыхъ Душъ* на колѣняхъ, съ перомъ въ рукѣ и листомъ почтовой бумаги на столѣ—чернильница предполагается сама собою... Особенно люди не высокаго образованія, *не высокой жизни* и простого сословія должны быть въ большихъ хлопотахъ: писать не умѣютъ, а надо... Не лучше ли имъ всѣмъ пуститься за-границу для личнаго свиданія съ авторомъ,—вѣдь на словахъ удобнѣе объясниться, чѣмъ на бумагѣ... Оно конечно, эта поѣздка обойдется имъ дорогонько, зато какіе же результаты выйдутъ изъ этого...

Къ чему весь этотъ фарсъ? спросите вы, читатели. Отвѣчаемъ вамъ словами одного изъ героевъ комедіи Гоголя: „Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что нибудь дѣлаетъ“...

Въ этомъ фантастическомъ предисловіи есть весьма утѣшительное извѣщеніе, что „воспослѣдуетъ изданіе новое (т.-е. новое изданіе) этой книги, *въ другомъ и лучшемъ видѣ*“. Боже мой, какъ вздорожаютъ тогда первыя два изданія! Вѣдь до этого, второго, „Мертвыя Души“ продавались по десяти рублей серебромъ вмѣсто трехъ...

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Гамлетъ въ переводѣ Полеваго (стр. 1 — 18).

Впервые напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1838 г., май, первая книга, стр. 80 — 97. Въ собраніи сочиненій (вездѣ ссылки на 1-ое изданіе), т. II, стр. 287 — 300. Въ рукописи не достаетъ первыхъ двухъ листовъ, имѣются листы съ 3 по 16, всего 14 листовъ f°; писано съ обѣихъ сторонъ, за исключеніемъ послѣдняго листа, гдѣ статья кончается на 1-ой стр. съ подписью автора; заключительныя строки статьи вмѣстѣ съ подписью даны на приложенномъ фототипическомъ снимкѣ. Всѣ цитаты въ статьѣ писаны самимъ Бѣлинскимъ, кромѣ монолога: „А вотъ они, вотъ два портрета“ (л. 12, см. выше стр. 12 — 13). Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указаны главныя вставки, внесенныя изъ рукописи въ прежній печатный текстъ. Надо прибавить еще, что текстъ „Московскаго Наблюдателя“ сильно отличается отъ текста въ собраніи сочиненій: въ послѣднемъ былъ выпущенъ весь первый абзацъ, объясняющій отношеніе этой статьи къ статьѣ о Гамлетѣ Шекспира и объ игрѣ Мочалова въ роли Гамлета, напечатанной въ XIV части „Московскаго Наблюдателя“ 1838 г., а также выпущены многія цитаты въ концѣ статьи, при чемъ соотвѣтственно пропущены или измѣнены замѣчанія, которыя Бѣлинскій сдѣлалъ по поводу этихъ цитатъ.

II. Уголино (стр. 19 — 34).

Впервые напечатано въ той же книжкѣ „Московскаго Наблюдателя“, какъ и предшествующая статья о переводѣ Гамлета, отдѣлъ „Литературная Хроника“, стр. 100 — 117. Въ собраніи сочиненій — т. II, стр. 376 — 389. Рукопись сохранилась вполнѣ, 13 листовъ f°; писано съ

обѣихъ сторонъ. При перепечаткѣ статьи въ собраніи сочиненій опять сдѣланъ пропускъ, а именно изъ всей обширной выдержки изъ драмы (см. выше стр. 28 — 32) даны только два стиха, при чемъ пропущено и подстрочное примѣчаніе (на стр. 29). Между тѣмъ въ данномъ случаѣ эта цитата имѣетъ особое значеніе по самому построенію статьи: сначала идутъ общія замѣчанія, заключающіяся словами: „Вотъ я и кончилъ.— Какъ кончили, а Уголино?..“ и пр. Послѣ этого и дана цѣлая сцена изъ драмы, такъ что читатель самъ можетъ примѣнить къ ней всѣ предшествовавшія общія замѣчанія.

III. Сто русскихъ литераторовъ (стр. 35—78).

Впервые напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1841 года, т. XVII, отд. V, Критика, стр. 1 — 22. Въ собраніи сочиненій т. IV, стр. 400 — 442.— Рукопись неполная, не достаетъ 1-го листа, затѣмъ идетъ безъ перерыва до конца, послѣдній листъ съ помѣтою — „50“., но 19-ый листъ имѣется втройнѣ, а между 22-ымъ и 23-имъ еще одинъ листъ ненумерованный, такъ что всего имѣется 52 листа f°. Листы 2 — 4 писаны съ обѣихъ сторонъ, съ 5-го листа писано на одной сторонѣ. 19/1 опять написанъ съ обѣихъ сторонъ, почему при первомъ наборѣ оборотная сторона и была пропущена наборщикомъ, и на ней сдѣлана надпись (рукою Краевскаго): „Все это не набрано: очень мило!“ Все мѣсто, которое пропущено было въ печати и теперь вставлено впервые изъ рукописи (стр. 39 – 40), написано на оборотѣ 3-го листа (страница эта заполнена не вся) и, можетъ быть, это мѣсто точно такъ же не было замѣчено при наборѣ. Путаница въ нумераціи объясняется тѣмъ, что Бѣлинскій отсылалъ оригиналъ въ типографію не сразу, а по нѣскольку страницъ. („Напишешь пять полулистовъ, да и шлешь въ типографію“, разсказываетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ).

Съ этой статьи — изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи — начинаются въ рукописяхъ редакторскія поправки: этихъ поправокъ и не могло быть въ статьяхъ о Гамлетѣ и Уголино, такъ какъ Бѣлинскій былъ самъ редакторомъ „Московскаго Наблюдателя“. Редакторскія поправки въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, принадлежатъ Краевскому.

Цитаты на листахъ 14—15 (стр.—51)—басня „Кукушка и Пѣтухъ“— вписана другою рукою.—22-ой листъ не дописанъ, и на немъ помѣта (рукою Краевскаго): „NB оставить мѣсто строкъ для 15-ти“, а дальше идетъ цитата изъ „Денницы“ (стр. 58), занимающая обѣ страницы ненумерованнаго листа между 22 и 23 листами и выписанная другою рукой. Сверху этого листа помѣта карандашомъ (Краевскаго): „Вставка въ 23 или въ 24 листъ. Критика“. - При перепечаткѣ въ собраніи сочиненій были пропущены басня Крылова и отзывы о картинкахъ.

IV. Стихотворенія гр. Е. Растопчиной (стр. 79 — 84).

Впервые напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“, т. XVIII, отд. VI, Библіографическая Хроника, I. Русская Литература. Августъ. Подъ № 270, стр. 5—8. Въ собраніи сочиненій т. V, 344—348.—Рукопись полная, 7 листовъ f^0, писанныхъ съ одной стороны. Цитата „Не дамъ тебѣ“ (листъ 5—6, стр. 82—83), кромѣ перваго куплета, написана другою рукой. Въ собраніи сочиненій цитата эта пропущена, какъ и слѣдующее за нею замѣчаніе, до новаго абзаца.

V. Сумароковъ (стр. 85 — 91).

Впервые напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ слѣдомъ за предыдущей статьей о гр. Растопчиной, подъ № 271, стр. 8 — 11. Въ собраніи сочиненій т. V, стр. 348—355. Полная рукопись, 8 листовъ f^0, писанныхъ съ одной стороны.

VI. Взглядъ на русскую литературу 1846 г. (стр. 92—152).

Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1847 г., январь, отд. III. (Критика и Библіографія). стр. 1—41 и 52—56 (стр. 41—52 заняты отзывомъ К. Д. Кавелина объ исторической литературѣ; см. выше 2-е примѣчаніе на стр. 147). Въ собраніи сочиненій т. XI, стр. 5—68. Рукопись сохранилась не вся, имѣются листы: 10, 11, 15, 16, 18—29, 31, 32, 34—44, 46—50, 52—67, 69—74, всего 56 листовъ; „Взглядъ“ заканчивается на 71 листѣ, и дальше идетъ отзывъ о Мертвыхъ Душахъ, начиная съ 71 листа, подъ одной нумераціей. Въ рукописи много поправокъ, которыя сдѣланы болѣе мелкимъ и болѣе тщательнымъ почеркомъ, но которыя принадлежатъ самому Бѣлинскому; часть этихъ поправокъ состоитъ въ томъ, что зачеркнуто слово, показавшееся не вполнѣ разборчивымъ, а затѣмъ надписано то же самое слово, но болѣе тщательно. Если принять во вниманіе, что въ данномъ случаѣ рукопись Бѣлинскаго долженъ былъ набирать наборщикъ, имѣвшій съ нею дѣло впервые (эта статья для первой книжки Современника подъ новою редакціею и при участіи Бѣлинскаго), то дѣлается понятною эта забота о большей ясности рукописи; встрѣчаются также и чужія поправки съ тою же только цѣлью — сдѣлать рукопись болѣе отчетливою. Другія поправки въ рукописи, сдѣланныя несомнѣнно чужою рукой, указаны выше въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Такимъ образомъ и въ „Современникѣ“ статьи Бѣлинскаго имѣли второй, редакторскій текстъ, прежде чѣмъ попадали въ цензуру (уже въ корректурныхъ листахъ). Тогдашній оффиціальный редакторъ „Современника“ Никитенко читалъ статью Бѣлинскаго уже

въ корректурѣ, такъ какъ на листѣ 66, находимъ помѣту: „NB. Окончаніе статьи въ III-е отдѣленіе набрать поскорѣе и послать по первой корректурѣ къ г. Никитенко“.

VII. Мертвыя Души (стр. 153—156).

Впервые напечатано въ той же книжкѣ „Современника“, какъ и предыдущая статья „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.“. Въ собраніи сочиненій, XI стр. 69—72. Какъ напечатана эта статья непосредственно за „Взглядомъ“, такъ она и въ рукописи слѣдуетъ за названною статьею, начинаясь на той же страницѣ, гдѣ кончается „Взглядъ“, и занимая, подъ общей нумераціей, 71—74 листы f⁰, писанныхъ съ одной стороны. Въ концѣ статья подписана буквами: В. Б.; съ этою подписью она и напечатана въ „Современникѣ“.

Печ. Гос. Ун-т
Научная
им. Горького